

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 1/2015

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой обложке: **Вячеслав Александров**
посвящает этот головокружительный спуск
юбилею (60) писателя Виктора Кадырова.
ПОЗДРАВЛЯЕМ! «ЛК»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

ДОРОГОЙ МАР-СВЕТ-ТАШИМОВИЧ!

Надёжный мой друг с далёких студенческих лет, неизменный литературный сподвижник. Мы с тобой душеедино делили радости творчества и мрачноватые моменты, связанные с плодами творчества, – при твоём всесоюзном триумфе драматурга и совместной опале «сверху» по причине твоего повествовательного «чужого счастья» с моей редактурой и обоюдным пониманием, что чужого счастья, как и беды, не бывает. Ко всему я до сих пор слышу твой классически-оперный голос, которому были подвластны сложнейшие итальянские арии – можно думать, что сам Карузо потусторонне кусал пальцы. В добром кругу

многих твоих народных талантов мне особенно ценен и твой искромётный юмор, иногда и рискованные «хохмы»: что стоит, к примеру, взять закрытый зонтик, приставить его ручку пониже пояса и перед группой известных киргизских поэтов нажать на кнопку автоматического раскрытия – внезапный хлопок-эффект. Видел бы мир изумленный женский хохот-восторг! Хотя мы, сердечный друже, и одногодки, но я буду постарше тебя – ты явился на божий свет 23 марта, а я – 7 января. Так что душевное пожелание тебе: поживи с моё!

*Евгений КОЛЕСНИКОВ,
твой искренний поклонник.*

ВМЕСТЕ МНОГОЕ ПЕРЕЖИТО

Это было в 56 году прошлого века... Литкружок КГУ, руководимый нашим любимым доцентом Е.К.Озмителем. Первокурсник Женя Колесников, краснея от волнения, глуховатым голосом читает свои стихи... Не помню, о чем они были. Но запомнились его рифмы: «нету мук – и пойти тебе не к кому»... В благозвучии в столь разнообразных словосочетаниях слышалось профессиональное новаторство.

Много лет спустя с Евгением Колесниковым, что говорится, в рабочем порядке встретились уже в ранге известных писателей. В 1969 году Евгений Григорьевич редак-

тировал мой сборник «Чужое счастье», куда вошла и драматическая

новелла «Дуэль», которая шла на сценах многих театров Советского Союза и зарубежья. Но в это время начались какие-то конфликты между первым и третьим секретарями ЦК КП Киргизии. Службистам была дана команда искать и найти на секретаря по коммунистической идеологии компромат.

Для М.Байджиева счастье советского человека – чужое счастье, о чем свидетельствует название его книги, – докладывал на комитете Госиздательства старший редактор С.Маймулов. – В книге есть буржуазно-националистическая пропаганда!

– Где эта пропаганда? За такое сажали в тюрьму и расстреливали! – взорвался я.

– Страница сто сорок девятая, – открыл книгу Маймулов. – Аман спрашивает: Почему русские женщины любят целоваться?!

– Ну и что? – возмутился редактор Колесников.

– Автор позорит русский женщина! – ответил Маймулов.

Директор и Главред издательства признались, что прошляпили мои «идеологические вылазки», поклялись, что больше такого не будет.

– Нет. Я не согласен. Это клевета! – сказал редактор Е. Колесников

– Вы не согласны с партийным решением? – спросил Председатель.

– Я беспартийный! – отрезал Колесников.

Директор и главред получили выговор, редактора Е. Колесникова уволили, книгу «Чужое счастье» решили изъять из обращения.

– Не надо было возражать, Женя! Из-за моей писанины ты потерял работу. 20 тысяч «Чужого счастья» давно ушли в народ! – сказал я.

– А почему я должен соглашаться с этими политпроститутками?! Они же сами уговорили меня прийти к ним редактором! – возмутился Евгений.

Фильм «Чужое счастье», снятый в Ташкенте, получил Первый приз на Всесоюзном кинофестивале, по пьесе «Дуэль» по заказу ЦТ создали фильм «Ливень» с Наташей Варлей в главной роли, Евгения Колесникова приняли в редакцию журнала «Литературный Кыргызстан», у него вышли замечательные книги прозы в Москве и Фрунзе. Меня утвердили собкором московской «Литературной газеты».

Спустя какое-то время в журнале «ЛК» прошла статья с цитатой о том, что по Конституции СССР каждая Союзная республика имеет право на самоопределение. Редактировал статью Е. Колесников. И тебе, мой друг, опять трепали нервы.

Прошли годы, и все, за что нас наказывали, подтвердилось. Согласно статье Конституции, процитированной в журнале «Лит. Кыргызстан», каждая республика «самоопределилась»...

Вот такие события пережили мы с тобой, дорогой Евгений Григорьевич, за прожитые 80 лет...

Держись, мой друг! Береги свое здоровье! Может, и доживем до восстановления былого единства!

Твой Мар БАЙДЖИЕВ

ПРОЗА

Артем Хегай. Синдром Зулла. Рассказ	6
Александр Молчанов. Дурачки. Листочки. Лунный человек. Ива. Короткие рассказы	32
Олег Бондаренко. Чернобыль. Когда деньги сошли с ума. Па- мять. Триптих. Рассказы	41
Ф. Фарид. Шелковица. Рассказ	65
Эмиль Гузаиров. Метанойя. Дерево. Горячий камень. Рассказы	78

ПОЭЗИЯ

Евгений Колесников. Из итоговой книги. Стихи	104
Наргиза Карасартова. Новые стихи	114
Алтынай Иманбекова. Новые стихи	117
Михаил Рудов. Стихи	120

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Кадыров. Путешествие в страну счастья. Омук под водочку. Очерки	137
Александр Зеличенко. Скотник из УГРО. Стервятник на уткоферме. Колумбиец. Криминальные истории	157

КУЛЬТУРА

Георгий Хлыпенко. Синеглазая Азия – отчий дом русской поэтессы	165
Бахтир Койчуев. Драматургия Мара Байджиева в зеркале поэтики	183
Михаилу Рудову. Соратник своей эпохи. Покинув нас, остался с нами.	191
Коротко об авторах	202

ПРОЗА

Артем ХЕГАЙ

СИНДРОМ ЗУЛЛА

Рассказ-антиутопия

Посреди ярко освещенной студии возникла полная женщина в белом платье. Ее встретили волны аплодисментов и грохот барабанов.

– Итак, обсуждение во втором секторе завершилось, и мы движемся дальше! В третьем секторе: младший глас Дома политики, Плущий Акулиан! – Изображение ведущей отставало от голоса на долю секунды, но техники уже работали над этой проблемой. – А его оппонентом сегодня становится наш независимый эксперт – главный архитектор Дома генетики, профессор Тамалиен! Поприветствуем их!

Все прожекторы обратились к третьему сектору студии. Профессор Тамалиен поднялся из глубокого кресла и встал к прозрачной стойке. Смуглый, чуть полноватый, он выглядел лет на сорок, но уже был совсем седым. Напротив него, за такой же стойкой, оказался молодой мужчина с энергичным лицом – он поправлял запонки, как боксер перед боем приправливает перчатки к рукам.

– Слово предоставляется Плущию Акулиану!

Возле политика появились голограммы – индикаторы и графики, которые в режиме реального времени отражали мнение аудитории со всей страны. Плущий коротко поклонился и тотчас вступил:

– Сенария для сенарийцев! Все инородцы должны уехать, потому что их присутствие губительно для нас. Сейчас приоритетная задача каждой страны – это сохранение генофонда титульной нации. Сенария не исключение. И в таких

условиях межнациональный брак является преступлением, предательством по отношению к своему роду и крови! Каждому ясно, что единожды утратив чистоту генофонда, мы не восстановим ее никогда.

Молодой политик держался уверенно. Только глаза выдали беспокойство, когда индикаторы вдруг поползли вниз. Как видно, аудитории хотелось услышать нечто иное. Плущий решительно взмахнул рукой:

– Но мы не сидим, сложа руки! Многие уже достигнуто. Государственные программы позволяют нашим соотечественникам без каких-либо затрат вернуться на родину. Всем репатриантам предоставляется комфортабельное жилье, интересная работа, качественное образование. В прежние времена треть населения Сенарии – треть! – трудилась на благо других стран, проливая пот на чужой земле. А теперь наши мигранты вернулись: они получили возможность достойно жить на родине! Да, многое достигнуто, но этого мало. Нужно не только сплотить нацию, нужно исторгнуть инородцев из нашей среды! Своим присутствием они губят нашу многовековую культуру, угрожают генофонду Сенарии и распространяют... болезни.

Индикаторы сразу подскочили в полтора раза, и Плущий заговорил громче:

– Да, именно болезни! И в первую очередь я имею в виду синдром Зулла! Помните: всего двадцать лет назад никто из сенарийцев не страдал этим смертельным недугом. Так откуда же он взялся в нашей стране? Справедливый вопрос. Ответ же таков: синдром Зулла пришел к нам извне! Со стороны. И потому нужно очистить Сенарию от этой скверны!

Следовало немедленно закрепить результат: с сочувствием глядя сквозь призрачные графики, молодой политик проникновенно обратился к залу:

– Что будет, если мы не станем бороться за чистоту нации? Наглядным примером служит Кархалоон. Их женщины свободно выезжают из страны! Там по-прежнему легальны межнациональные браки! И что в итоге? Их генофонд полностью уничтожен. А синдром Зулла косит кархалонцев одного за другим! За минувший год от этой болезни там умерло девять тысяч пятьсот восемь человек. В то время как у нас погибло вдвое меньше! Неужели такого будущего мы желаем своим детям?! Потому я вновь говорю: Сенария для сенарийцев! Сплотим нацию, избавимся от инородцев, и все наши проблемы будут решены! Сенария заслужила право на золотой век!

Время вышло. Грянули аплодисменты, а микрофон у политика отключился. Под рокот барабанов ведущая вновь появилась в центре студии.

– Прекрасно! Прекрасно! Друзья, поблагодарим Плуция Актулиана за его пламенную речь! А теперь давайте узнаем, что скажет наш независимый эксперт, профессор Тамалиен, главный архитектор Дома генетики!

– Добрый вечер. – Профессор положил руки на прозрачную стойку. – Действительно, во всем мире задача сохранения генофонда сейчас стоит достаточно остро. Но это, пожалуй, единственное, в чем я согласен с предыдущим оратором. – Тамалиен оглядел зал. – Разве кто-то губит нашу культуру? В Сенарии на пять с половиной миллионов сенарийцев приходится менее десяти тысяч представителей других национальностей. Уважаемый Плуций, неужели вы полагаете, что столь малое количество людей способно уничтожить нашу культуру? Или вы считаете ее настолько слабой и не способной к конкуренции?

Молодой политик попытался ответить, но сейчас его микрофон не работал.

– Никакой угрозы генофонду эти люди также не представляют. Ведь за последние пять лет у нас не было зарегистрировано ни одного межнационального брака. К тому же, вы очень точно заметили: женское население Сенарии теперь лишено права покидать пределы страны.

Голографические индикаторы скакали перед профессором: то взмывали на волне одобрения аудитории, то падали в пропасть неудовольствия. Видя разразившуюся бурю эмоций, ведущая ликовала – шоу набирало популярность! Зато Тамалиен не обращал на это внимания.

– Что касается утраченного генофонда Кархалона, позвольте напомнить: легальность межнациональных браков здесь ни при чем. Это последствия Третьей Мировой войны – таков был результат применения биологического оружия. Более того, ваши данные по смертности от синдрома Зулла в этой стране неточны. А простое сопоставление цифр в данном случае неправомерно: кархалонцев почти в пять раз больше, чем сенарийцев. Я бы даже сказал, что синдром Зулла обходит Кархалон стороной...

Молодой политик с бархатной улыбкой следил за индикаторами собеседника – последние слова вызвали настоящий взрыв интереса.

– Прошу прощения! – Ведущая азартно облизнула пере-
сохшие губы. – Уважаемый Тамалиен, не могли бы вы пред-
ставить основные факты по синдрому Зулла? Что известно на
данный момент? Это время не будет вам засчитано! Пожалуй-
ста, продолжайте.

– Конечно. – Профессор вывел на поверхность стойки за-
готовленную памятку и принялся читать вслух. – Синдром Зул-
ла получил свое название по имени ученого, который впервые
описал это аутоиммунное заболевание двадцать лет назад.
Известно, что иммунитет больных начинает отторгать одну из
тканей организма – костную, эпителиальную, мышечную или
любую другую. Синдром Зулла характеризуется быстрым раз-
витием признаков и крайне высокой смертностью. Ни одного
случая излечения не зарегистрировано, причины возникнове-
ния заболевания неизвестны. – Он поднял взгляд от памятки
и обратился в зал. – Сейчас мы применяем новейшие имму-
носупрессоры, чтобы замедлить течение болезни. Это позво-
ляет увеличить срок жизни больных до шести, а иногда даже
до восьми месяцев. Но, в конечном счете, пациенты все равно
умирают: либо от самого синдрома Зулла, либо от сопутству-
ющих заболеваний, которые развиваются на фоне подавлен-
ного иммунитета. На данный момент эффективного лечения
не существует...

Стоило профессору умолкнуть, как таймер его выступле-
ния снова ожил. Ведущая не могла разбрасываться временем.

– Что ж, перейду к главному. – Тамалиен отключил памят-
ку. – В течение последних десяти лет я занимался исследова-
ниями синдрома Зулла. И завтра на XII Всемирном форуме я
оглашу результаты своей работы. Мой доклад позволит взгля-
нуть на синдром Зулла с иной точки зрения, раскроет причины
его возникновения. И, в конечном счете, это распахнет перед
нами новые горизонты: как в лечении самого синдрома Зул-
ла, так и многих других заболеваний. – Тамалиен заметил, как
таймер его выступления замигал, засветился красным. – Это
все. Благодарю за внимание.

– О, полагаю, теперь все жители Сенарии будут неот-
рывно следить за развитием событий на Всемирном форуме.
– Ведущая улыбнулась профессору. – А сейчас настало время
перейти к четвертому сектору! Друзья, давайте поприветству-
ем новых гостей! Итак, в нашей студии сегодня!..

Тем временем на поверхности стойки перед Тамалиеном
ярко высветились сообщения из чата в зале. В основном это

были слова поздравлений: в столкновении с Плущием – по результатам зрительского голосования – он одержал победу. Впрочем, люди были щедры не только на похвалу: «Не удивительно, что Плущий до сих пор – младший глас. Какого-то доктора не смог переспорить! Однозначно, старшим гласом в Доме политики Актулиану не бывать». Как видно, сам проигравший тоже прочел это сообщение: устраиваясь в кресле, со злопамятной улыбкой мелко покивал.

Утром на пустынной станции разливался покой. Но профессор Тамалиен был встревожен – он испуганно хлопывал себя по карманам. Только найдя футляр с кварцевыми кристаллами, профессор со вздохом облегчения опустил его на скамью. Эти кристаллы содержали плоды его десятилетнего труда в Доме генетики. Потерять их – казалось чистой воды самоубийством. К тому же Тамалиен уже заявил о своем намерении выступить в столице Сенарии на XII Всемирном форуме с докладом. Отступать было поздно.

Профессор еще раз тронул футляр с кристаллами через карман пиджака и успокоено откинулся на спинку скамьи, оглядел безлюдную станцию.

Он прибыл слишком рано. Кругом стояла гулкая, свежая тишина. Ни пассажиров, ни персонала. Из багряного пола тут и там росли необъятные карамельно-красные колонны – они поддерживали полупрозрачный розоватый купол. Тамалиен чуть поморщился: единство цветовой гаммы – популярное нынче и в оформлении помещений, и в моде – утомляло глаз.

Вдруг как по команде заработали скрытые кондиционеры, а по багряному перрону с тихим жужжанием поползли белые жуки роботов-уборщиков. Тамалиен зевнул, наблюдая за ними. Одна за другой красные колонны зацокали внутренними лампами, мягко засветились: по их глянцевым бокам поползла реклама. Это были короткие сообщения, выполненные разрешенным шрифтом в строгом черном цвете. «Лаборатория искусственной репродукции человека “I– Лоно”». «Пластические операции в клинике “Образ”». «Государственный пенсионный фонд».

Чтобы отделаться от мыслей о грядущем выступлении, профессор сжал мочку правого уха – там располагался активатор Сети. Линзы, вживленные в глаза, послушно высветили стандартное приветствие. Профессор невидяще уставился в пространство перед собой: несколько раз взмахнул рукой, побарабанил пальцами в воздухе, долго разглядывал что-то.

Изображение транслировалось сразу на сетчатку – сторонние наблюдатели не узнали бы, что Тамалиен проверяет корреспонденцию.

Закончив с письмами, он убедился, что времени до прибытия поезда еще предостаточно, и вошел в систему настроек персонального цензора Сети.

Давным-давно, когда цензор только появился на рынке сетевых услуг, правительство Сенарии моментально наложило вето на его использование. Это объяснялось «нарушением прав рекламодателей». Однако большая часть населения в знак протеста вышла на улицы с лозунгами: «Что нам видеть – решаем мы!». После долгих разбирательств, тестов программы и череды увольнений цензор все же появился в свободном доступе.

Всего у программы существовало три основных режима. Профессор Тамалиен, работая в Доме генетики, буквально тонул в потоках ежедневно прибывающей информации. Чтобы не переутомляться, он обычно пользовался первым, самым строгим режимом цензора. В этом случае программа отсекала почти все не запрашиваемые сведения, а остальное подавала, как говорили эксперты: «в минимуме смысловых единиц, санкционированным шрифтом». Но порой профессор уставал даже от любимой работы – уставал от волнений о новом проекте, уставал творить. В таких редких случаях он прибегал к средству, которое наедине с собой называл «духовным оглушением».

Тамалиен перевел цензор во второй режим.

Искусственные мембраны возле барабанных перепонок завибрировали: со всех сторон к нему хлынули медовые шепоты, бодрые призывы, детский смех. Колонны, стены и даже купол станции расцвели рекламными роликами. За беспомощный взгляд профессора теперь нещадно боролись крупнейшие бренды Сенарии. С непривычки Тамалиен ощущал себя волнорезом посреди искристой реки.

Вот, на ближайшей стене соблазнительная женщина в хитоне прижимает палец к полным губам. На ее запястье, будто невзначай, выделяется коммуникатор дорогой марки. Рядом – натюрморт из деликатесов. А купол станции тем временем уже превосхищает грандиозное шоу в Доме развлечений. Вспыхивают, заслоняют друг друга названия товаров, услуг.

Впрочем, для «духовного оглушения» этого было мало. Тамалиен нырнул еще глубже. Но прежде Сеть обратилась

к нему обаятельным женским голосом. Обратилась с предупреждением:

– Не рекомендуется лицам, не достигшим тридцатилетнего возраста. Рекламодатель не несет ответственности за возможный моральный ущерб и психические травмы потребителя. Желаете продолжить?

Профессор подтвердил свое решение, и уже падая в открывшийся волшебный мир, успел с удивлением подумать: «Так значит, они все-таки протолкнули закон об использовании запахов!».

Не прошло и минуты, как пустынная станция преобразилась в дивную оранжерею. Самые влиятельные бренды здесь проявлялись первыми. Каждый рекламодатель тратил колоссальные суммы, лишь бы вступить в бой на четверть секунды раньше других – это стократ окупалось. Ведь над каждым изображением, звуком или ароматом трудилась целая когорта специалистов. А миссия у них – у всех! – была только одна.

Ошеломленный Тамалиен оборачивался, вертелся на месте, будто его окликали со всех сторон. Кто знал, какие именно психотехники канонадами обрушивались на него? Вот, в диком многоцветном смерче прозвучал взволнованный шепот. Профессор смутно уловил только какое-то перечисление: «развлечения, работа, семья». Все это время датчики в стенах станции спешно фиксировали размер его зрачка, мимику, скорость дыхания, изменения температуры тела. Снова прозвучал шепот – программа индивидуальной подстройки еще нуждалась в уточнениях...

Тамалиен вдруг с удивлением обнаружил возле своей левой ноги необыкновенное желтое существо, отдаленно напоминающее коалу. Оно тянулось к его колену пушистой лапкой и трогательно улыбалось:

– Ваш внук будет счастлив, – существо склонило голову набок.

Профессор без лишних размышлений активировал электронную систему оплаты. Он не собирался выяснять, что предлагает желтая коала. Но знал, всем сердцем чувствовал, главное: его семилетний внук Геовлан действительно будет счастлив! Он покупал внуку счастье.

Когда перечисление денег завершилось, Тамалиена окутал светлый дым нежности, тоски по Геовлану. Однако туда же примешалась, густая как сироп, гордость за купленный подарок. Вот это-то приторное чувство и отрезвило. Вдруг

вспомнилось, что никакого третьего режима не существует – на самом деле это означает полное отключение цензора.

Профессор торопливо назвал адрес для доставки и перевел цензор в самый строгий режим. Коала исчезла, а вместе с ней рассеялся сказочный морок.

Посреди поблекшей станции Тамалиен шумно перевел дух – точно вынырнул из омута. Несуразные, непривычные мысли еще скакали в голове, сталкивались и рассыпались. Отголосками эха хотелось в отпуск – непременно с компанией «Бриз», у которых скидки на водные путешествия. Хотелось какого-то крепкого напитка с благородным вкусом – его название блуждало где-то на границе памяти, ожидало своего часа.

Тряхнув седой головой, Тамалиен позвонил внуку на коммуникатор. Через секунду линзы уже транслировали изображение на сетчатку – посреди станции будто открылось призрачное окно. И в этом окне стал виден семилетний Гевлан: одетый в серебристый защитный костюм, он сидел на песке. Впереди расстилались хмурые воды под пасмурным небом. Ветер трепал отросшие черные волосы мальчика.

– Привет, деда! А у нас сегодня опять один из очистителей сломался! Мы его починили, но мама говорит, что фильтры надо менять.

– Ясно, – Тамалиен, сидя на скамье, невольно подался вперед, пока вглядывался в лицо внука. – Как ты там? Еще не соскучился на море?

– Нет, деда, ты что! – Гевлан широко улыбнулся, заговорил тише, таясь. – Здесь вода уже почти очистилась. Через две недели мы еще раз вырастим дельфинов, а потом снова попробуем выпустить их в море! Прощлая партия... – он перестал улыбаться. – У них у всех маячки погасли. Только один, который к северу уплыл, еще горит. Но мы смотрели: он не в море, а на суше. Мама говорит, что того дельфина, наверное, поймали и держат в каком-нибудь частном аквариуме. – Гевлан вдруг с интересом оглядел пространство вокруг Тамалиена. – Деда, а ты сейчас где?

– Я на станции. Вот, жду поезд.

– И куда ты едешь?

– В Воллавиен. Сегодня там будет проходить... большое собрание. А я хочу рассказать всем людям о синдроме Зулла. Это очень важно.

– Ты придумал, как его лечить?!

– Ну, как тебе сказать...

– Ой, дед, извини! Сейчас, – Мальчик вдруг прислушался к чему-то, налетевший морской ветер снова взъерошил ему волосы. – Это мама. Она желает тебе удачи. И говорит, что всем понравится твоё выступление.

– Спасибо, – Тамалиен рассмеялся. – Но она говорит так, потому что любит меня. В действительности неизвестно, как люди все воспримут.

– А еще сказала, что ты прислал мне какой-то подарок. Его только что доставили. Скажи, что это такое? – Мальчик поднялся с песка.

– Секрет, – Тамалиену неловко было признаться в собственном неведении. – Но мне тут обещали, что такой подарок понравится любому мальчику.

– Я тогда побегу открывать, ладно?

– Конечно, Гевлан. Вечером еще поговорим.

Коммуникатор внука отключился.

Профессор тотчас обнаружил, что уже не одинок на станции. С радостью он наблюдал кругом не искусные рекламные миражи, а живых людей. Сенарийцы шли: хмурые, с сумками и печатью забот на нефотогеничных лицах. Однако их озабоченность казалась понятной, близкой Тамалиену. Он чувствовал сродство с ними. Тут и там – седые, лысые, черноволосые. Всюду – смуглость кожи. Сенарийцы обтекали профессора, собирались на перроне. «Мои, мои, родные!», – невольно улыбнулся он.

Как вдруг чья-то голова в этой толпе полыхнула золотом волос. Тамалиен даже со скамьи привстал. Стесняясь собственного любопытства, прикрываясь всеобщей толчеей, он решил приблизиться к незнакомцу.

Пока профессор пробирался вперед, подошел поезд. Гудя амортизирующими полями, состав мягко прильнул к перрону. Длинная зеркально-гладкая громада синего цвета. За такую окраску и полное отсутствие окон летучие поезда называли «сосульками».

В бесконечном синем теле поезда открылись проемы дверей, оттуда хлынули приезжие. Следом вышли проводницы.

Во всеобщем движении толпы Тамалиен почти нагнал золотоволосого человека. Но тут на пути встало несколько сенарийцев. Профессор рассыпался в извинениях, пробрался вперед. И едва не столкнулся с проводницей. Это была женщина

в строгом голубом костюме, которая официально улыбалась людям сквозь прозрачный шлем.

Не снимая улыбки с лица, она внимательно оглядела Тамалиена с ног до головы – сканер, встроенный в ее шлем, не обнаружил запрещенных объектов ни на поверхности тела, ни внутри организма.

– Пожалуйста, назовитесь.

Воздух вокруг проводницы тоненько звенел – помимо сканера она, как водится у государственных служащих, применяла детектор истины. Солгать ей было попросту невозможно.

Тамалиен представился.

– Какова цель вашей поездки?

– Я еду в Воллавиен на XII Всемирный форум.

– Благодарю за сотрудничество. Ваше купе под номером сто сорок пять. Транспортные сети Сенарии – движение в пределах страны!

Женщина переключила внимание на следующего пассажира. Тамалиен тем временем задержался у входа – напоследок обвел взглядом багряный перрон. Так и не найдя светловолосого иностранца, он с сожалением нырнул в поезд.

Профессор шел мимо бесконечного ряда сидячих мест эконома класса, где рассаживались небогатые пассажиры. Стараясь ни с кем не столкнуться в проходе, не споткнуться о чужие сумки, он читал номерки над раздвижными дверями. Среди всеобщего шума звучала музыка – из скрытых динамиков лилось пение одинокой флейты. Вот, профессор отыскал нужный номерок.

Комфортабельное купе было рассчитано на четверых. Три места оказались уже заняты. Молодая женщина, старичок в национальной одежде. С немалым удивлением Тамалиен обнаружил среди своих попутчиков того самого золотоволосого незнакомца, которого видел на станции! Стараясь не выдать интереса, профессор поздоровался и прикрыл за собою дверь.

Наконец все устроились и расселись по местам.

Единственная женщина в купе шумела больше, чем трое ее попутчиков: ерзала, поправляла складки сиреневой блузы. Затем, краснея, произнесла:

– Что ж, давайте знакомиться? Ведь если мы будем беседовать, наше путешествие пройдет намного приятнее, правда? Меня зовут Юма.

– Тамалиен, главный архитектор Дома генетики. – Профессор ненароком представился так же, как вчера его называла ведущая в студии.

– О! Значит, вам сенарийцы обязаны этими прекрасными плодами, – Юма по-детски приподняла брови. – Ну вот, забыла, как они называются... Только недавно появились в продаже. Они еще такие крупные, розоватого цвета. Очень сочные! Я их теперь каждое утро ем.

– С – 214, вероятно? Я не знаю, какое название им присвоили для торговли. – Слова Юмы так польстили Тамалиену, что он не удержался. – Но, действительно, это был очень интересный проект! Нам доставили образцы – корни двух плодовых деревьев, которые до Третьей Мировой войны росли на территории нынешней Сенарии. Мы слили их коды в одно целое, модифицировали. Младшие сотрудники до сих пор не решились, как называть С – 214 – «аберсики» или «пембрикосы»? – Тамалиен рассмеялся. – Но я увлекся рассказом. Ведь еще не все представились.

– Веарафан, критик в Доме музыки, – старичок благодушно покивал. – У нас не случается таких интересных историй, как у генетиков. Разве что на раскопках найдут довоенные нотные записи. Но если уж вспоминать увлекательные события из жизни... – он задумчиво потер морщинистые руки. – Вот, когда монофоническая музыка покорила мир. Раньше-то я был дирижером. Да оркестры отжили свое – теперь их мало кто слушает. А мне пришлось на старости лет осваивать новую профессию. Ну, что тут поделаешь? Освоил, да. Освоил...

Повисшую паузу заполнил золотоволосый незнакомец. Он заговорил на чистейшем сенарийском языке без малейшего акцента:

– Полагаю, теперь моя очередь представиться. Советник Хаз-Халд, консульство Дархарада. – Улыбаясь, мужчина поправил лацканы дорогого черного пиджака, стилизованного под двадцатый век. – Однако наша прекрасная попутчица так и не сказала, чем занимается она сама. Впрочем, если это секрет, мы, конечно же, не будем настаивать.

– Нет– нет! Никакого секрета нет! Но я всего лишь простой ветеринар. Мне и рассказывать особо нечего. – Юма снова покраснела. – Я хорошо чувствую животных, понимаю их. Только на словах этого не передать. Давайте лучше послушаем вас, уважаемый... Хаз-Халд. Я правильно произношу?

– Да, все верно, – советник кивнул ей. – Сказать по прав-

де, в консульстве Дархарата происходит много интересного. Но более всего мне запомнился, конечно, Великий исход двадцатилетней давности. Столь массовая репатриация по всему миру – это событие, по меньшей мере, историческое! А каково ваше мнение? – обратился он к Юме.

– Ну, – молодая женщина заметно растерялась. – Все так сложно. Теперь в каждой стране, кроме Кархалона, живет только титульная нация. А всех иностранцев сразу выдавливают. – Она подняла осторожный взгляд на советника. – Но это вовсе не значит, что я тоже плохо отношусь к иностранцам. Даже наоборот, мне приятно видеть людей другой национальности. Ведь это теперь такая редкость, – Юма вдруг махнула рукой. – На самом деле я вообще не понимаю! Зачем людям так нужно отделяться друг от друга? Зачем все эти войны? Зачем везде искать отличия?! Да возьмите, к примеру, сценарийцев с дархарианами. Неужели мы настолько уж разные? В Сценарии не принято есть корнеплоды – кто не хочет, пусть не ест! Дархарианки никогда не носят брюк – ну и пусть не носят! На самом деле это такие мелочи, на которые и внимания не стоит обращать. Вы уж простите за это сравнение, но я скажу как ветеринар: даже межвидовые животные так не ссорятся, как люди. А все эти внешние, культурные и духовные отличия только преграды создают.

– Такая непосредственность делает вам честь, уважаемая Юма! Но я знаю бесчисленное множество людей, которые с вами не согласятся! – Советник Хаз-Халд от души рассмеялся, что впрочем, вышло у него совсем не обидно. – В мировом масштабе последствия Великого исхода нельзя рассматривать в каком-то одном ключе. Здесь нужен комплексный подход. – Он откашлялся. – Да, все национальности разобщены, все пекутся о чистоте генофонда. Однако есть и положительные моменты! Как известно, раньше Сценария была главным поставщиком рабочей силы в соседние государства. Теперь все эти люди вернулись и трудятся на пользу отечества... А разве вы не заметили, как изменилось коренное население внутри страны? Не будем далеко ходить за примером: дархариане в Дархарате, мои сородичи! – он оглядел попутчиков. – Никогда прежде у меня на родине не уделялось столько внимания проблеме сохранения языка. А как расцвели национальные виды спорта? Как заблестала культура Дархарата?

– Простите, я ничего об этом не знаю, – ответила Юма.

Советник усмехнулся, внимательно пригляделся к молодой женщине:

– Будь вы не ветеринаром, а политиком, я бы воспринял это как тонкий контраргумент. – Он вдруг широко улыбнулся. – Тогда ответьте мне как ветеринар: животные стремятся жить среди других видов или все же предпочитают свою собственную стаю? Доверять и помогать своим, действовать во благо своего рода; и охотиться на других, подавлять их, опасаться. Разве это не естественно? Разве в природе не так?

Впервые с момента знакомства Юма твердо посмотрела ему в глаза:

– Уважаемый Хаз-Халд, я могу привести сто примеров, когда межвидовое сотрудничество среди животных – обоюдо-выгодно. Взять хотя бы...

Молчавший до сих пор Веарафан неожиданно вмешался:

– Вы только послушайте, о чем вы говорите! – Старичок даже подался вперед. – Какое сотрудничество? Какой там еще масштаб? Великий исход – это великое благо для всех стран, и особенно для Сенарии! Только теперь кровь сенарийцев, наконец, очищается от скверны. Все беды, болезни, немощи нашего общества происходили от нечистоты, от примеси дурных кровей. Если считаете меня неправым, взгляните на Кархалон! Генофонд страны ценнее золота, а они разменяли его на грязные медяки. И веселятся! Прибежище разврата, кровосмешения, бескультурия и грязи – вот, что такое Кархалон. А еще переманивают нашу молодежь, соблазняют и развращают молодых сенарийцев тем, что называют «свободой»! Но это не свобода – это беззаконие. А кархалонцы и не люди вовсе – это паразиты, которых надо истреблять. Никто не борется с ними, все только защищаются. Еще не поняли, с чем столкнулись. Вот и Сенария – мирная страна – все никак не возьмется за меч. Но щит она держит крепко! Щитом я называю нашу великую культуру – вот, где наша опора! Вот, чем мы веками оборонялись от вражеских соблазнов! Такой надежный щит надо вложить в руки и другим странам – культуру Сенарии должны изучать во всем мире. И тогда придет понимание! Я знаю! Тогда-то люди возьмутся не только за щит, но и за меч. – Веарафан в яростном торжестве одернул красные рукава национальной одежды. – Настанет время, когда кархалонцы – и все подобные им – начнут сполна расплачиваться за беды, за все наши вековые тяготы. Ни в скользких законах, ни в мольбах,

ни в наворованных богатствах – ни в чем они тогда не найдут укрытия. И такая... потеха пойдет...

Тамалиен, Хаз-Халд и Юма в молчании смотрели на раскрасневшегося старика. Советник первый справился с ошеломлением:

– То есть, вы предлагает физическое устранение людей? Вы предлагаете убивать кархалонцев? Я правильно вас понимаю, почтенный?

– Не людей! Они не люди... Ай! – Веарафан поморщился и с досадой отодвинулся от Хаз-Халда. – Зачем мне вам объяснять? Все равно не поймете... Законы, правила – им это только на руку! Они законом укроются, правилом отгородятся, и будут дальше плодиться, расплзаться по миру!

Их разговор был прерван стуком в дверь. На пороге голубым силуэтом появилась проводница – на сей раз без прозрачного шлема. За ее спиной стояла золотоволосая женщина-дархарианка, которая испуганно оглядывала обитателей купе, прижимала руки к груди.

– Прошу извинить за беспокойство. – Проводница обратилась ко всем четверым пассажирам. – Уважаемая гостья нашей страны просит о помощи.

Дархарианка выдвинулась вперед, заговорила, точно задыхаясь:

– Простите, простите, что помешала! Здесь есть врач? Надо сделать укол.

После короткой заминки Юма неуверенно привстала с места:

– Я не врач – я ветеринар. Но укол сделать могу. А кому? Вам?

– Нет, это для моей дочери! Уважаемая, подождите, мы придем сейчас...

Через минуту взволнованная мать вместе с проводницей под руки привела в купе больную. Это была дархарианская девчушка, у которой длинные золотистые волосы доходили до самой талии. Веснушки на ее бледном лице выделялись особенно ярко. Девочка пошатывалась и все шептала:

– Мамочка, не уходи. Ты только не уходи.

Тамалиен про себя отметил, что она почти ровесница Гевлана. С готовностью поднялся на ноги:

– Вы можете уложить девочку на мое место. – Он ободряюще подмигнул. – И как же зовут эту замечательную маленькую принцессу?

Та напряженно стиснула бледные губы. За нее ответила мать:

– Низ-Нэй. Извините, она с самого рождения боится чужих, то есть незнакомых людей. Но она очень умная, послушная девочка.

Укладывая дочь, дархарианка улыбалась пассажирам, благодарила Юму, Тамалиена, проводницу, встревожено искала в сумке шприцы и лекарство:

– Нам достались в поезде сидячие места. А моей дочери стало плохо – она заболела недавно. Я просила... – Женщина нечаянно рассыпала шприцы в упаковках, коробочки с косметикой, мелкие монетки на пол. – Простите! Я очень... – Она торопливо присела, стала собирать вещи. – Я просила, но медицинский отсек нас не принимает. Они сказали, что Низ-Нэй – она иностранка. Ей нужно было прилечь, а на наших сиденьях нет места, там везде подлокотники. Все так вышло из-за этих подлокотников. Если бы их не было... – губы у дархарианки крупно задрожали. – Вот. Возьмите. Наполните шприц до второго деления. – Стоя на коленях посреди рассыпанных вещей, она протянула Юме пузырек с прозрачной жидкостью.

Та взглянула на этикетку:

– Вы что, даете больной дочери иммунодепрессанты? В таких дозах?

– Я сама не хотела вначале. Но это необходимо. Только так можно...

– Да вы с ума сошли! Я не буду это колоть.

Помрачневший Тамалиен жестом остановил Юму:

– Прошу, сделайте укол. Препарат назначен верно. – Видя непонимание на лице Юмы, профессор глухо пояснил. – У девочки синдром Зулла.

В купе стало тихо. Дархарианка не поднималась с колен. Юма испуганно прикрыла рот ладонью, потом зашуршала упаковкой шприца.

– Бедная малышка, – Хаз-Халд медленно перевел взгляд на профессора. – Простите, уважаемый. Но это ведь не опасно? Для нас?

Веарафан вдруг соскочил со своего места: он гневно запахнул полы национального наряда и, ни слова не говоря, решительно покинул купе.

Глядя ему вслед, Тамалиен ответил:

– Болезнь не передается от человека к человеку. Вам нечего опасаться.

Дархарианка тем временем склонилась над дочерью, убрала ей золотистые волосы от лица, успокаивающе зашептала:

– Все хорошо. Тебе нужно полежать. Не бойся. Я буду прямо за дверью.

– Садитесь на мое место. Вам нужно быть с дочерью. – Юма положила опустевший шприц на столик, и вместе с Тамалиеном вышла из купе. Притихший советник Хаз-Халд остался наедине с Низ-Нэй и ее матерью.

В просторном коридоре среди шума разговоров профессор прошел возле сидящих людей и тяжело облокотился о поручень возле искусственного окна. На самом деле никаких окон здесь не было – изображение того, что происходило снаружи, передавалось на широкие мониторы.

Мимо поезда мчался нефритовый ковер из деревьев и кустов. Белыми призраками мерцали редкие столбы. Вблизи ничего нельзя было разглядеть – все сливалось в одну суетную зеленую полосу. Зато над ней синела полоса неподвижного неба.

Возле поручней Тамалиен обнаружил стенд с самыми настоящими бумажными газетами. Так транспортные сети Сенарии пускали пыль в глаза своим пассажирам. Профессор, хмыкнув, вытащил случайную газету, пролистал. На глаза попала статья какого-то общественного деятеля. Один абзац посреди текста был выделен крупным шрифтом.

«Национальная культура сегодня – это проститутка в перьях. Она приветлива, она становится доступной, стремится всех удовлетворить. Но делает она это только там, куда собираются нагрянуть ее старшие сводные сестры – политика с экономикой. И миссия современной культуры, по сути, сводится к одному: расслабить клиента. Чтоб сестрам было проще его потрошить».

Тамалиен сунул газету на место. Тут он заметил поодаль Веарафана, который стоял посреди коридора с незнакомой статной женщиной. Старик с заискивающей улыбкой бормотал что-то, хихикал. Черноволосая незнакомка перед ним, облаченная в стильное алое платье с элементами этники, порой плавно кивала, а затем вновь высоко поднимала голову на лебединой шее. От этого крупные рубиновые серьги в мочках ее ушей тяжело раскачивались.

Вот она попрощалась с Веарафаном – склонила голову в знак почтения. Белорыбицей проплыла по коридору мимо Тамалиена. Скрылась в купе.

Старичок с невыразимой гордостью издали заметил профессору:

– Вот истинная женщина! Чистокровная сенарийка!

Тамалиен устало побрел по коридору в вагон-ресторан. Хотелось выпить.

Позади барной стойки на стеллаже среди множества ярких конкуренток Тамалиен обнаружил бутылку того самого крепкого напитка «с благородным вкусом». Сделал заказ. Долго потягивал из бокала, не поднимал головы – рассматривал салфетку, на которой в черно-белой графике были изображены две птички на сосновой ветке. Полтора часа, оставшиеся до прибытия в Воллавиен, профессор пробыл в вагоне-ресторане.

Сойдя с поезда, Тамалиен зарегистрировался в станционном отеле. Там он передохнул после дороги, пообедал, оставил вещи в номере и вышел в город. До начала XII Всемирного форума оставалось всего несколько часов.

Прозрачные двери отеля распахнулись в шумные проспекты, зеленые бульвары Воллавиена. Профессор уже бывал здесь, и все-таки вновь удивился городу. Даже с цензором Сети, работающим в строгом первом режиме, окружающее пылало красками. Казалось, само небо над столицей ярче и синей! Старинные здания в зеленых куцах, фонтаны на площадях. Кругом чисто, светло. В послевоенное время никто больше не строил небоскребов. Зато под каждой крышей прятались десятки подземных этажей.

Самой глубокой была Воллавиенская Падь или просто Яма, как называли ее жители столицы. На триста сорок два этажа Падь вводила в недра земли. Ходили слухи, будто нижним концом – при помощи обыкновенных платформ телепортации – она сообщается с Кархалонской Падью на противоположной стороне планеты. Однако слухи оставались слухами: ниже двухсотого этажа размещались правительственные палаты Сенарии, а потому любопытных обывателей туда не пускали.

Профессор увидел прозрачный купол Воллавиенской Пади издалека – сверкающая гора в окружении парковых деревьев. Именно здесь по традиции проводился Всемирный форум. Стиснув футляр с кварцевыми кристаллами, Тамали-

ен свернул на прямую аллею. В правом ухе пикинул сигнал коммуникатора. Профессор принял вызов.

– Доброго дня, уважаемый, – это был глава Дома генетики. – Ваше путешествие до Воллавиена прошло благополучно?

– Да, почтенный, благодарю. Как раз направляюсь к Пади.

– Я только хотел сказать, что все мы очень переживаем за ваш доклад. Все-таки вы отказались оглашать его ключевые моменты до выступления на форуме. Возможно, совместными усилиями мы смогли бы сгладить случайные шероховатости, исправить... недочеты.

Тамалиен сдержанно улыбнулся: глава Дома генетики славился тем, что любил вмешаться в чужую работу на заключительных этапах: внести в нее несущественные изменения, а потом – в случае успеха – все заслуги приписать себе одному. Зато в случае провала он забывал о каком-либо соавторстве, сразу же отходил в тень.

– Но к чему теперь говорить об этом? Уже слишком поздно!.. Я связался с вами только чтобы сказать: мы обеспечили дополнительную информационную поддержку. Весь город, вся страна будет следить за вашим выступлением, – глава вздохнул. – И теперь, когда вам не с кем разделить эту ответственность, я просто желаю вам удачи. Впервые от Дома генетики нашего города появится докладчик на Всемирном форуме. Это так много значит для всех нас... Удачи вам! Удачи.

Как только коммуникатор отключился, Тамалиен постарался выбросить разговор из головы. По его мнению, напутствие «Главное – не оплошай» лучше всего настраивает на полный крах дела.

У ближайшего входа в Воллавиенскую Падь профессора встретил охранник в черном мундире. От его непроницаемого агатового шлема по воздуху растекался знакомый звон детектора истины. После привычной процедуры охранник подсказал профессору, как пройти к порталам.

Тамалиен прибыл в главный зал Пади. Там он занял свое место.

Осью громадного цилиндрического зала служил столп солнечного света. Остальное скрывалось в сумерках. Десятки тысяч платформ крепились к стенам, нависали одна над другой, подобно древесным грибам, которые выросли в дупле дерева. Среди тусклых желтоватых светильников появлялись фигуры людей, пространство наполнилось оживленным гово-

ром. Казалось, кругом – одни сенарийцы! Но Тамалиен знал, что это иллюзия. Большую часть зала занимали голограммы иностранных участников, над которыми неустанно работали «программы-примеры» и «программы-переводчики».

После первых Всемирных форумов психологов пришли к выводу: людям проще устанавливать контакт и приходиться к согласию с представителями своей национальности. С тех пор ни один из форумов уже не обходился без подобной высокотехнологичной «ретуши».

Профессор удобно устроился в кресле. Перед ним из пола вырос гляцевый терминал управления. Здесь можно было приблизить изображение выступающего, ознакомиться с новыми данными или представить на рассмотрение всего форума собственную информацию. Футляр с кварцевыми кристаллами Тамалиен предусмотрительно положил на колени.

Первым делом грянул величавый гимн Сенарии – пришлось встать. Профессор был уверен: каждая страна сейчас слушает свой собственный гимн. Затем последовала официальная часть: слово предоставлялось главам стран-участниц форума. Вот, начался первый доклад, посвященный росту военного потенциала каждой страны. Профессор целиком обратился в слух.

Выступающим не требовалось куда-либо выходить, чтобы привлечь внимание. Персональные платформы с терминалами сами по очереди выплывали в центр зала и замирали под лучом света. Кроме того, каждый участник имел право выступать инкогнито – не называть ни собственного имени, ни родной страны. Чтобы избежать всевозможных обвинений и конфликтов на национальной почве, этим правом пользовались все.

Доклады следовали один за другим, со всех сторон сыпались вопросы участников. Когда настала очередь секции здравоохранения, Тамалиен с растущим в душе волнением получил уведомление на терминал: его доклад назначили первым. Платформа мягко сдвинулась с места, поплыла в середину зала. Под столпом света она замерла.

Профессор дождался, пока стихнут аплодисменты, и вступил:

– Я рад приветствовать всех участников сегодняшнего форума. Мой доклад будет посвящен синдрому Зулла. – С этими словами он поместил кварцевые кристаллы в ячейки терминала. – Вначале совершим небольшой экскурс в исто-

рию. В глубокой древности, задолго до Великих войн, медики и философы обнаружили тесную взаимосвязь между состоянием души и тела. Путем наблюдений было установлено, что у желчных людей часто встречаются заболевания печени. А те, например, кого тревожит будущее, обычно страдают близорукостью. Позже это явление получило название «психосоматики». Говорю об этом сейчас, чтобы прояснить, где кроется корень моих исследований. Ну, а теперь к сути дела, – профессор свел брови. – Последние годы я занимался проблемой синдрома Зулла. А также, опираясь на самые достоверные источники, я изучал историю погибшего мира. Результатом этих двух независимых исследований стал вывод, который перевернул мои представления как о самом синдроме Зулла, так и о причинах его возникновения. Можно с уверенностью утверждать, что сегодня мы столкнулись с принципиально новым явлением. Это социосоматика.

Тамалиен открыл доступ к плодам своего труда – активировал кристаллы. На экране терминала тотчас замелькали графики, отрывки текста, фотографии – участники форума просматривали данные.

– Социосоматика – это взаимосвязь между проблемами в обществе и тем, чем именно болеет человек. Чтобы понять, как она проявлялась в прошлом, давайте обратимся к отрезку времени между двадцатым и двадцать вторым веком довоенной эпохи. В те годы среди острейших социальных проблем на первом месте стояла коррупция. Согласно многочисленным источникам, она проникла практически во все социальные институты. Захватила все уровни власти, поразила систему здравоохранения и образования, развратила силовые структуры. Я предлагаю рассмотреть этот негативный процесс во всех подробностях. – Профессор принялся по очереди подчеркивать на терминале пункты списка. – Во-первых, коррупция, поразив какую-либо организацию или институт, начинает разрастаться. Она растет и, в конечном счете, это приводит к тотальному подавлению добропорядочных сотрудников, к их вытеснению. Во-вторых, коррупция планомерно разрушает организацию, в которой поселилась: постоянно снижает эффективность работы, истощает ресурсы вследствие некорректного перераспределения средств. В-третьих, коррумпированная организация стремится навязать свою модель поведения всем: и ближайшим потребителям услуг и удаленным партнерам. Рядовых клиентов приучают к взяточничеству путем бюрократии,

а деловым партнерам настойчиво предлагают разнообразные формы «обоюдовыгодного» взаимодействия. В-четвертых, каждая коррумпированная единица стягивает к себе все доступные финансовые потоки и даже создает новые – избыточные. И в-пятых, коррупция на всех уровнях стремится избежать контроля или хотя бы обмануть проверяющую систему. Отсюда: ложные данные в отчетах, подделка документов, подкуп проверяющей стороны и прочее... По сути, каждый человек тех времен использовал вверенные ему должностные права и полномочия, чтобы урвать у окружающего мира все доступные блага. Однако такое поведение характерно не только для общественной жизни – оно встречается и на клеточном уровне... Может показаться странным, насколько увеличилось в те века общее число раковых больных. И увеличилось оно не в отдельно взятой стране, а на всей планете сразу. Везде. – Заслышав гул непонимания, Тамалиен примирительно поднял руки. – На первый взгляд между коррупцией в обществе и злокачественной опухолью в теле человека нет никакой связи. Но на самом деле такая связь существует. И она необычайно прочна! В подтверждение этих слов я предлагаю рассмотреть поведение раковой клетки: злокачественную опухоль характеризует неконтролируемый рост. А это в свою очередь приводит к повреждению и сдавливанию близлежащих здоровых тканей. Еще опухоль вырабатывает токсины, которые постоянно отравляют и истощают организм. Также рак стремится к распространению: он одновременно проникает в прилегающие ткани и вместе с тем метастазирует в весьма удаленные части организма. Кроме того, в самой опухоли наблюдается интенсивное разрастание кровеносной системы, которая поставляет ей питательные вещества. И наконец, рак «учится» ускользать от внимания иммунитета... Разве не поразительно, насколько точно совпадает поведение раковой клетки и отдельно взятого коррупционера? Оно совпадает вплоть до мелочей! И не странно ли, что на пик коррупции в обществе в те же века приходится пик раковых заболеваний? Таков первый пример социосоматики в действии.

После этих слов десятки тысяч пользователей тотчас пожелали вывести увеличенное изображение Тамалиена на свои терминалы.

– Второй глобальной проблемой того времени была так называемая «промывка мозгов». Ею традиционно занималась политика, реклама и СМИ. Главной целью «промывки мозгов»

являлось отключение критического мышления у людей с тем, чтобы внедрять в их сознание нужные идеи. А ведь критическое мышление выполняет очень важную функцию – оно обеспечивает нашему сознанию чистоту и здоровье: помогает избавиться от навязанных суждений, позволяет обнаружить опасную ложь. Оно же делает нас невосприимчивыми к глупым идеям и позволяет сопротивляться чужим интеллектуальным атакам. Зато без критического мышления люди тотчас становятся подобны покорному стаду. Как, например, заставить покупателя совершить дорогую нерациональную покупку? Как вынудить избирателя проголосовать за тирана? Все это становится возможным после разрушения естественной защиты нашего разума. – Профессор помрачнел. – А теперь я позволю себе напомнить о «чуме двадцатого века» – так называли синдром приобретенного иммунодефицита... Проще говоря, иммунитет – это то, что защищает человеческое тело от инфекций и вредоносных микроорганизмов: на уровне физиологии он выполняет в точности те же самые функции, что и критическое мышление на уровне сознания. Как видите, социосоматические корни СПИДа очевидны: общество лишает критического мышления, а в то же самое время люди вдруг начинают гибнуть от нехватки иммунитета. И даже слово «приобретенный» в названии болезни представляется мне удивительно точным... Похоже, острейшие социальные недуги издавна воплощались в виде болезней человеческого тела.

В зале поднялся ропот. Участники форума успели ознакомиться с базовыми положениями доклада, и теперь жаждали высказаться.

– Но есть еще одно немаловажное обстоятельство. – Тамалиен оглядел ближайшие платформы. – Первый настоящий детектор истины был изобретен в две тысячи трехсотом году. Когда эта технология стала применяться среди госслужащих, для коррупции попросту не осталось места. В течение нескольких последующих лет число новых случаев заболевания раком сократилось в десятки раз. По этому поводу высказываются разные мнения: улучшение экологии, изменения солнечной активности и прочее. Но истинные причины до сих пор не были установлены. – Тамалиен помолчал. – Стоит ли говорить, что появление цензора Сети разминусов с созданием лекарства от СПИДа всего в несколько месяцев?

Профессору неожиданно представилось, как Падь обру-

шивается вовнутрь. Он постарался избавиться от этой дикой мысли, чтобы она не отвлекала.

– Что ж, теперь обратимся к нашей сегодняшней проблеме – рассмотрим синдром Зулла. При этом аутоиммунном заболевании происходит изменение антигенной структуры в ткани организма. И далее иммунитет больного начинает отторгать эту ткань как инородную, потому что ее антигены уже не совпадают с главным комплексом гистосовместимости. Что же мы тогда предпринимает? Говоря простым языком, мы виним во всем иммунитет больного и старательно подавляем его комбинированными иммуносупрессорами. Я же предлагаю взглянуть на ситуацию под иным углом: не иммунитет отторгает изменившуюся ткань – это сама ткань начинает отторгать весь остальной организм человека. Она... просто обособляется. Последствия же общеизвестны.

Профессор оглядел тысячи платформ, замерших в Воллавиенской Пади.

– Синдром Зулла – это не военная разработка, не космическая зараза и не воскресшая бактерия из древних времен. Возникновение этой болезни совпало с явлением Великого исхода. Синдром Зулла мы породили сами. А пока не найдено лекарство, каждому из нас нужна хотя бы профилактика этого опасного социосоматического заболевания. – Стоя под лучом света, радостный от возможности произнести эти слова, он улыбнулся в сумеречный зал. – Так давайте откроем друг другу двери. Откроем границы, примем гостей!.. Взаимодействовать нам – необходимо! Сама природа говорит об этом.

Выдержав паузу, Тамалиен воспользовался одной из функций терминала: по всей Воллавиенской Пади эхом прокатился музыкальный звон – так каждый из участников заявлял об окончании доклада. Наступало время вопросов.

Первой к профессору обратилась женщина в ярко-желтом наряде. Программы маскировали ее внешность, синхронно переводили речь, однако можно было догадаться, что она иностранка – сценарийцы иначе строили предложения и гораздо меньше жестикулировали при разговоре.

– Очень интересную теорию вы предложили! И такой ваш подход к синдрому Зулла весьма перспективен. Но почему же в своем исследовании вы обратили внимание только на тот период времени, началом которого значится двадцатый век? Если верны ваши выводы, то похожие прецеденты должны были существовать и ранее.

– В данный момент я склонен считать, что развитие человеческого сознания – в массе – достигло необходимого уровня только в начале двадцатого века. – Тамалиен благодарно кивнул незнакомке. – Полагаю, лишь по достижению этого «градуса развития» можно наблюдать явление социосоматики.

Следом профессор с немалым удивлением разглядел на экране терминала знакомое лицо. Это был Плуций Актулиан:

– Вы не истинный сенариец! В вашей теории слышен упрек нашему народу!

Как видно, политик хотел взять реванш за выступление в студии. Плуцию не повезло: главный созерцатель форума счел вопрос некорректным и снял его с обсуждения. Однако дело было сделано – название страны прозвучало.

Тотчас другой участник форума, тучный мужчина в коричневом костюме, с необычайным оживлением на лице торопливо спросил:

– И как, по-вашему, передается синдром Зулла? Или вы хотите сказать, что эта болезнь поражает самых ярых националистов?

– Нет, ни в коем случае! – Тамалиен искренне возмутился. – Принципы передачи социосоматических заболеваний требуют дополнительных исследований! Пока я могу сказать с уверенностью лишь одно: зачастую как раз таки страдают ни в чем неповинные люди!

– Право, я даже не знаю. Мне кажется, вы неспроста проталкиваете эту идею в массы. Социосоматика... Необходимость профилактики... – в картинном сомнении толстяк поджал губы, а потом вдруг грянул во весь голос с прорвавшейся радостью обличителя. – Да ведь известно, что трудовые мигранты из Сенарии в свое время буквально заполонили соседние государства! А теперь эта ваша теория: якобы существует взаимосвязь между болезнями и социальным укладом. Выглядит так, будто вы готовите почву для новой волны трудовых мигрантов из Сенарии. Да-да! Именно!

Профессор опешил. За все годы кропотливых исследований и научных изысканий подобная мысль не приходила ему в голову ни разу. И вот, благодаря Плуцию, – всего две фразы, брошенные в зал – на плоды его труда уже косятся с подозрением – нет ли в них политической червоточины?

Доклад больше никого не интересовал. Теперь все обсуждали только одно – страну. Сенарию. И разве можно было удержаться, упустить такой шанс?

Не успел Тамалиен придти в себя, как заговорила новая участница – пожилая нарумяненная дама в бирюзовом наряде. Взгляд ее был тяжек, независим и всезнающ. Она поправила яркие бусы на груди.

– Я не согласна. В подобных теориях попросту нет никакого смысла. Эта ваша... соматика – если бы она существовала, о ней давно уже было бы всем известно. И вообще, о чем ваш доклад? Все так субъективно, скупо и – уж простите – местечково. Если в Сенарии негативно воспринимают иностранцев, это же еще не показатель. Это же не значит, что везде так! Вот у меня на родине, например, к субъектам чужеродной нации относятся вполне терпимо. Никто с кулаками на чужаков не бросается – в моей стране с этим полный порядок! – воскликнула она в запальчивости, однако благоразумно умолчала название родной страны. – Вы же умный человек – должны такие вещи понимать. А тут – сразу на форум, сразу доклад... Еще готовились, наверное, долго. Жалко мне вашего труда.

Следом выступил еще один участник. Он был того же возраста, что и Тамалиен. Даже их костюмы оказались схожего покроя. Только голос звучал глуше и серые глаза выдавали накопленную усталость.

– Откроюсь: я сам – сенариец. И меня очень удивляет, с какой легкостью докладчик отмахивается от богатейшего исторического наследия! Зачем изучать старину? Зачем поднимать архивы? Проще предположить, что нужен какой-то «градус развития» – будто бы только после него проявляются социально-соматические заболевания. А ведь общественная жизнь Сенарии не на пустом месте возникла – у нее глубочайшие исторические корни! – Он покачал головой. – Признаю, в докладе выражена замечательная идея, осуществлен интересный подход. Но когда у человека нет самого жгучего патриотизма в сердце, любая его работа становится бессмысленной.

Наконец, выступление завершилось. Платформа Тамалиена поплыла на прежнее место. А в столпе света тем временем появился новый докладчик.

Вот, началось обсуждение, зазвучали вопросы. Однако профессор этого не слышал: массировал седые виски – пытался унять гнетущую боль в голове.

Когда объявили второй перерыв, Тамалиен выбрался из Пади в зеленый парк. Неудержимо хотелось вдохнуть свежего воздуха.

Профессор выбрался на одну из зеленых аллей. Порой озирался: мимо проходили женщины и мужчины. Тамалиен с горечью, с недоверием оглядывал прохожих одного за другим. Внезапно в ухо запиликал вызов коммуникатора. Звонила личный секретарь главы Дома генетики, давняя знакомая Тамалиена. Сразу после приветствия она стушеввалась:

– Я должна сообщить. Пришло распоряжение. Вас освободили от должности главного архитектора. Простите, уважаемый! Я не знала, как это сказать. Вы столько лет!.. И ваше имя, ваша репутация в научном мире... Как же быть?!

Профессор застыл, не в силах ответить. Собственное тело показалось настолько одряхлевшим, тяжелым, что невозможно было сдвинуться с места! Наконец, Тамалиен бесильно выдохнул:

– Ничего. Ничего, я понимаю. Не беспокойтесь. Все в порядке.

Когда коммуникатор отключился, он побрел к выходу из парка – вернуться на форум было превыше его сил. Пускай даже футляр и кварцевые кристаллы с результатами исследований останутся в Воллавиенской Пади.

Вернувшись в станционный отель, профессор забрал вещи из номера, расплатился. Сошел на станцию по широкой лестнице.

Среди кипучего многолюдья Тамалиен с трудом пробирався к кассе. Поминутно запутывался в обрывках чужих бесед, боялся оступиться. Он совсем забыл, что билеты можно было купить и через Сеть.

За бронированным стеклом кассы сидела девушка-сенарийка в голубом костюме. Тамалиен рассеянно поздоровался, назвал родной город. Потом, неожиданно для самого себя, вдруг спросил:

– Я могу выкупить все четыре билета в одно купе?

– Разумеется, – она вежливо склонила голову. – И в этом случае вы получите дополнительную скидку вместе с правом бесплатного обслуживания в вагоне-ресторане. Желаете оформить заказ?

Профессор воспользовался электронной системой оплаты. Когда перечисление денег завершилось, за стеклом снова раздался ее голос:

– Благодарю за сотрудничество. Ваше купе под номером двести восемь. Транспортные сети Сенарии – движение в пределах страны!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Дурачки

Мать гнала свою дочь со двора. Бранилась сильно и бросалась камнями. Зоя плакала от обиды и старалась увернуться. Один камень громко угодил в ворота, погнул железо. Зоя через сарай побежала в огород. Бежала по грядкам, споткнулась о куст огурцов, упала. Мама стала бранить за грядки. Зоя поднялась, посмотрела на запачканное влажной землей синее платье, всхлипнула. Красивая белесая девушка с косой до пояса, тонкой талией и упругой грудью. Никак ей непонятно, почему мама потаскухой зовет.

Добежала до ограды, которая уже погнила и почти завалилась к соседям. Остановилась передохнуть, перевести дыхание. Сердце колотилось бешено и кололо. Мать шла за ней, пошатываясь и держа в руке черенок лопаты. Она была вся красная, опять напилась.

– Мама, я ведь уйду, – сказала Зоя с надрывом, сквозь слезы, – я ведь уйду, мама.

– Иди, вон из дома! – кричала мать, – потаскуха. Позору столько, что не снести.

– Мама, опомнись, – просила Зоя, – опомнись. Что ты творишь.

– Не хватало мне с тюремщиками родниться, – говорила мать, – вон, чтоб глаза мои тебя не видели.

Зоя плакала, она любила Гришу, у которого отец тюрем-

щик. Но Гриша-то не тюремщик. Он ПТУ закончил и машины чинит, не тюремщик он. Мама не хочет понимать этого, как выпьет, так из дома гонит. Неделей раньше за косу таскала, норовила лицом о стену ударить. У девушки осталось мало терпенья, ее душила обида от материнского непониманья. Рыдала через день.

Мать подходила все ближе, замахнулась. Зоя перевела дух и прыгнула через ограду, побежала по соседскому огороду. Мама еще немного покричала, потом опала в слезах на ограду. Зоя пробежала мимо привязанной к колышку коровы. Пятнистая корова, жуя клевер из стойла, посмотрела в след бегущей девушки, отмахнулась хвостом от мухи и вновь потянулась к стойлу.

Никто из соседей не вышел на крики.

Зоя выбежала на улицу и побежала к полю. На небе собирались тучи. В клубе готовились танцы.

Отец загорелым телом в распахнутой рубаше загородил ворота, глаза кровью налились. Гриша стоял перед ним, хотел выйти. Высокий худощавый чернявый парень с широкими плечами.

– Куда, щенок! – кричал отец, – назад! В дом!

– Я пойду, – говорил Гриша решительно, глаза его сверкали безумием.

Мать плакала на крыльце, младший брат стоял за виноградом с испугом во взгляде.

– По миру пуцу! – лютовал отец. – Идти собрался? К кому? К алкашне в родню?

Гришину душу горечь травила. Какая Зоя алкашня? Швея она, скромная, добрая, красивая. Не хотел он с отцом соглашаться, но тот был непримирим.

Мама плакала и просила, говорила, что не пара ему нагулянная. А у нагулянной глаза ясные и синие, как озеро, как небо. Разве бывает небо нагулянным? Сердцем тянулся к ней.

Гришу хотели в город к дядьке отправить, у дядьки в городе СТО. К тому же, чтобы нагулянную забыл. Но он не хотел забывать.

– Все равно пойду, – сказал Гриша.

Отец замахнулся и ударил его по лицу. Гриша упал, из носа пошла кровь. Мать при этом вскрикнула, бросилась к нему. Встала между отцом и сыном.

– Не бей, – стала молить мужа.

– Если надо, то и убью, – сказал тот, скрипя зубами.

Гриша, тем временем, вскочил и махнул через ворота. Побежал по улице, получая в спину брань и угрозы. Вечерело уже. Подул ветер. Тучи чернели, набирались дождем.

Танцы начались в девять часов. К половине десятого пошел ливень с ветром. Сильный, но не продолжительный. От сломанной ветки перемкнуло провода недалеко от клуба, в клубе погас свет. Молодежь неодобрительно загудела, однако расходиться не стала. Решила переждать ливень под крышей.

Отец с матерью ездили на машине по селу, искали Гришу. Никто из друзей его не видел.

Они сидели на шпалах железной дороги за селом. Гриша постелил куртку. За железной дорогой начиналось поле. На поле росли маки. Целое алое море маков. Море бушевало от ветра, по нему ходили волны, брызгали лепестками.

Ливень закончился быстро, даже разъясниться стало. На небе из-под редяющих туч показались редкие звезды и луна. Она была на две трети полной. Стала освещать тусклым серебром поле и железную дорогу. Они сидели промокшие, но не замечали этого. Зоя думала, что если бы море маков перед ней было настоящим морем, она бы прыгнула топиться. Гриша смотрел под ноги на красные камни и большую лужу внизу. По луже проходила рябь. Они долго молчали, и сердца их щемило от молчания. Вокруг только шорох поля и больше никаких звуков. Казалось, что они не на железной дороге, а в самом маковом море, которое скрыло их от внешнего мира. Внешний мир был там, за дорогой, в селе. Здесь же начинался внутренний, только их двоих мир. Без происхождения и людской молвы. И без оглядок на прошлое, которое даже не им принадлежало. Родители мстили за свои ошибки детям. Дети, чтобы убежать от родительских ошибок, искали свои. Но они не искали, они уже нашли. И не ошибки, а друг друга. Им столько сказать хотелось друг другу, будто год как не виделись. Правда, пришлось убежать от всего того, что непременно настигнет завтра.

– Я хочу, чтобы вместе, – сказал, наконец, Гриша, помолчал и добавил, – всегда.

– Что? – тихо, прижимаясь к его плечу, спросила Зоя.

– Давай будем вместе, – сказал Гриша.

– А они? – спросила Зоя.
– А они ничего, – сказал Гриша и обнял крепче, будто ее хотели украсть.
– Не позволяют ведь жить, – сказала Зоя.
Небо совсем разъяснилось, и луна на нем стала ярче. В луже тоже появилась луна, еще ярче, чем на небе.
– Красивая, – сказала Зоя и улыбнулась тепло и мило, точно и не гнали ее со двора.
– Красивая, – согласился Гриша и тоже улыбнулся.
А потом они посмотрели друг на друга и поцеловались.
В то же время, что-то капнуло в лужу. Раздался едва слышный плеск. Гриша и Зоя посмотрели на лужу. Тут же в нее капнуло еще раз. И еще. Что-то светлое, яркое. Стало капать и капать. Луна в луже разошлась рябью.
– Чудно, – сказал Гриша, – как будто луна плачет.
– Да, – согласилась Зоя.
– И так, как будто серебро, – сказал Гриша.
– Так она же серебряная, – сказала Зоя, – наверно ей нас жалко.
– А на небе не видно, – сказал Гриша.
– Наверное, стесняется, – сказала Зоя.
Они еще раз поцеловались, горячо и долго. И не видели, как из села показалась пара автомобильных фар, которая стремительно неслась к железной дороге.

Листочки

Санька забежал в комнату к старшему брату с листочками и в возбуждении. Рома в это время собирался на улицу идти и одеколоном на рубашку брызгал.
– Чего тебе? – спросил с недовольством Рома.
– Братка, братка, – замахал листочками Санька, – на, почитай. Стихи написал. Почитай.
– Некогда мне, ухожу уже, – отмахнулся Рома. – И сколько говорить можно. Не входи ко мне без спросу.
– Я же по делу, – не унимался Санька, – стихи вот принес. Тут немного, почитай.
– Ухожу я, – сказал Рома и торопливо направился к двери.

– С собой возьми, – просил Санька, – там считаешь. Хорошо получилось. Думаю, хорошо.

Санька втиснул в руки брату три тетрадных листочка. Тот, ворча, сунул их во внутренний карман джинсовки и вышел.

Шел десятый час вечера. Рома надел кроссовки и пошел из дома. Санька остался на крыльце.

Рома опаздывал и по тому шел быстро. Даже сутулился немного. Шел за село, там, на поляне, давно уже ждали. И даже начали без него.

За полкилометра Рома увидел огонь костра. Слышались веселые голоса молодежи. Подошел к поляне, его заметили.

– Чего так долго? – спросил Толян и рукой махнул.

– Делов дома много было, – сказал Рома и стал со всеми здороваться.

Всего сидело шестеро. С Ромой стало семь.

– Без тебя малость начали, – сказал Ванька виновато и покачал бутылкой с самогоном, на треть пустой, – но ничего. У нас еще есть.

– Это хорошо, когда есть, – сказал Рома и сел у костра.

Роме налили штрафной стакан, подали огурец. Рома выпил и закусил.

– Ром, тут это, – толкнул Рому в плечо Андрюха, – табак есть, а газета кончилась. У тебя есть чего?

– Щас гляну, – сказал Рома и начал ощупывать карманы.

Нашел во внутреннем три листочка и подал один Андрюхе.

– А чем тут исписано? – Андрюха поднес листочек к огню, чтоб посмотреть, чем исписано.

– Так просто, листки тетрадные, – сказал Рома.

– Правильно, с наукой дружить надо, – сказал Ванька, и все рассмеялись.

Андрюха разорвал листок и принялся делать самокрутку. Парни тоже потянулись за бумагой. Закрутил себе и Рома.

На небо из-за домов и деревьев уже вышла половинка луны. Рома затянулся самокруткой и пустил в луну дыма.

– Хорош табачок? – спросил Рома.

Луна не ответила.

Лунный человек

Тихо. Только дрова в печке гудят от огня. Мы с дядей сидим во времянке. Дядя на кухне на табуретке у печки, я на диване в комнате. Лампочки освещают времянку тусклым желтым светом. Кажется, все тонет в сумраке. И я, и дядя, и печка.

Я положил локти на стол и задумался. Дядя раскуривал папиросу. От плотного дыма кухня казалась вся в тумане. Сумрак и туман. Дым тянуло к огню, но часть все равно попадала в комнату и ела мне глаза. Я закрыл глаза и звуки стали отчетливее. Гудение печки напомнило мне мелодию. Долгую и унылую.

Шел январь. За окном снег и мороз. И луна на не успевшем замерзнуть небе. За окном ярче, чем внутри. Зато внутри теплее.

Во дворе залаял Волчок. Я встрепенулся и заметил, что задремал малость. Дядя снова снаряжал папиросу. Может, ту же самую, может, новую. У меня мерзли ноги, хоть и были в вязаных носках и тапочках. Особенно холодно было пальцам. Ими было трудно шевелить. Я отнял ноги у пола и лег на диван. Укрылся одеялом.

Луна освещала деревья в саду. Часть лучей попадала в комнату. Падала прямо на подоконник. Я подставил лучам ладонь. Они упали на ладонь.

– Что там? – спросил дядя, шевеля кочергой угли.

– Луна, – сказал я.

Волчок опять залаял. Дядя накинул тулуп и вышел во двор. Через пару минут вернулся, потирая пальцы. Сказал, что пес на холод лаает. Дядя высокий и крепкий. Он защитит от беды.

Я все смотрел на лунный свет в ладони.

– А ты видел его? – спросил дядя.

– Кого? – не понял я.

– Лунного человека, – сказал дядя.

– Нет, – ответил я.

Дядя ушел на кухню, вернулся с термосом и заварным чайником. Потом принес три чашки. Одна была со сливовым вареньем. Мне нравилось пить чай со сливовым вареньем. Потом принес сахарницу и ложки. Мы решили пить чай после того, как дядя запарит мешку пороссятам. Куря на кухне, он еще

запаривал на печке мешку. Интересно, как люди умеют делать два дела одновременно.

Дядя налил мне чаю. Чаю было целое озеро. Я подул и по нему пошли волны. В кружке случился ураган. Мне стало весело. А дядя погрозил пальцем, так как озеро плеснуло через берег на скатерть.

– Расскажи про лунного человека, – попросил я.

– Он приходил только один раз, – сказал дядя, – это было давно.

Мне было очень интересно. Я ел сливовое варенье и ерзал от нетерпенья. Дядя не любил рассказывать быстро, чем постоянно меня злил. Он постоянно не договаривал.

– Я проснулся ночью, поздно, – сказал дядя, – была полная луна, как сегодня. И я его увидел. Он стоял в углу и смотрел на меня.

– Зачем он приходил? – спросил я.

– Чтобы сказать, – ответил дядя, – он сказал, что все будет хорошо. Он помогает людям.

– А ко мне придет? – спросил я.

– Если нужно, то придет, – сказал дядя, – но его можно увидеть только при лунном свете.

– Почему?

– Потому что он лунный человек. Он много знает. А еще он очень добрый

– Я хочу, чтобы он пришел, – сказал я, – я хочу с ним поговорить.

– Когда-нибудь придет, – сказал дядя, – так что, если ты услышишь скрип пола или другой шум, то не пугайся. Это лунный человек. Просто еще не время, чтобы ты его увидел. У каждого свой лунный человек.

– Я понял, – сказал я и допил чай.

После чаепития мы пошли в дом, где спали бабушка и дедушка. Зашли тихо, не включая свет. Мне всегда стелили на диване в зале. Я прошел в зал. В лунной темноте разделся и лег спать.

В ту ночь я никак не мог уснуть. Я ждал лунного человека.

Лунный человек не пришел. Но зато меня больше не пугала ночь.

Ива

– Пошли иву посмотреть, – сказала Ирочка и потянула Лешу за рукав.

Леше не хотелось ивы, ему завтра опять вставать рано, клевер косить и весь день под солнцем. Он совсем загорелый стал за июль. А Ирочка беленькая и прическа у нее. И слова непонятные говорит про новую жизнь и впечатления.

Стоял теплый вечер. Они сидели на скамейке между двумя березками. Ирочка уже неделю как приехала, но наедине они остались впервые. Времени не было. Она похорошела, только худее стала. Леша жилистей и загорелей. Глаза ее более выразительными сделались, не так просто смотрели. Леша стеснялся. Серьезная девушка.

На безоблачном небе вышла луна. Убывала уже. Подул ветерок. Зашелестели березки. Леша все на ноги смотрел, чертил что-то на земле палочкой. Ирочка рассказывала, как хорошо образование получать. Вот только шумно. А в деревне тишина и покой. В деревне летом хорошо.

– Мне в поле завтра, – коротко сказал Леша.

Ирочка все тянула, глаза ее блестели. Хотела иву, что на берегу пруда.

Пруд за год немного подсох. Вода в нем стала грязнее, и теперь в нем не водилось рыбы. Зачем пруд без рыбы, думал Леша. И не покупаешься к тому же. А ива все стояла. Такая же пышная. Свежая. За год с ней ничего не стало. Скоро станет. Когда вода совсем отойдет.

Ирочка ничего не хотела слышать про поле.

– Пойдем, – капризничала она, – иву хочу посмотреть.

– Так за неделю, что ли, ни разу не видела? – удивился Леша.

– Не видела, – замотала головой Ирочка и волосы ее распустились.

Еще красивей стала, подумал Леша. Согласился. Пошли посмотреть.

До пруда было добрых три километра через село. По дороге окончательно стемнело. Завыли собаки, менялись новостями. Запел хор бабушек через три улицы. Где-то еще трактор гудел. Пахло травой и жизнью. Корова замычала. Не любила Ирочка коровьего мычания, сморщилась. Она была в

легком сиреневом платье и босоножках. Леша в штанах поношенных и рубашке с латкой на локте. Не успел переодеться. Ирочка как увидела, так сразу и позвала. Они жили через три дома друг от друга.

Вскоре показался бугорок, за которым пруд. Поднялись на бугорок. Лунные лучи играли на водной глади. Дрожала от ветра лунная дорожка. Пошли вдоль берега к иве. Ее контуры прорисовывались в ночи четко.

Дошли. Леша сел на теплую землю. Ирочка осталась стоять. Вернее подошла к иве, обняла ствол.

– Теплая какая, – сказал Ирочка и улыбнулась.

– Так жара весь день стояла, – шмыгнул носом Леша.

– Вот дурак, – шутливо сказала Ирочка и спряталась от Леша за иву.

Леша на воду смотрел, снова стеснялся.

– Так хотелось ее увидеть, – сказала Ирочка, – целый год о ней думала. Скучала. Как это можно по дереву скучать?

– Не знаю, – сказал Леша, – дерево и дерево.

– Дерево и дерево, – передразнила Ирочка, – знаешь такое слово «романтика», а?

– Знаю, – кивнул Леша и на Ирочку посмотрел, – это когда иву среди ночи ходят смотреть.

Ирочка подошла и села рядом. Посмотрела на водную гладь.

– Потому что она красивая, – сказала Ирочка, – потому и ходят.

– Так и днем красивая, – сказал Леша.

– Днем жарко, – сказала Ирочка.

Дальше сидели молча. Ирочка на звезды смотрела. Леша на пруд без рыбы.

Ирочка дрожала от прохлады. А Леша не решался обнять. На рубашке латка и пятна мазутные.

– Ладно, пошли, – сказала, наконец, Ирочка.

Оба поднялись. Пошли домой. По дороге ни слова не говорили.

Дошли до дома Ирочки. Постояли у ворот, даже не взявшись за руки. Попрощались.

Летом виделись еще несколько раз, но к иве больше не ходили.

РАССКАЗЫ

ЧерноБЫЛЬ

Ах, это сладкое время предновогодней распродажи!.. Народ толпится тут и там, переполняя магазины и торговые центры, кругом бесконечные очереди – но, правда, стоять в них не в тягость, в отличие от остального времени года, ибо чувствуется именно в таких очередях что-то волнующее, возбуждающее. Нарядные ёлки украшают любой, мало-мальски уважающий себя торговый зал, играет божественная рождественская музыка, и тысячи огней заливают наши лица, наши руки, наши покупки. Наши сердца.

Борис пробирался сквозь толчею, и не душе у него было радостно. Десятки красиво упакованных пакетов согревали, жизнь казалась прекрасной, и вообще всё шло как надо и не было ничего лучше на земле. Отличная работа, очаровательная жена, куча денег и сногшибательная карьера кого угодно сделают счастливым. Тем более в эти волшебные дни, когда человеку кажется, что всё ещё только начинается.

– С вас десять тысяч рублей! – обаятельно улыбалась кассирша в бутике, и Борис с благодарностью отдавал ей названную сумму. Продавщицам и кассиршам он вообще особенно нравился, они часто одаривали его умопомрачительными улыбками: молодой, красивый, мужественный, в отличном костюме и с печатью преуспевания на лице. Борис воспринимал это как должное, ему казалось, что иначе не бывает.

На улице он подошёл к своей машине, свалил в салон все многочисленные покупки и, вновь захлопнув двери, на минутку

задумался. Всё ли взял? Всё ли я купил на сегодня?.. Ах, да, сигареты. Сигареты, блин¹.

Борис повертел головой в поисках какого-нибудь киоска или магазинчика. Поскольку остановиться пришлось в переулке – где вы в предпраздничные дни найдёте место для парковки в самом торговом квартале? – то он заметил рядом лишь скромный маленький бар, скажем так, «не первой свежести», и направился туда.

В баре, взяв заветную пачку, он аккуратно уложил сдачу в бумажник и уж совсем было собрался покинуть заведение, как вдруг услышал за спиной:

– Борька – ты?!

Борис медленно обернулся. Перед ним стоял мужик пятидесяти с чем-то лет, огромный, плечистый, в пуховике, с совершенно пьяной физиономией и улыбкой тронутого младенца.

– Ты, братан?! Да, Господи, сколько ж это лет с тобой мы не виделись!..

Борис внимательно всмотрелся в совершенно незнакомую рожу. Сделал соответствующий вывод про себя.

– Извините, – вежливо сказал он, – вы меня с кем-то путаете.

Незнакомец икнул и дружелюбно развёл руками.

– Борька, я, брат, понимаю, что изменился за эти годы... Ты уж не взыщи. Меня можно не узнать... Но я тебя – я тебя ВСЕГДА узнаю! Помнишь тогда, в Чернобыле – ты меня ещё вытаскил тогда? А?.. Век не забуду, ты БРАТАН мой!..

Борис стоял, как слегка напраказивший пионер перед директором школы, и чувствовал, что ситуация однозначно неловкая и что ей, безусловно, нужно положить конец.

В мозгу пронеслось как молния: это что, меня разводят? или как? или он действительно напился до такой степени, что не может отличить одного человека от другого?..

Ведь, на самом деле, Борис был вовсе не суров в принятии своих решений и вынесении оценок. Мало того, он вообще считался мастером компромисса и лавирования, и именно благодаря этому – возможно – его карьера и шла в гору так хорошо.

Допустим, мужик и впрямь обознался...

Вон как улыбается – бесхитростно, искренне, как дитя...

¹ Для тех, кто против популяризации курения в художественной литературе, уточняя: речь в тексте вполне может идти об электронных сигаретах

Борис помедлил.

Улыбнулся в ответ.

Кивнул – якобы довольный.

Вздыхнул – как много лет не вздыхал...

– Да, дорогой, я помню тебя, конечно, – пробормотал он, но как бы для проформы. – Ты позволишь? Я должен идти...

– Нет-нет! – испугался вдруг мужик. – Я тебя так не отпущу! Я нашёл тебя, наконец! Нашёл! А знаешь, сколько лет искал...

Он прослезился – словно тронутый младенец – и обратился к бармену:

– Налей нам: мне и моему другу.

И сам в тот же момент запустил руку в карман, вытащил горсть мелочи и, как бы извиняясь, пересчитал монетки, лежавшие на ладони.

Борис хмыкнул про себя – если вообще можно таким способом хмыкнуть.

– Мне не нужно, дорогой, я за рулём. А ему, – он указал бармену, выдавшему виды, на своего неожиданного собеседника, мужичка, – за мой счёт.

Но и после этого уйти не получилось.

Плечистый незнакомец стал растроганно вспоминать о своём участии в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

– Помнишь, – говорил он, – как мы мудохались на четвёртом блоке, а? И ты был ещё командиром нашего отряда. Борька, родной, я за тебя жизнь отдам! Они тебя не ценят, а я – кого хочешь положу! За тебя!..

И незнакомец опрокидывал угощение в рот, а Борис – изо всех сил – продумывал пути к отступлению.

Абсолютно ясно было, что этот мужик ошибся.

И, пожалуй, не мошенник он. Просто человек перепутал.

По пьяни...

С кем не бывает...

М-да.

– Ладно, – Борис якобы спохватился. – Посидел я тут с тобою; лады. Мне действительно надо бежать. Перед праздником. А то ждёт жена.

– Нинка, что ли? – глаза незнакомца светились от радости. – Ты столько о ней рассказывал!

– Нинка, – вынужден был согласиться Борис. Хотя и не помнил, чтобы называл имя супруги вслух. – Я должен уйти, –

это бармену, – а вы человеку налейте ещё сто грамм. За моё здоровье. Вот деньги.

– Ты хоть телефон-то свой оставь! Я тебя не хочу потерять вновь. Бо-о-орька... Мой командир... – Пьянчуга аж млел, и по его щекам побежали скупые мужские слёзы.

– Пожалуйста, – Борис продиктовал номер, впрочем, с одной искажённой (намеренно) цифрой. – Ну, бывай.

Мужик-чернобылец, казалось, был искренне огорчён уходом своего бывшего командира. Он проводил Бориса до самых дверей, не думая о налитой барменом рюмочке.

– Не забывай меня... Не забывай... Я же тебя столько лет искал, БРАТАН!

Боря кивал на ходу и мыслями был уже далеко отсюда, уже в машине. Уже дома.

Он хлопнул дверью и отъехал, и рассеянно махнул через стекло бывшему вслед БРАТАНУ. Ехал по переулку, ехал по торговой улице, по городскому проспекту – а в голове почему-то вертелись кадры старой кинохроники об аварии на Чернобыльской атомной станции и о ликвидаторах, доблестных ребятах, несущих свой тяжёлый пожизненный крест. На благо родины. На благо страны. На благо – етить твою мать! – нас с вами.

...Не давали ему покоя эти сцены. Всё виделся – тут и там – четвёртый блок. Сначала всё казалось чёрно-белым, как в кино. А потом – и вовсе цветным, объёмным. Даже внутри всё, как было, привиделось. Словно вчера. Словно в жизни. Борис вздрогнул. Попробовал отделаться от странного видения. А оно – оно пронеслось в памяти вновь и вновь, и крутилось, как карусель, как бешеная юла, и не было возможности от него освободиться...

– Милый, я так тебя ждала! – Нина была возбуждена, и глаза её, томные, прелестные, были полуприкрыты. – Иди ко мне! Приголубь меня! Я так соскучилась по твоей ласке...

Борис оценил томление подруги, но в этот момент – почему-то! – ему совсем не хотелось интима, совсем не хотелось близости.

Он свалил в кучу принесенные подарки у стены.

– Ниночка, давай не сегодня. Давай в другой раз.

Супруга не слушала.

Гибкими, как у кошки, движениями она начала раздеваться. В комнате была полутьма – из-за задвинутых штор или из-за глаз, наполненных туманом, и в конце концов всё вокруг плыло, даже лица их обоих.

– Возьми меня! – говорила Ниночка, извиваясь русалкой в постели. – Миленький! А-ах...

Предновогодние покупки Бориса – в кои-то веки! – её сейчас совсем не интересовали.

Борис, с которого стянули брюки и рубашку, устал сопротивляться. Он поцеловал жену в ответ, прильнул к её грудям (раз уж просит!) и возлёг сверху. Очень, очень старался. Но через несколько минут, в течение которых воображение рисовало лишь картины саркофага над разрушенным четвёртым блоком, Борис сдался.

– Не могу... – вымученным голосом, с надрывом пробормотал он.

Нина, разочарованная, села на кровати. Закурила – нервно, со злостью, включила маленький, на тумбочке, свет. Сощурившись, пристально взгляделась в глаза Бориса. И вдруг воскликнула:

– Ах!..

Борис поник; ему было плохо на душе, паскудно и тошно...

– Боречка, что с тобой? – с испугом спросила его вторая половина. – Ты осунулся, будто бы... постарел! Глянь на себя.

Борис послушно прошествовал в ванную, зажёл лампочку и, как-то отстранённо, уставился в зеркало. Оттуда на него смотрело почти незнакомое лицо: морщинистый лоб, впавшие щёки, тусклый взгляд... И кожа – почерневшая от времени, будто задубевшая кожа.

Этому типу, что взирал из зеркала, явно было от рождения полвека.

Или больше?..

Много-много старше – если судить по отчаявшимся, измученным глазам...

Борис присел на край ванной.

Посидел так, подумал.

Вздыхнул.

Потом оделся – кое-как с натугой.

Вышел в комнату.

С болью взглянул на жену...

– Я на улицу, пройдусь немного, – сообщил он и даже сам

испугался своего голоса: хриплого, незнакомого. Срывающегося.

Нина смотрела на него, ничего не понимая, – и в глазах её в ответ мелькнул страх...

Чернобыль. Пустой, полуразрушенный временем город. Гигантский саркофаг. Унылые строения АЭС, брошенные на произвол судьбы. Люди. Мужчины, которых бросали «на прорыв». На проведение работ в условиях дичайшей радиации. На возведение бетонной конструкции – самого огромного и самого жуткого гроба в мире...

Борис видел их лица. Лица ликвидаторов. Борис видел их самих. Он сам был одним из них. Он страдал и знал, что нету выхода из этой системы...

Ужасно. Ужасно. Ужасно.

Как тяжело жить на свете.

Борис рыдал – не вслух, не высказано, потому что слёзы – одни на свете! – могли очистить то страшное, что когда-то на земле произошло...

Ему захотелось выпить. Он брёл понуро по ночному городу и вспоминал всех – и того самого мужика, с которым сегодня вновь свела судьба. Как, бишь, его зовут?.. Борису казалось, что он вот-вот – и вспомнит.

Зашёл в супермаркет. Ночной супермаркет. Ощущая себя опущенным, потерянным. Забытым. В стареньком зимнем тулупе, надетом на майку впопыхах.

Купил бутылку водки. На последние деньги – оказалось, что в кармане одна мелочь, даже кредитные карты не взял с собой.

Подошёл к кассирше.

Та взглянула на него высокомерно-равнодушно. Даже презрительно немного. Мол, мало вас тут, забулдыг, ходит. И ещё, мол, один...

Вышел на улицу.

Несчастный.

Страдающий (перед глазами – Чернобыль. Четвёртый блок. Наши ребята).

В растерянности повертел головой.
Мужики...
Несколько мужиков стояли поодаль – такие же потерянные, как и он сам...
– Эй, – позвали они, будто родного. – Ты случаем не наш? Ты же из чернобыльцев, из городского объединения «Поможем Чернобылю»? Мы тебя где-то видели.
Он – как-то само собой вышло – кивнул.
– Пить будешь?
– У меня есть... – Протянул.
Они взяли. Раскупили. Разлили. Подняли.
Прямо на улице. В подворотне.
Уныло.
Во, блин...
– Ну что, БРАТАН, за нас с вами и за хер с ними? Чокнулись.
Опрокинули.
До дна.
Было горько.
И, чёрт возьми, сладко ещё...

Домой шёл – брёл! – совсем опущенный, горестный, несчастный. Полупьяный. Ничего не хотелось. Кроме одного: спать!

И накласть на всех...

Перед глазами стоял Чернобыль: каждодневный труд – до изнеможения, до отчаяния, до гробовой доски. Спецотряды в особой одежде и в масках, рокот вертолётов над головой, ежедневная дезактивация и душ, горячий душ, от которого часто зависело, будешь ли ты жить завтра...

Борис поднял голову.

Над ним вздымалась громада его – борисова – дома.

Печальный подъезд с молчащими, спящими машинами при нём, да дверьми, запёртыми на кодовый замок.

И тётя Рая, грызущая семечки, возвращавшаяся откуда-то по дорожке под ручку с Зинкой с соседней лестничной клетки.

Они неодобрительно посмотрели на согбенную фигуру Бориса, заговорщицки прокрававшую мимо них. Борис шёл чёрной тенью и думал только о том, как много товарищей

оставил позади – в той прошлой, нереальной чернобыльской жизни; видеть никого другого не хотелось, как и не хотелось попадаться соседкам на глаза.

– Во, гляди! – воскликнула тётя Рая, указывая перстом на старого нетрезвого человека, мятущегося в ночи. – Ещё один ликвидатор хренов пошёл!

И сплюнула для верности в снег, на дорожку.

Борис ещё пуще вжал голову в плечи и постарался скрыться в темноте.

Над городом, над облаками светил ясный месяц.

Когда деньги сошли с ума

Я сидел в баре и ждал своего информатора, с которым порой встречался, по мере необходимости. Сегодня вечером он сам позвонил мне и заикающимся от волнения голосом попросил о срочной встрече; чувствовалось, парень пьян – но, впрочем, не настолько, чтобы не соображать, что делает, и поэтому я решил рискнуть потратить личное время.

Сидел, попивал кофеёк и ждал. Рассеянно поглядывал в телевизор – точнее, на электронную стену, какие нынче вошли в моду: они могли быть и гигантским цифровым телеэкраном, транслирующим одновременно любое количество программ, и зеркалом (знаете, такое электронное зеркало, в котором всё отражается не зеркально, а «правильно», словно картинка в камере), и – во внеэфирном состоянии – поверхностью с любым изображением, типа замка, леса или марсианской пустыни. Либо с анимированным узором со спецэффектами.

По новостям – по моему каналу АБВГД-news – передавали обычную для последних лет информацию; когда я говорю «по моему», то имеется в виду, что я на этот канал работаю, или, лучше сказать, на медиа-холдинг, которому среди всего прочего принадлежит и данный канал. Так вот, передавали обычную текучку: полиция, мол, обезвредила очередную банду наркоторговцев, их главарей повязали прямо в момент передачи денег; подобные события происходят сейчас чуть ли не ежедневно, власти буквально объявили войну преступности и арестовывают мафиози так быстро и в таком количестве, что слов нет.

Если так пойдёт и дальше, то наш отдел криминальной хроники скоро станет ненужным.

Информатора всё не было и не было, и я, несмотря на кофе, осоловел. День-то тяжёлый был, ничего не скажешь; работёнка у журналиста ещё та!.. Но часам к девяти мой, наконец, объявился – вырос прямо перед столиком. Я кое-как вострепенулся и, недовольный его опозданием, ворчливо предложил присесть.

Звали моего тайного агента Изя Рэпер, по крайней мере, Рэпер была его кличка – полубогемная, полукриминальная. Изя славился в определённых кругах, но за ним было так много грешков, что даже я, репортёр, сумел подцепить его на крючок и иногда подкармливал – в обмен на информацию.

Изя, маленький и тщедушный, едва держался на ногах. Неуклюже усевшись напротив меня, дыхнув алкоголем, он начал сразу же нести чушь какую-то несусветную.

– Слушай... – сказал Изя. – Я тебе такое скажу... Ты не поверишь... Но: у тебя есть деньги? Наличка, я имею в виду наличные деньги? При себе? Ты должен от них немедленно избавиться...

Я вздохнул.

– Тебе хватит денег сегодня, не переживай. Как всегда: расчёт – за информацию.

– Нет, ты не понял... – Изя слегка раскачивался и никак не мог зафиксировать себя в неподвижном положении. – На хрен мне твои деньги... Твоя наличка... Я имею в виду другое: убери от себя деньги подальше! Чтобы ничего не осталось, карманы были пустыми! Закажи, например, всем посетителям бара выпивку – и расплатись сразу... Ничего у тебя не должно остаться... Ни копеечки...

Я ещё раз вздохнул – не хватало мне очередного пьяного идиота.

– И зачем мне угощать всех сегодня? По какому случаю?

– Это... Моё... непереносимое условие... Иначе ни фиги тебе не скажу... Не скажу... Ик!.. Ни одной бумажки себе не оставляй...

Я молча прикинул, стоит ли мне вестись на это заявление Изи. Обычно он поставлял ценные сведения – из мира тёмных личностей, так или иначе связанных с оргпреступностью. И пока выходил сухим из воды.

Ладно. Я решил, внутренне, про себя. В конце концов налички у меня было не так уж и много – я, как правило, рассчи-

тывался везде кредитными картами, так что ущерб окажется невелик. Надеюсь, сегодняшнее сообщение пьяного Рэпера того стоит.

Выложил на барную стойку все свои деньги. Поскрёб по сусекам – не завалилось ли чего. Кредитки, понятное дело, не тронул; аккуратно застегнул карман.

Сказал бармену:

– На всё, пожалуйста, – вот тем джентльменам. И тем. И тем. Повторите то, что они уже заказали раньше. А сдачу оставьте себе.

– Ты доволен? – это я спросил уже Изю, возвращаясь к столику. Тот слегка помутневшим взглядом покосился на электронную стену-телеэкран.

– Давай пересядем подальше от неё... Бережёного Бог бережёт... Ик!..

Я терпеливо подчинился его новой прихоти. Мы уселись почти у входа.

– Ну, говори, – недовольно проворчал я. – Не томи уже...

Изя Рэпер отхлебнул заказанный мной коктейль.

– Деньги... Банкноты... Ты ведь знаешь, что их сейчас изготавливают из полимерных материалов? И знаешь про электронную бумагу и уж тем более про электронный пластик. Всякую фигню они теперь могут. Любые функции им подвластны...

Я хмуро кивнул.

– Сейчас один и тот же прямоугольник электронного пластика можно превратить в банкноту любой страны: раз! – и в обменке тебе с помощью конвертационного устройства 10 долларов обратят в 1000 йен; сам не сможешь, но за комиссионное вознаграждение специалиста, у которых лицензия, помогут. Лишь бы курс совпадал... А могут и вообще удалённо стереть банкноту, сделать из неё белую бумажку – это в тех случаях, когда кто-то с взяткой засветился, и его поймали...

Это всё я знал, прекрасно знал. Как и любой гражданин современного мира.

– Так вот... – Изя, бедный, раскачивался всё сильнее и сильнее. – Сегодня я узнал... Ты не поверишь... Ещё об одной функции электронного пластика для банкнот... Только это не афишируется... Не говорится вслух... Ты не поверишь...

Я с жалостью смотрел на моего визави, не будучи уверенным, что выпивший человек может сказать действительно что-то стоящее.

– Я потому и напился нынче вечером... Ик!

Изя наконец прекратил раскачиваться и наклонился ко мне поближе – видимо, чтобы никто другой не подслушал. Прошептал:

– Пластиковые электронные банкноты сегодня способны передавать информацию в сеть – кому надо, на специализированные засекреченные сайты. Иными словами, они работают как цифровая видеокамера и микрофон...

«Боже, – подумал я. – Человек повредился в уме».

– Нет, в самом деле... – Изя едва не заплакал. – Электроника шагнула так далеко!.. Ты знать не знаешь, что деньги, которые лежат у тебя в кармане, на самом деле – электронные средства отслеживания всего и вся. Они являются на деле тонкими, сверхгибкими мониторчиками и выполняют бесчисленное множество функций, часть из которых общественность знает, а о части – не осведомлена.

Я задумчиво уставился на свою пустую чашку.

– Ты сам-то веришь в этот бред? – спросил.

– Ха!.. – Изя Рэпер выглядел бесконечно несчастным. – А как ты думаешь, систематические облавы на банды наркоторговцев в последнее время – они производятся на основании чего? А?.. Мы-то думали, что в банды внедрены кроты – тайные полицейские агенты и соглядатаи, их сейчас пробуют отыскать в своих рядах все преступные кланы, в лихорадочной спешке; сколько своих ребят зазря положили. А разгадка-то, разгадка – совсем в другом! – Он трясущимися руками отпил из бокала ещё немного коктейля. – Обычные люди, не преступники пользуются в основном кредитками. А мафия – чёрным налом... Банкноты, не учтённые налоговыми службами, как раз для отмывания капиталов в подпольном секторе экономики. Вот для чего нужна сегодня наличка – для мелких расчётов в барах и такси, да для чёрного нала. И тут-то – на тебе! – за тобой и следят... Ну, если ты не в ладах с законом...

– Мысль, конечно, неплохая, – подумав, вынужден был согласиться я. – Но до её практической реализации технологии ещё, пожалуй, не доросли. Я же тоже кое-что понимаю в современных технических прибабасах... Кстати, кто тебе сообщил эту фи... э-э, прости, эту информацию?

– Не могу сказать, – Рэпер испуганно оглянулся. – Единственно что – этот человек работал под прикрытием и был связан с секретными службами... Он допустил утечку информации...

– А почему – в прошедшем времени?

Изя ещё раз оглянулся – с тревогой в глазах; сейчас он был похож на затравленного суслика.

– Потому что проговорился... Нашим... Теперь капец... И я – слишком много знаю...

– Если это всё, что ты хотел сказать, то, считай, что ты выполнил свою задачу. – Я зевнул. Не ожидал от осведомителя такой буйной фантазии. М-да, пожалуй, пить ему надо меньше. – Я не могу сейчас с тобой расплатиться за сообщённые сведения, поскольку налички в карманах нет. Но можешь записать на мой счёт. Когда-нибудь же ещё встретимся □

Изя со страданием во взгляде смотрел на меня, и чувствовалось, что он на пределе отчаяния.

Молча встал со стула...

Постоял, пошатался...

Застегнул куртку.

И, втянув голову в плечи, неуверенной походкой направился к выходу – два-три шага до двери...

Я сделал вид, что отвернулся.

Не хватало ещё верить во всякий вздор, который несёт человек явно нездоровый...

На улице Изя – я видел через стекло – понуро побрёл прочь от бара. Через полминуты, стронувшись с места, за ним бесшумно последовал приземистый чёрный автомобиль.

Не знаю почему, но у меня вдруг возникло ощущение, что я чего-то не догоняю...

– Извините, можно вас на минуту? – молодой человек в отличном, но неброском костюме смотрел на меня жёстким взглядом, не допускающим возражений. – Вот моя карточка, – он отвернул ворот, и я заметил мерцающий цифровой лейбл специального правительственного агента. – Пожалуйста, сядьте в машину, нам надо задать вам несколько вопросов. – И он распахнул дверь.

Мы были на пустынной улице одни, под светом электронных фонарей.

Я не рискнул возразить незнакомцу.

В машине, в окружении ещё парочки таких же крепких и молчаливых парней агент приступил к допросу.

– Вы знаете такого – Айзек Галустьян, по кличке Рэпер?

Я угрюмо кивнул.

– Вы встречались с ним сегодня вечером?

Кивок.

– О чём вы разговаривали?

Я пожал плечами и попытался доказать, что как журналист имею право на неразглашение источников и получаемой от них информации.

Не помогло.

Агент буравил меня взглядом, и я понимал, что сейчас – не время и не место, чтобы тягаться с противной стороной своей осведомлённостью в юридических вопросах.

– Мы говорили об арестах в мафиозных кругах... О том, что бандиты в панике и лихорадочно ищут в своих рядах шпионов, при этом расправляясь с рядовыми членами банды, не имеющими к шпионажу никакого отношения...

– Расскажите подробнее.

Я как мог, насколько позволяла фантазия, рассказал. Но о подслушивающих и подглядывающих пластиковых банкнотах не упомянул. Естественно.

Правительственный агент слушал меня со строгим выражением лица, и видно было, что он не до конца мне поверил.

– Помните, что если вы утаили нужную нам информацию, мы добьёмся того, что у вас будут неприятности, – напоследок пообещал он.

– А Айзек... Ну, Изя, Рэпер – вы что с ним сделали? Он на свободе? Живой?.. – я пытался хоть что-нибудь выяснить о бедняге, и на сердце у меня было неспокойно. – Почему он вас так интересуется?..

Специальный правительственный агент не удостоил меня ответом.

– Помните, – повторил он. – Язык держать за зубами. И никаких контактов с вашими – теперь уже бывшими осведомителями.

Хлопнула дверь, и я очутился на улице в одиночестве. Чёрный автомобиль бесшумно отъехал от меня и пропал в глубине ночи.

Даже особое электронное освещение не могло раскрыть секрета, в каком направлении скрылась группа суровых, молчаливых силовиков...

– Ни в коем случае не пользуйся наличными деньгами! – говорил я Анне, перегнувшись через перила веранды, со стороны сада. Заходить в дом я не стал, а просто вызвал Анну сюда, из комнаты; сам же, как в детстве, оставался снаружи, пробравшись сквозь кусты рододендрона и прильнув к деревянному ограждению.

– Почему? – спрашивала Аннушка негромким голосом, чтобы ненароком не разбудить спавших в доме родителей.

Сама она была в ночнушке, и меня это как нельзя устраивало – чтобы ничего лишнего при ней в этот момент не оказалось: ни денег, ни телефона, ни всяких гаджетов, да и вообще ничего электронного.

– Я раскрою тебе страшную тайну, – шёпотом продолжал я. – Пластиковые деньги сегодня правительством используются для прослушки и подглядывания за гражданами страны. Не думай, это у меня не паранойя; просто от одного человека я получил информацию, которая не предназначена для посторонних. Поостерегись, прежде чем открывать свою душу в присутствии подслушивающих приборов... Теперь эти, наверно, знают о нас абсолютно всё.

– А как же без денег жить?.. – Аннушка была растеряна.

– Пользуйся безналичкой, проводи операции по счетам. Ничего от этого не изменится, зато ты обезопасишь себя.

– Почему ты решил сказать мне об этом ночью?

– Не мог без тебя... Хотел увидеть, предупредить... И потом – завтра с утра у меня может быть проблемный день. Придётся подготовить эту информацию для эфира и, я думаю, что это понравится не всем. Так что лучше уж пообщаться сейчас. Вдруг я буду вне зоны доступа...

– Я тебя люблю, – сказала Аннушка. – Ты мой герой. Отважный журналист мой. Моё счастье.

– И я тебя люблю, – улыбнулся я. – Жить не могу без тебя.

– Анна!.. Анна!.. – раздался из дома заспанный мамин голос. – Кто там? С кем ты разговариваешь?..

– Ничего, мам, всё в порядке! – Анна, наклонившись, поцеловала меня и тихо добавила: – Иди скорей, пока родители окончательно не проснулись. С Богом!

Я кивнул и резво ринулся через сад, стараясь всё же не слишком шуметь. На душе у меня теперь было спокойно –

хотя и без особых на то оснований, ибо завтрашний день мог принести мне славу, но – вместе с ней – кучу проблем и тревожных головных болей.

Такова, увы, доля репортёра...

Шёл я осторожно, пробираясь боковыми улочками, ибо машине своей, по известным причинам, больше не доверял. Но всё было спокойно кругом – хорошо хоть полиция победила уличную преступность. Сонные дома казались сказочными в свете переливающихся огнями тротуаров; искусственные звёзды сияли над головой практически так же, как настоящие, и даже ветер – лёгкий ветерок, генерируемый специальными городскими ветродувами, казался удивительно естественным в эту очаровательную, волшебную ночь.

К моему дому вёл небольшой скверик, посреди которого, увы, красовалась большая лужа – редкость в нашем городе, но что поделаешь, против природы не попрёшь. Даже в нынешнюю электронную эпоху.

Я постоянно обходил эту лужу стороной и даже привык к ней. Она мне, в общем, не мешала. Вот и сейчас я постарался обогнуть её по краю – в свете мерцающих роботов-светлячков, носившихся невысоко над землёю для усаждения взора запозднившихся горожан.

Обойти лужу мне не удалось.

С одной её стороны выросли тени – и слева и справа тоже. Оставался лишь проход напрямую, если броситься по воде.

Тени возникли из ниоткуда и стояли молча, пока я, остановившись, пребывал в замешательстве.

Вперёд, из полумрака, выступил знакомый мне молодой человек...

– Почему вы не сообщили нам всё, что вам стало известно из разговора с Рэпером? – строго спросил он, сверкая глазами. – Мы расшифровали записи, сделанные в баре в тот момент.

– Но... Я просто не отнёсся серьёзно к словам подвыпившего человека... Мало ли что он нафантазирует...

– Не лгите нам! Вы отнеслись к его словам более чем серьёзно! Доказательство тому – ваша встреча с женщиной по имени Анна у дома её родителей полчаса назад. Вспомните,

от чего именно вы предостерегали её, от чего просили воздержаться?

Я стоял, как потерянный, в ночи и изо всех сил думал, что бы такое предпринять... Хорошо бы дать дёру...

– А можно вопрос? – внезапно решился я. – Откуда вы узнали о нашей с Анной беседе? Что я говорил ей, стоя у веранды? Я ведь постарался избавиться от всего, что могло записать разговор...

Специальный правительственный агент усмехнулся.

Как-то криво.

Страшно.

– Ну, если вам интересно, СЕЙЧАС я могу вам сказать. Вряд ли вы передадите кому-нибудь эту информацию.

Он помолчал, зловеще улыбаясь.

– Кредитные карты. Вы не вынули из кармана кредитные карты и не избавились от них. А ведь это тоже – электронный пластик...

Я почувствовал себя крайне неуютно. У меня похолодело всё внутри.

Но ждать дальше я не стал.

Повернулся, как кошка.

И прыгнул – в ту единственную сторону, которая была ещё свободна от человеческих теней.

Прямо через лужу.

Но лужа, блин, была большая.

И я угодил в центр её.

В воду.

В воду?

В воду?!

Там не было воды...

Я оказался на какой-то зеркальной поверхности, лишь имитирующей то, что со стороны казалось лужей.

Вокруг меня вдруг вспыхнули огни – странные, удивительные огни, и под ногами возникло что-то вроде голографических спецэффектов.

Испугаться я не успел.

Только ощутил, как земля уходит из-под ног – нет, она даже не ушла, а просто исчезла, – и я очутился в воздухе, падая, проваливаясь в сверкающую бездонную яму...

Я падал и падал, и думал только об одном: что они сделают теперь с Анной?!

Всё вокруг неслось – и время, и пространство.

Последнее, что я запомнил, – это собственные руки, сминающие на лету кредитку, Бог знает как вытащенную из кармана...

Теперь я нищий. Грязный нищий, в лохмотьях и покрытый струпьями, и меня считают дурачком. И живу я в маленьком пыльном городишке где-то в джунглях Латинской Америки. И просиживаю целыми днями на паперти перед входом в местный главный собор, и постоянно чешусь, и мычу – на потеху здешним босоногим ребятишкам.

Иногда мне бросают монетки. Из жалости. Кидают мелочь. И с меня довольно! Я тогда подползаю к очередному грошику, и хватаю его руками, и прижимаю к сердцу с блаженной улыбкой. Люди смеются. А я...

Я рассматриваю монетку, внимательно – и аверс, и реверс, и глазами вливаюсь в отчеканенное на монете лицо.

Оно глядит на меня в ответ...

И тогда я вижу – чессное слово, вижу! – в его взгляде нечто такое, что заставляет меня вить и страдать.

Монета наблюдает за мной, и, кажется, ей одной известно обо мне, бедном нищем, всё, что мне и самому неизвестно...

Память

Над городом летел ангел. Это был обычный такой ангел, в белом воздушном одеянии и, с белоснежным оперением, крыльями за спиной. Он летел легко и непринуждённо и при этом поглядывал на землю, вниз, выискивая взглядом то одного горожанина, чья душа могла бы его взволновать, то другого. Вот ангел узрел вдруг маленького мальчика, подбрасывавшего мяч и заметившего белое божественное существо – раз уж поднял глаза к небу. Мальчик приветливо помахал ангелу рукой. Вот наш небесный путешественник увидел под собою милующуюся парочку – оба они, парень и девушка, разом кивнули ангелу и вместе улыбнулись.

А потом ангел посмотрел на неё. На несчастную согорбленную старушку, стоявшую на тротуаре у оживлённого перекрёстка и пытавшуюся продать прохожим старые открытки

из видавшего вида альбома – по рублю за штуку. Ангел остановился, завис над улицей и принялся с задумчивым видом разглядывать старушку. Ему была интересна её история, её жизнь, её душа. Её судьба.

Старушка, как выяснилось, продавала не просто открытки – она предлагала прохожим собственные фото, на которых была запечатлена молодой, и ещё снимки свои с друзьями, и с однокашниками, и с родителями, и также серию выцветших свадебных фотографий с портретом невесты и жениха.

– Купите, люди добрые, – говорила старушка и протягивала дрожащими руками снимки то важному дяденьке, спешившему мимо, то озабоченной деловой леди, садившейся в автомобиль. – Хотя бы одну открыточку, возьмите у меня, люди хорошие, мои дорогие, выручите бабулю, не оставляйте в беде.

Иногда прохожие замедляли шаг. Или останавливались. Смотрели недоумённо на нехитрый бабушкин товар; кое-кто из жалости протягивал ей рублики и даже пробовал было взять приобретённые на эти деньги фотки, но, заметив, что именно на них изображено – и сравнив с лицом старой продавщицы, тут же возвращал обратно. «Не надо, оставьте себе», – смущаясь, говорил тогда тот или иной человек и, опустив глаза, убежал по своим делам.

А бабушка, спрятав денежку в крошечный кошелёк на груди, вновь продолжала предлагать горожанам свои «открыточки», доставая их из потрёпанного семейного фотоальбома и робко поднимая над головой.

Ангел всё парил и парил сверху, и смотрел.

Вот, наконец, к старушке подошёл молодой, видимо, ценящий себя человек, хмыкнул и покровительственным тоном сказал: «Давай, бабка, я всё возьму, выручу тебя, а то что старой целый день тут, на углу, стоять, шла бы домой, к внукам!» И он протянул продавщице пачку банкнот, впрочем, не такого уж и большого достоинства, и принял у неё из рук весь пухленький фотоальбом.

«Иди!» – коротко бросил он и, сделав дело, понёс свою покупку прочь от перекрёстка.

Старушка спрятала выручку и поспешила в аптеку – знакомую аптеку поблизости; наш же покупатель вскоре разыскал свою машину, припаркованную через пару кварталов, и, довольный, сел на переднее сиденье – сунув альбом в руки поджидавшей его пассажирке. «Короче, купил тут у бабки,

для прикола, – сообщил он ей. – Типа посмотреть, как предки когда-то жили. Такого в «Одноклассниках», может, уже и не найдёшь».

«Да ты что, сдурел?! – возмутилась девица в его машине. – Что ты мне всякий хлам тащишь, он весь в пыли, в чьих-то чужих нюнях сопливых! Выкини эту макулатуру, с глаз долой, немедленно!»

И молодой мужчина, видимо, ценящий себя, послушно, хотя и не без раздражения, принял фотоальбом обратно. Хлопнул дверцей. Подошёл к ближайшему мусорному баку. Бросил внутрь. Брезгливо вытерся. Пожал плечами. И вернулся туда, где ждала его спутница...

Ангел вздохнул. И перелетел через несколько улиц.

Он увидел старушку вновь. Да, вон она – приняла дома лекарство от склероза, купленное на вырученные деньги, и бегаёт теперь по своей унылой стариковской комнате, ищет фотографии юности. Вспомнила молодость – но альбома со снимками нигде нет. Перерыла всё; да что там перерывать-то в её убогой квартирке? Выбежала на улицу – так быстро, насколько позволяет здоровье пенсионерам. Обращается к соседям по двору, по кварталу, к прохожим – не видели, мол, мои снимочки, мою молодость, мои воспоминания? Не видели?.. Ах, что же мне теперь делать!..

Посмотрел ангел на всё, посмотрел – да полетел. Полетел прочь из этого города, прочь от этих улиц, от этого воздуха и дышащих им людей.

Он летел – и за ним вдруг начали пристраиваться маленькие ангелочки. Беленькие такие, с белоснежными крылышками. Они вылетали из мусорного бака, прямо оттуда, где виднелся полураскрытый фотоальбом; они вылетали с пожелтевших от времени снимков, со стареньких фотографий, где ещё можно было различить красивую молодую женщину, стоящую с одноклассниками, с родителями, с друзьями... Они вылетали с выцветших свадебных фото – и летели, летели, летели над городом, выстраиваясь в цепь.

Наконец они построились клином – большой ангел во главе, и маленькие за ним. И пересекли весь город, направляясь за горизонт.

И люди в городе – может быть, не все, а некоторые – задирали головы и смотрели вслед улетающему клину. Посмотрел маленький мальчик с мячом. И помахал ладошкой.

Посмотрела влюблённая парочка – и улыбнулась, как всегда.

Радостно вскрикнул малыш, гуляющий в парке с мамой; он прокричал, указывая пальчиком вверх: «Мама, мама, а в небе ангелы летят!»

Глянула вверх и старушка, разыскивающая свои фото. И тоже вдруг грустная улыбка озарила её лицо. Бабушка выпрямилась, всмотрелась в небо над горизонтом и сделала рукой прощальный жест. «До свидания, мои милые, мои дорогие! – прошептала она. – До свидания, мои ангелочки! Прощай, память!..»

Она стояла и стояла, маша рукой и наблюдая, как клин скрывается вдали.

А ангелы летели, и бесконечные небеса встречали их.

Триптих

Я лечу. Я щёлкаю клювом от удовольствия. Я купаюсь в восходящих потоках света. Я плавно вздымаю оба своих белоснежных крыла и возношусь – туда, откуда глядит на меня всемогущее, вечно зовущее меня солнце. Я млею от восторга. От радости. От гордости. И от свежего ветра, бьющего мне спереди в оперение, омывающего меня, как струи вселенской нежности, самым живительным на земле бальзамом.

Я не один. Со мной моя подруга – удивительной красоты лебедица, моя лебедушка, с которой в небе мне удивительно хорошо.

Мы парим.

Мы поднимаемся к облакам – и спускаемся плавно и торжественно, вдвоём, и оба машем крылами, и делаем в воздухе повороты и пируэты, и кто-то – если он смотрит на нас в этот момент, маленький, с земли, – наверное, считает, что мы танцуем.

А мы – просто любим друг друга.

И носимся друг за другом в открытых небесах, потому что свобода – это состояние счастья.

Вихрь!

Я пью вихрь!

О боги!..

Вот на земле сверкает вспышка. Крошечная – и при этом

смертельно яркая. Моя любимая вдруг вскрикивает – совсем как обездоленный птенец – и становится видна её вмиг заалевшая грудка. Что такое?! Она не может больше лететь?!

Она падает, падает, падает!..

Я, взволнованный, снижаюсь и пытаюсь подхватить её. Я кричу и плачу – но ничего не помогает, схватить на лету её не удаётся. Я кружусь и кружусь вокруг, и лишь изнеможённым взглядом слежу, как камнем несётся вниз моя нежная, моя ласковая, моя несравненная, моя переставшая подавать признаки жизни подруга...

О горе мне! Горе!

Я взмываю вверх к недостижимым доселе высотам. Я рыдаю, и слёзы мои – из ветра и облаков. Я замираю на единственном миг на самой вершине мира – и складываю крылья вместе, чтобы никогда уж больше не раскрыть их.

Никогда, никогда, никогда!

Я мчусь вниз, клювом к земле, и воздух вокруг свистит. И сердце моё готово выпрыгнуть из груди. И поля там, подо мною, леса и озёра стремительно приближаются. Я не боюсь. Не боюсь больше ничего. Ибо мир рухнул для меня.

Ужасно, ужасно, ужасно!

О боги!..

Я лечу. Мысленно лечу – над полями, лесами, долинами и горами, над сёлами и городами моей обширной страны – моего мира, который пытаюсь объять. Который отныне я обязан представлять и защищать даже ценой собственной жизни, до последнего, ибо поклялся в том на Конституции, перед людьми.

Я – вновь избранный президент самого лучшего, самого прекрасного, самого прогрессивного в мире государства. Я – хозяин. Я – надежда многих и многих миллионов избирателей, моих соотечественников. Я – тот, от которого теперь будет зависеть спокойствие целого поколения землян на всей планете.

Мы с моими приближёнными, недавно назначенными министрами, советниками и многочисленной охраной – на даче. В летней президентской резиденции, угодыя которой насчитывают многие гектары земли. Мы под открытым небом. Я – на веранде, за столом, дорогим канцелярским столом с разными приспособлениями, специально изготовленным для работы на свежем воздухе.

Но, конечно, даже вне помещений я как глава государства нахожусь в абсолютной безопасности. Постоянный контроль спецслужб по всему периметру резиденции, высококлассные снайперы с особым допуском, расставленные на всякий случай тут и там, мини-ракеты класса «земля-воздух» для перехвата любой угрозы с воздуха – всё это делает возможным исполнение мною президентских обязанностей комфортным и непрерывным. Можно не опасаться шпионов и врагов. И я рад – тому, что готов теперь с достоинством приступить к своим повседневным, требующим полной отдачи делам.

Я задумчиво рассматриваю так называемый «чёрный чемоданчик».

Член Правительственного Совета с поклоном склоняется надо мною.

– Ваше Превосходительство, – почтительно говорит он, – Вам нужно научиться обращаться с этой штукой. Вот смотрите: открываете кейс, а он уже настроен; здесь нажимаете клавишу Power – она реагирует на скан отпечатков Ваших пальцев; затем вводите свой идентификационный код и личный пароль – сделали, да? Вы всё проделали, как я изволил Вам показать?

– Да, – отвечаю. – Если я правильно понял, в ходе тренировки я прошёл все имеющиеся уровни защиты. И теперь мне остаётся только нажать на вот эту, последнюю красную кнопку – она означает «Огонь!» Это будет КОНЕЦ – вынужденная защита нашего государства от силового посягательства извне. Крайне жестокая, страшная и неблагодарная вещь, на которую можно решиться, если не останется никакого другого выхода.

– Не беспокойтесь, – продолжаю я. – Я теперь знаю, как это делается, но упаси меня Господь когда-нибудь нажать на эту красную кнопку. Никогда – слышите! – никогда палец мой её не коснётся! Даже сейчас я крайне осторожен в обращении с чемоданчиком, ибо осторожность в учении не помешает никогда.

Спасибо вам за урок, мои друзья!

Спасибо!..

С этими словами, довольный, я хочу уже было закрыть чёрный смертоносный кейс, но... не успеваю.

С небес, как стрела, вдруг падает что-то небольшое и белое – не засечённое ни одним спецподразделением, ни одной службой перехвата страны.

Падает прямо на красную кнопку.

Клювом, острым клювом – на красную кнопку.
Я ничего не успеваю предпринять.
Я только охаю и хватаюсь за сердце.
Охрана профессионально выхватывает оружие.
Но против покончившего с собой лебеда оно уже ни к чему...
Что же это происходит?!.
О боги!..

Я лечу. Лечу через всю Вселенную, выполняя особое задание Совета Космических Старейшин. Я – бесплотен, и одновременно с тем невидимая плоть моя пронизывает сотни и сотни бескрайних световых лет. Я всеохватен и величественен; вместе с тем в душе я всегда остаюсь простым и естественным думающим существом.

Я несусь сквозь галактику Млечный путь. Я увёртываюсь от звёзд, от чёрных дыр, от комет и всяческих встречающихся на пути инопланетных обломков. Я пересекаю определённую часть Вселенной, орбиты ряда астрономических тел, наслаждаюсь вакуумом, и неземной холод, неземной покой греет мою универсальное космическое сердце.

Я пролетаю рядом с одной из интереснейших звёзд – по вселенской базе данных она числится как «Солнце». Сверяюсь с каталогом: столько-то планет, столько-то лун, колец и столько-то астероидов. Оба-на! Чего-то не хватает. Точно. Третьей планеты от светила – во всех справочниках она именуется «Земля».

Между прочим, населённая, если верить официальной информации, и там присутствует разумная жизнь. В очень дозированных пределах...

– Внимание! – мысленно говорю я. – Я обращаюсь к Большому Космическому Совету. Обнаружил отсутствие одной из планет, входящих в розовый список «подающих надежды».

– Минуточку, – отвечают оттуда, из глубин Вселенной. – опишите то, что Вы видите.

– Я вижу вместо Земли облако – белое облако, возможно пламени, продуктов горения и водяного пара. Белое круглое облако, которое к тому же постепенно меняет свою форму...

Там, в космосе, помолчали.

Молчали долго и печально.

Потом вздохнули.

– А что видите сейчас? – спросили, ибо между ответом и вопросом прошло некоторое число световых лет.

– Я вижу... – говорю. – Я вижу... – Думаю.

Ибо трудно мне описать то, что открывается чувствам моим и моему разуму.

– Это уже не просто огненный шар, пламя приняло определенную, довольно своеобразную форму; возможно, я вижу перед собой некое незнакомое мне животное...

– Идентифицируйте!

Я слушаюсь.

Идентифицирую.

Сканирую, обрисовываю, систематизирую и идентифицирую. Обращаюсь ко Вселенскому каталогу живых существ и подобий, и он мне ясно указывает объект моего поиска, выхватывая его из триллионов каталожных разделов: земное живое существо из класса птиц, на местном научном языке *supnis*, род птиц семейства утиных, иначе говоря – лебедь. Лебедь с большими, разведенными в стороны огненными крылами.

Как это необычно, необычно, необычно!

Пораженный, я докладываю Большому Совету об увиденном.

Там молчат.

Молчат ещё сотню-другую световых лет.

Я тем временем не спеша пролетаю мимо...

– Это очень жаль, – наконец сообщают в Совете. – Очень жаль, что так вышло.

Я согласен.

Мне тоже жалко.

– Летите дальше на задание, – предписывают мне. – А о том, что Вы видели, забудьте.

Я всё понимаю.

Я всё чувствую.

У меня тонкая чувствительная натура.

Я лечу, и лечу, и лечу.

И смотрю, как огненный лебедь там, за мною, подо мною, разрастается, закрывая собой всю орбиту до самого Солнца...

Это так невероятно!

Это так... прискорбно...

О боги...

ШЕЛКОВИЦА

РАССКАЗ

«А фамилия у тебя – Мальбах – немецкая значит», – сказала Зинаида Григорьевна, присаживаясь на стул возле Ольги Николаевны Мальбах. В эти утренние часы в большом ресторанном зале было пусто. Обычно Зинаида Григорьевна проходила мимо Ольги Николаевны, поздоровавшись и почти не глядя на нее, а сегодня с самого утра она чувствовала усталость в ногах и общее переутомление, так как вчера весь вечер вместо того, чтобы отдохнуть после трудного рабочего дня, провозилась с посылочными ящиками, с красной рыбой, упаковывала, колотила, писала адреса чернильным карандашом, потому что отправляла посылки сыну, матери и сестре с племянницей в Алма-Ату, в Кишинев и даже в Москву, а ночью долго уснуть не могла, мешались в ее голове мысли о них, перескакивали с матери на сестру, с сестры на сына, потом на племянницу, потом опять на сына. Всю ночь проспала Зинаида Григорьевна беспокойно, потому и потянуло ее отдохнуть минут пять, посидеть, перекинуться двумя-тремя словами с заведующей залом, с этой предательницей – по-другому не называла ее в душе Зинаида Григорьевна, – с Мальбах Ольгой Николаевной, – Тьфу! Давно бы поменяла фамилию!

Ольга Николаевна ничего не ответила; она только наклонила свою седеющую голову чуть в сторону Зинаиды Григорьевны, показывая, что слышит ее, но не показывая своих едких, бегающих глаз; уперлась толстыми пальцами в распухшие колени, и начала поглаживать их, массировать; помассировала, вздохнула громко, тяжело, и сказала: «Ой, болят, болят ноги... болят мои ноженьки; хорошо еще хоть сидеть можно, вот так теперь сидя и работаю, а сколько я на ногах, сколько

я находилась» – она говорила будто самой себе, всем своим видом давая понять, что никто ее не поймет, не пожалеет и даже не посочувствует. Зинаида Григорьевна сидела прямо, и искоса недовольно поглядывала на Ольгу Николаевну. Вдруг Ольга Николаевна оживилась: фамилия у меня красивая была – моя фамилия», – сказала она совсем другим голосом и делая упор на слове моя. – «Я еще когда в школе училась, в селе своем, в Жмеринке, думала, замуж пойду, а фамилию менять не буду, а поменяла вот... фамилия?» – усмехнулась она и украдкой взглянула на прямую Зинаиду Григорьевну, и тут же с въевшейся боязнью, даже со страхом отвела глаза: «Что фамилия... не фамилия тут, а жизнь вся поменялась...»

«Да как тебе не противно – быть Мальбахшей! Что, если ты за фашиста замуж вышла, так и фамилию его надо было брать? Уж могла бы хоть на своей остаться! Ты ж все-таки...» – Зинаида Григорьевна хотела сказать – русская, потом хотела сказать – хохлушка, потом хотела сказать – ты ж все-таки ж наша, но так и не договорила.

«А вот не могла! – быстро и как-то по-базарному ответила Ольга Николаевна, с непробиваемым внутренним упорством. – А вот не могла! Я по краю бритвы ходила... я по лезвию ходила, – запуталась она. – За немца, за врага замуж... меня все ненавидели – и свои односельчане ненавидели, и немцы – потом-то я это хорошо узнала, – еще хуже ненавидели, а я что понимала тогда? Я переводчицей у него была, у Мальбаха у этого, у капитана. Немецкий со школы хорошо знала одна из всего класса. Мне еще учительница немецкого языка Берта Ивановна говорила: «У тебя, Ольга, произношение, как будто ты только из Берлина, тебе надо и дальше учиться, в институт тебе надо» – А я что? Молодая была, красивая была, в институт и собиралась поступать, день и ночь немецкий учила... а тут война... немцы вошли в село наше, в Жмеринку... я и стала у них работать переводчицей. Мальбах начал на меня глаза пялить... да что говорить... ничего я уже не помню, – и Ольга Николаевна безнадежно и зло махнула рукой, посидела так с минуту и вдруг вскинула голову, – А вот что помню очень хорошо – шелковицу свою помню, дерево такое, прямо перед домом у нас росло. Я девчонкой была, выйду утром из дома – и полезла первым делом на эту шелковицу, сижу себе на ветках. Уже все знали – если меня нигде нет, значит, я на дереве спряталась, а когда уже подросла, так подойду и обниму ствол – вот любила я свою шелковицу, как будто родное оно мне

было... уцелело оно... или не уцелело; хотя что уже теперь, кончилась моя жизнь, никогда ничего уже не узнаю... а шелковицу вот как сейчас вижу...» – Ольга Николаевна сделала такой глубокий вдох, что, казалось, воздух со стоном должен был вырваться у нее из груди, но ничего не вырвалось, воздух словно растворился в ней, она только чуть-чуть повернулась к Зинаиде Григорьевне сутулой, толстой спиной и украдкой, негнуцимися пальцами, протерла опухшие веки. А Зинаида Григорьевна подумала: «Ишь ты, дерево она помнит! А кого ты предала Мальбаху своему, кого расстреляли из-за тебя, их ты не помнишь! Людей не помнишь, а дерево какое-то помнишь! Конечно!» – и Зинаида Григорьевна решительно встала, оборвала разговор и пошла в свой буфет.

В буфете у нее порядок был идеальный; порядок во всем – на шести столиках всегда, каждое утро, выстиранные накрахмаленные и выглаженные скатерти; в маленьких вазочках – пусть какие-нибудь, но свежие цветочки, которые она покупала у бабулек по пути на работу – это летом, зимой же Зинаида Григорьевна ставила на стол искусственные цветы – нельзя, чтобы стол был без цветов, и эти искусственные цветы она умела превращать в праздничные одной ей известным способом: потрясет, потрясет хорошенько, изогнет веточки и листочки, подует на лепесточки, а то и водичкой сбрызнет, совсем чуть-чуть и цветы как будто оживали и радовали глаз; умела Зинаида Григорьевна вдохнуть в них душу; она непоколебимо была убеждена – работу свою надо любить, работу свою надо выполнять как положено, и что все должно быть правильно, все должно быть хорошо... Она и сотрудниц своих, четырех женщин, бывших у нее в подчинении, твердо наставляла: «Отпустила товар, деньги взяла, быстренько посчитала и сдачу на тарелочку положила; если он не берет, или не увидел – напомнить ему обязательно – вы сдачу забыли, возьмите, пожалуйста, ну, а если он и тогда не берет – ну, тогда уж... а вообще сдачу нужно обязательно отдавать!» И Зинаида Григорьевна была спокойна за свой буфет, так как она знала – и в ее отсутствие никого не обвесят, не обсчитают, никому не нагрубят. Каждый посетитель первым делом видел, кто его обслуживает – на буфетной стойке красовалась табличка с именем-отчеством продавца и это тоже ввела Зинаида Григорьевна; она сама и таблички эти изготовила, и надписи на них сделала красивым, четким, разборчивым почерком. Первое время буфетчицы забывали об этой табличке и удивленно и

кокетливо таращили глаза, когда какой-нибудь посетитель буфета обращался к ним по имени-отчеству: «А вы откуда знаете?» «Да вот же написано!» «Ах, да...». Зинаида Григорьевна говорила своим сотрудницам: «Вот вы приехали в Магадан, чтобы заработать. И я тоже за этим же приехала... сколько мы получаем, сколько у нас надбавок, сколько северных, а? — на материке вы столько получали бы, а? никогда в жизни, так вот и работать надо честно, везде честно надо работать, а уж здесь особенно — за такие деньги! Смотрите, девчонки, чтоб на каждом бутерброде — ценничек, и чтоб написан был четко, и тебя лишний раз не отвлекут, не будут спрашивать что сколько стоит; зашел человек, посмотрел, приценился, выбрал что ему надо, деньги отдал, сдачу получил — и обязательно чтоб улыбка была на лице...»

Зинаида Григорьевна приехала в Магадан, чтобы хоть на старости лет не нуждаться, не считать каждую копейку. Она прошла всю войну, потеряла мужа — он умер от ранений, и осталась с двумя детьми. Одна поднимала детей, дала им образование; всю жизнь тянулась, чтобы свести концы с концами, всю жизнь экономила на чем могла, а выглядела так, как будто была женой большого начальника: очень красивая, она притягивала взгляд; она всегда была аккуратна и по моде одета — сама шила себе по ночам платья, блузки, юбки и не только себе, но и на заказ; чтоб она вышла из дома не подкрасив губы, не уложив в прическу еще с вечера накрученные на бигуди волосы — никогда в жизни! Она, с ее прямым, принципиальным характером уважала одинаково и себя, и окружающих. Магадан встретил Зинаиду Григорьевну в штыки — народ в Магадане, в большинстве своем бывшие заключенные, со злобой и даже ненавистью относились к тем, кто приезжал сюда за большими деньгами, к тем, кто был свободен и мог в любой момент уехать, куда захочет. В Магадане отбывали срок в основном за тяжелые преступления, были осужденные по пятьдесят восьмой статье, и даже отсидев по двадцать пять лет, они не имели права ни шагу никуда сделать, не получив пропуска.

Как-то прослышала Зинаида Григорьевна, что в селе Веселом, недалеко от Магадана, есть базар и на этом базаре можно купить хорошую теплую меховую шапку, а шапка нужна была Зинаиде Григорьевне — те шапки и шаль впридачу, в которых она приехала в Магадан из Алма-Аты, совсем не грели

ее, и так нужна была ей теплая, кустарной работы, толстая шапка. И вот в выходной день вышла Зинаида Григорьевна на улицу, по глаза закутанная в старенькую шаль, остановила первую попавшуюся машину и договорилась с шофером, чтобы отвез он ее в село Веселое, предварительно уточнив у него, действительно ли там есть базар. Шофер оказался веселым, добродушным, не старым еще мужчиной. Села Зинаида Григорьевна на заднее сиденье и видела, как шофер нет-нет да и поглядывает на нее в зеркало – разглядел он красоту Зинаиды Григорьевны даже под старенькой шалью. И вдруг он сказал, повернувшись к Зинаиде Григорьевне всем туловищем и не глядя на дорогу: «И сколько вам дали по рогам?»

– «Да не какие не рога... шапка мне нужна... за шапкой я еду... ой-ой! На дорогу смотрите!»

– «Да нет, я говорю – по рогам вы сколько получили?»

– «Да говорю я вам – за шапкой я еду! Какие еще рога? Зачем они мне?»

– «А-а-а... ну все понятно с вами... так вы не осужденная? Сами приехали, добровольно? Денег заработать?»

– «Пенсию себе заработать!» – грозно пресекла Зинаида Григорьевна попытки шофера вытянуть ее на разговор. А шофер опять уставился на нее в зеркальце: «Рано вам еще о пенсии думать!» «Рано! – опять грозно сказала Зинаида Григорьевна. – Рано никогда не бывает! Вот поздно бывает!» - не любила она всякие фамильярности, особенно с мужчинами, хотя уже двадцать лет была вдовой.

На базаре она быстро – правду сказали – отыскала и купила нужную ей шапку. Теперь домой и поскорее – морозы в Магадане нестерпимые. Вышла за пределы базара, а шофер стоит возле своей машины, как будто поджидает ее, увидел и махнул рукой: «Ну что, нашли... купили себе шапку? Едемте теперь?». По дороге он сказал: «Вы не думайте, что я навязываюсь, что деньги мне нужны. Денег мне не нужно. Денег у меня столько, что хоть в валенки запихивай – девать некуда, да только какая мне радость от этих денег, куда тратить их... Я вас, думаете, почему повез? – чтоб время убить, чтоб развеяться и никаких денег я с вас не возьму, не надо мне. Вы про меня уж не подумайте ничего такого, что я вас ждал, не уезжал...», – он повернулся и снова посмотрел на Зинаиду Григорьевну. «Ну еще что... – строго начала было Зинаида Григорьевна и тут увидела чуть в стороне от дороги три огромных металлических чана, к каждому лестница приставлена, на пер-

вом чане надпись – малосоленая, на втором – среднесоленая, на третьем – крепко соленая и возле каждого чана – ковшик.

– И что, можно вот так бесплатно брать эту селедку?» – спросила она. «Ну, конечно... берите сколько вам надо и какую надо, на землю только не бросайте, видите, написано – на землю не бросать!»

Зинаида Григорьевна пошла к чанам, досадуя, что придется прямо в сумку накладывать селедку. Она и предположить не могла, что на свете может быть бесплатная селедка, поэтому никакой посуды не захватила с собой.

На другой день Зинаида Григорьевна пришла на работу в новой, теплой, толстой шапке и наконец-то голова у нее не замерзла пока она добиралась до ресторана. В ресторане прошла мимо Ольги Николаевны, но увидела возле нее молодого высокого парня, симпатичного, явно новенького – он стоял перед Ольгой Николаевной наклонившись, даже изгнувшись, и кивал головой. Ольга Николаевна сидела на стуле и что-то говорила ему... Зинаида Григорьевна остановилась, посмотрела дружелюбно на молодого парня – он напомнил ей ее сына, оставшегося в Алма-Ате, которому она только-только отправила посылку с рыбой и спросила: «А это кто?»

– Официант... новый. Я приняла. Работать будет у меня.

– А я думаю – родственник, что ли, – улыбаясь, сказала Зинаида Григорьевна, – да думаю – откуда тут быть родственнику? Уж так вы с ним по-родственному разговариваете...».

– Он у меня живет, – как-то смиренно, по-монашески поджав губы, сказала Ольга Николаевна, – на квартиру я его к себе пустила...

Зинаида Григорьевна сначала удивилась, даже нешла, что ответить, а по дороге к себе в буфет думала: «На квартиру я его пустила! Денег, что ли, у тебя не хватает! Как будто квартиранта тебе не хватает в твоей квартире! Пусть бы жил в общежитии, с такими же парнями, там самая ему компания... а то что это – пристроился к бабке...». Зинаида Григорьевна знала, что у Ольги Николаевны хорошая квартира и обстановка, и все на свете, и денег невпроворот, и жила бы себе спокойно... нет, квартиранта пустила! Зинаида Григорьевна не могла понять, почему так разозлилась, услышав, что этого молодого официанта Ольга Николаевна взяла жить к себе, не могла понять – и все! «Не мое это дело!» – твердо приказывала себе Зинаида Григорьевна раза три и наконец убедила себя в этом.

В ресторане коллектив был в основном женский, и о новом официанте, оказывается, уже вперед Зинаиды Григорьевы все знали. Знали, что он женат, что у него есть жена и маленький ребенок и что оставил он их в Новосибирске, а сам приехал в Магадан на заработки; приехал один, чтобы вначале самому устроиться, а уже потом вызвать жену с маленьким ребенком; что жена не хотела его отпускать одного, но он уговорил ее и она отпустила. «И откуда вы все знаете? – говорила Зинаида Григорьевна. – Как будто он пришел и все вам сам про себя доложил... откуда знаете, что жена не хотела отпускать; может, наоборот, хотела», – смеялась она. «А вот знаем!» – тоже смеялись женщины. А вскоре Зинаида Григорьевна услышала такое, чему верить решительно не хотела; стали шушукаться, что нечисто у Ольги Николаевны с ее квартирантом, что даже квартиру свою она ему обещала завещать, и что почему-то он жену свою с ребенком до сих пор еще не вызвал. Зинаида Григорьевна уши затыкала и не хотела слышать про такие безобразия. «Врете вы все! – говорила она. – Мальбахша старая, а он молодой. Нужна ему старуха!»

– Ему-то, может, и не нужна, а Мальбахша не старуха. Она ваша ровесница, Зинаида Григорьевна, а вы разве старуха? Вы вон какая молодая и красивая! А то мы не видим, как на вас мужики так и пялятся!

– И что? Что я – за молодыми парнями теперь должна гоняться?

– То вы, Зинаида Григорьевна, а то – она... да неужто вы сами ничего не видите?

– И слышать не хочу! Не то что видеть! – заявила Зинаида Григорьевна, но неприязнь ее к предательнице Мальбахше усилилась.

Шла Зинаида Григорьевна в свой буфет и первый раз прошла мимо Ольги Николаевны не поздоровавшись. Ольга Николаевна окликнула ее: «Зинаида Григорьевна! А что вы не здороваетесь? Вы, всегда такая вежливая, такая культурная – и не здороваетесь!»

– Почему не здороваюсь? – сдержанно сказала Зинаида Григорьевна. – Вот я одно не могу понять – тебя осудили по пятьдесят восьмой статье за предательство, дали двадцать пять лет; вот как ты могла предавать своих же сельчан? Да еще фамилию себе... тьфу, господи!

– Ох, Зинаида Григорьевна! Не от хорошей жизни. Вы думаете – за немцем замужем быть... среди них быть... все

равно что по лезвию бритвы ходить. Сколько раз думала – последний день живу, утра не увижу... на куски бы порвали, не скажи я им хоть про одного...

– А я вот никогда бы не предала! Никогда! Да я даже представить себе не могу – как это – предать своих! Ну да ладно! – Зинаида Григорьевна кипела от возмущения. – Бог с ним, с твоим предательством! Не мне тебя судить! А вот что же ты парня совращаешь, да еще семейного? У него жена, ребенок... ну совесть есть у тебя».

– Да что вы, Зинаида Григорьевна! Наговаривают! Языки злые у людей! Наговаривают! А что на квартиру пустила – так вы сами знаете, каково в бараках жить, стены насквозь промерзшие, лед на стенах... вот я и пустила; что ж не помочь человеку? Наговаривают, Зинаида Григорьевна!

В Магадане в то время был кинотеатр «Горный» – может, и сейчас есть. Не хотелось сегодня Зинаиде Григорьевне коротать вечер одной в своей комнатухе, собралась она и пошла посмотреть новый фильм. Отыскала свое место, устроилась уютно, руки сунула в рукава, повертела головой в разные стороны, вдруг кто окажется знакомый... и застыла от удивления: через несколько рядов впереди нее сидела Ольга Николаевна, Мальбахша эта, а рядом с ней ее квартирант. Ну это было бы еще ничего, страшно было то, что Ольга Николаевна, Мальбахша эта, голову положила на плечо к своему квартиранту. У Зинаиды Григорьевны в глазах потемнело: да она не хотела верить своим глазам! Вот так, на виду у всего народа! Вот тебе и наговаривают! Зинаида Григорьевна оглянулась потихоньку по сторонам, смотрит ли еще кто-нибудь на такое позорище, видит ли? И так стало на душе у нее противно от того, что вообще на свете может быть такое открытое безобразие... И весь фильм она, сама того не желая, нет-нет да и взглядывала на Мальбахшу с ее квартирантом и уже не могла понять, померещилось ей, или на самом деле Мальбахша нет-нет да и склоняет голову на плечо к своему квартиранту...

На другой день Зинаида Григорьевна демонстративно молча прошла мимо Ольги Николаевны.

– Зинаида Григорьевна! – с вызовом сказала Ольга Николаевна. – И что же вы опять не здороваетесь? Вы же всегда вежливая, всегда культурная...

– Не хочу! – с еще большим вызовом сказала Зинаида Григорьевна. – Не хочу, вот и не здороваюсь!

– Ну и напрасно!

– Как же, напрасно! Мужа уводишь у жены, у ребенка отца забираешь! Ты что, хочешь, чтобы ребенок без отца рос, да? Ты что, хочешь, чтобы жена без мужа осталась, да? Совести у тебя нет, хоть бы подумала сколько лет-то тебе! Тьфу, глаза бы мои не видели! Ты что же это, голову ему на плечо... да он тебе в сыновья годится, да он же еще и семейный!

– Зинаида Григорьевна! Вы меня не попрекайте! Вы мою жизнь не знаете и представить даже не можете... Да, вы во-евали, но вы среди своих были, среди своих! А я – я здоровье еще смолоду потеряла, с этим немцем со своим, Мальбахом. Думаете, он меня за человека считал? Когда они стали убе-гать, когда громить их начали, я тоже собралась – куда мне деваться? Оставаться мне, сами знаете, никак нельзя было. Я вещи собираю в чемодан, а он меня в упор не видит; я че-моданы на порог – грузить в машины, а он меня в упор не видит; а потом вдруг смотрит на чемоданы и говорит: «А ты куда собралась?». – Как куда, говорю, куда и ты, я твоя жена, у меня твоя фамилия...». А он, знаете, что сказал, да еще по-русски – специально учил русский язык: «В лес дрова не воз-ят, в Тулу самовары не возят и ты мне в Германии не нужна, там есть немки, ты зачем мне в великой Германии?». Так я и осталась одна в пустой комнате со своими чемоданами на по-роге, сколько времени – не знаю, помню только – тишина была страшная... Зинаида Григорьевна! Как я живая осталась... ведь растерзали бы тогда меня, если бы солдаты не спасли, а уж что я здесь, в Магадане перетерпела – вы хоть и жили, как приехали, в ледяном бараке, а недолго жили. А как мы эти бараки строили, а? Я строила вот этими руками, все себе от-морозила, все, больная я кругом, ноги уже, видите, не ходят; и мужа я ни у кого не отбираю, и отца у ребенка не отбираю – мне нужен молодой эликсир...

Зинаида Григорьевна ахнула: «Да как у тебя язык поворачи-вается такое говорить? Эликсир ей нужен... вот придет его жена, вот ей ты так и скажи – эликсир мне молодой нужен... Тьфу, Господи! Да если все начнут так беситься!».

Что уж помогло, какая была причина, – но только здоровье у Ольги Николаевны заметно поправилось, этого нельзя было не заметить. Невозможно было не заметить, что она похудела, отеки спали и даже ходить она стала более-менее легко; она помолодела, а на косые и ехидные взгляды не обращала ни-какого внимания; она не сидела уже на стуле, как раньше, не растирала опухшие колени негнувшимися пальцами.

Ольга Николаевна, как заведующая залом, суежилась в разных концах ресторана – теперь она всегда приходила на работу с прической и приодетая, и вид у нее был такой неприступный, как будто она заранее говорила всем: плевать мне на вас на всех и на ваше мнение... Зинаида Григорьевна только диву давалась – до такой степени потерять стыд? Просто непонятно это было для Зинаиды Григорьевны... А Ольга Николаевна как будто заново начала жить: и откуда уж пришла ей в голову мысль – потом говорили, что это квартирант ее надоумил – выпросить себе путевку в Крым, чтобы уж окончательно поправить здоровье. Сначала Ольга Николаевна обратилась к Зинаиде Григорьевне как к председателю месткома. Зинаида Григорьевна сказала: «И как же это ты собираешься в Крым? Как же ты не боишься ехать в родные края? Ты, Ольга Николаевна! А вдруг увидит кто? На куски же тебя порвут, сама же рассказывала...». «Я в Жмеринку не поеду! Хотя там и близко... нет-нет, не поеду я! Да там, наверно, уже никого и не осталось, кто меня помнит, а если кто и остался... давным-давно и позабыл про меня. Мне бы только путевку в Крым, здоровье поправить... уж за тридцать лет каторги неужели не заслужила я путевку. Заслужила, Зинаида Григорьевна! Вы уж помогите мне...». Зинаида Григорьевна обещала помочь – ее обязанностью было помогать всем, кто обратится, а обязанности свои она выполняла четко. А Ольга Николаевна и к директору ресторана Малаеву (имени не помню) пошла с этой же просьбой и он тоже обещал посодействовать. Добрейший человек был этот Малаев. Рассудил он – женщина в возрасте, большая, столько тяжких лет провела в Магадане, и действительно, что случится, если она съездит разочек в Крым, поправит свое здоровье. Никуда она не денется – здесь, в Магадане, у нее квартира, работа, здесь у нее все, здесь она человек, а там – там она никто, там только глянут в паспорт...

Так Ольга Николаевна добилась путевки в Крым. Добилась еще и потому, что чувствовала она и сердцем, и душой – переменится ее жизнь, пойдет по-другому, по-хорошему, вот ведь здоровье же у нее немного, но поправилось, так и жизнь поправится... только бы прилететь в Крым, вдохнуть теплый воздух, увидеть других людей вокруг себя – нет, Ольга Николаевна определенно чувствовала, что начинает жить заново...

А когда Ольга Николаевна села в самолет, который должен был унести ее в родные края, и оглядела людей вокруг себя, то вдруг особенно остро ощутила, что она теперь такая

же, как и все эти люди. Оказывается, ничего в жизни нет лучше и желаннее, чем быть как все, просто быть как все, ничем не выделяться, ничего не прятать, не таить. И вот уже самолет тронулся, вот тряхнуло его, вот побегал по дорожке и сейчас взмоет в воздух – и сердце Ольги Николаевны замерло, а потом по молодому застучало в груди... Внезапно она вспомнила о своей квартире оставшейся в Магадане, вспомнила мебель, обстановку, свою спальню, и, как всегда бывает при отъезде, ей стало немного грустно и так жалко стало ей покидать свою квартиру, свое нажитое гнездо... «Ну не навсегда же!» – пришла ей в голову мысль и не знала она – радоваться этому или огорчаться...

В Крыму, в санатории Ольга Николаевна была лучшей пациенткой: ни одной процедуры она не пропустила, ни одного предписания врачей не проигнорировала и все шло ей на пользу, явно шло; врачам оставалось только удивляться успеху своей медицины – они и представить себе не могли, что на самом деле исцеляло Ольгу Николаевну. А Ольга Николаевна изучала расписания автобусов, пригородных поездов, разглядывала схемы маршрутов – только теперь она поняла, что поедет в свою Жмеринку, обязательно поедет, и что знала об этом она еще в Магадане...

Когда Ольге Николаевне осталась неделя пребывания в Крыму, она исчезла. В санатории еще не начали волноваться, а она уже подъезжала к своей родной Жмеринке, недаром она изучила все расписания автобусов. Ольга Николаевна подъезжала ночью, только ночью хотела она увидеть свою Жмеринку, свою шелковицу, чтобы увидеть днем она и подумать не решалась – даже не страх, а какое-то другое, необъяснимое чувство охватывало ее. Ночь выдалась лунная, тревожно светлая и от этого на душе у Ольги Николаевны было какое-то недовольство. Еще одна женщина вышла из автобуса вместе с ней, но пошла в другую сторону. Это не понравилась Ольге Николаевне – лучше бы с попутчицей, с разговорами, с расспросами. Она начала раздражаться на саму себя – зачем затеяла эту поездку? – сидела бы сейчас в своем санатории... И подойди в эту минуту автобус в другую сторону, Ольга Николаевна, наверно, уехала бы, так и не побывав в Жмеринке. Только эта мысль пришла ей в голову, как она вспомнила о Магадане – и поняла, что в Магадане не простит себе, будет укорять себя до конца жизни, если не увидит свой дом, а главное, свою шелковицу... И Ольга Николаевна, пожилая, больная,

грузноватая, с сумкой в руке, огляделась по сторонам и ноги сами понесли ее в нужную сторону. Вокруг многое изменилось, но она безошибочно шла к своему дому, да и как могло быть иначе? – ведь это были исхоженные ею с детства места... Она еще издаലെка увидела свой белеющий домик, похожий и непохожий, вросший в землю, странно уменьшившийся, постаревший, но знакомый до боли, каждым окошком, каждым уголком знакомый... Но когда она увидела свою шелковицу, увидела еще неясно, но это была та самая шелковица, та самая, на том же самом месте... Ольга Николаевна невольно ускорила шаги. Насколько могла, подошла к шелковице – и встала; она дотронулась до листьев, погладила ствол: неужели на этих ветках сидела она маленькой девочкой... Господи, когда это было? А с тех пор столько всего с ней случилось, стряслось... Нет, то было не с ней, не в её жизни. Собственная ее душа не принимала этой жизни. Ее жизнь та, которая только будет...

Ольга Николаевна долго и осторожно стучалась в ветхую дверь, заглядывала в пустые окна, пока старушечий голос не проскрипел: «Кто там?» И она сама не узнала своего голоса, который ответил: «Это я, Ольга... открой, бабушка! Это я, Ольга! Бабушка! Открой!». И долго потом ждала, оглядываясь и цепенея холодеющей спиной, пока скрипнула щеколда и дверь отворилась...

Старик сосед вышел во двор по нужде и остолбенел – к бабке Марфе стучалась какая-то женщина. Он долго щурил и тер подслеповатые, заспанные глаза, клонил голову и так, и эдак, чтобы получше разглядеть, и не знал, верить или не верить собственным глазам, но это она, он узнал ее – это была она, Мальбахша! С того света, что ли... Гадина, живучая... и эта гадина здесь! А вот брата – брата нет, которого казнили из-за нее...

Старик вошел в хату, торопливо растолкал спящую старуху. «Слышь, кого я видел сейчас? – говорил он зевающей недовольной бабке, – да слышь ты! Мальбахша здесь! Ольга! Стучится к Марфе! Точно Мальбахша! Говорю тебе! Иди посмотри!» Бабка так и подскочила, как будто и не спала тяжелым сном.

Дальше события разворачивались с невероятной быстротой. Бабка побежала к своей сестре – у нее сына расстреляли немцы. Зло имеет свойство никогда не забываться. Зло имеет свойство всегда быть свежим. Зло никогда не уходит. Бойтесь совершить зло – это единственное наследство, в котором вы

можете быть уверены, что ваши потомки получат его, хотя они того или не хотят; обидьте кого-нибудь – и через сто лет припомнят...

Не прошло и получаса, как возле хаты бабки Марфы собралась толпа, человек десять-двенадцать. Толпа сдержанно гудела. Кто-то верил, что дед на самом деле видел Ольгу Мальбах, кто-то считал, что он обознался (оттуда не возвращаются!), но жадной мести горели все. «Марфа! Открывай! – подергал дверную ручку сосед. – Открывай добром! Мальбахша у тебя! Все видели! Сейчас дверь вышибем!». Сначала внутри дома стояла та напряженная, осязаемая тишина, которая бывает, когда в доме кто-то есть, кто-то притаился. Потом раздался дребезжащий старушечий голос: «Нет у меня никого! Что ты, сосед! Привиделось тебе!». «Не откроешь, сейчас все окна перебьем! И найдем, хоть под кроватями, а найдем, хоть где она спряталась!». Кто-то из толпы резко дернул хлипкую дверь и щекотла задребезжала, готовая соскочить. И тут дверь со скрипом отворилась и все увидели сгорбленную столетнюю Марфу – она с самого начала стояла за дверью, трясясь от страха...

Толпа из двенадцати человек выволокла Ольгу во двор – ей спрятаться-то негде было в маленькой хатенке. У кого-то в руках оказалась веревка. Двенадцать человек работали молча, слаженно, как будто не первый раз казнили. Кто-то накинул петлю на шею... Ольга еще дергалась в судорогах, а вокруг уже никого не было – все бесшумно разошлись по своим домам.

Обезумевшая от ужаса древняя старушка – бабушка Ольги – только с первыми лучами солнца осмелилась выглянуть за дверь. Она тяжело дышала, открыв беззубый рот и подслеповатыми глазами все всматривалась, всматривалась в неузнаваемое лицо Ольги...

А толстая ветка шелковицы прогнулась под грузным телом...

Все село стояло насмерть – никто ничего не видел, не слышал, не знает...

Никто не выдал никого.

Эмиль ГУЗАЙРОВ

РАССКАЗЫ

Метанойя или семь вестников правды

В самом начале войны наш полк попал в окружение, и был полностью уничтожен противником. Выжили только мы с приятелем, да и то по чистой случайности. Может, сейчас я бы сказал, что случайность та была обусловлена некоей скрытой, тайной необходимостью, ведомой только Господу Богу, но тогда мы даже и не предполагали, что нас ждет впереди.

А дело было так: за несколько часов до того самого налета вражеской авиации нас с четырьмя огромными канистрами отправили за водой к реке, которая находилась в нескольких километрах от нашей лесной базы. Все началось так внезапно и так быстро закончилось, что вернувшись, мы обнаружили лишь воронки от взрывов, горящие блиндажи и горы трупов. Вдобавок ко всему, вдалеке между деревьями показались вражеские солдаты. Не теряя ни минуты, мы бросились в лес, пытаясь затеряться в густой чаще. Потом долго бежали, петляя между деревьями, а сзади доносились короткие автоматные очереди. Наконец, совершенно выбившись из сил, свалились на мягкий влажный мох.

Очнулся я через минуту. Рядом виднелись очертания старого колодца. Собрав остатки сил, я подполз и заглянул в него. В прохладную глубину вели ржавые, но прочные на вид ступеньки – ступеньки. Как можно быстрее, мы с приятелем спустились вниз. Слава Богу, воды в колодце не было, так что, достигнув дна, мы оказались на куче мусора, веток и прелой листвы. Через некоторое время вверху, на фоне синего неба,

показалась голова в каске. Я передернул затвор своего автомата и приготовился стрелять. Голова в каске исчезла, и через мгновение вниз полетела ручная граната. Она упала к нашим ногам и мягко провалилась вниз сквозь сплетения ветвей. Я понимал, что в моем распоряжении не больше 10 секунд. Дрожащими руками я нащупал гранату, с трудом вытащил ее, и изо всех сил бросил наверх. Я вложил в этот неистовый бросок всю свою любовь к жизни, все свои радости, печали и надежды, все свои раздумья о смерти и Вечной жизни, воспоминания, скорби, и конечно молитвы... все молитвы, которые проносятся в голове в страшный и ответственный миг смертельной опасности. Наверное эти несколько секунд задержки и спасли жизнь нам с приятелем, потому что граната взлетела над кромкой колодца и там взорвалась, поразив, как потом оказалось, преследовавшего нас солдата. Вниз посыпались стальные осколки и каменные обломки.

Какое-то время мы приходили в себя после взрыва. Когда осела пыль, утих гул в ушах и стук в сердце, мы наконец попытались осмотреть наше убежище.

Иногда в жизни случаются таинственные поворотные события, смысл которых, виден бывает намного позже, и иногда становится очевиден даже не тебе, а кому-то другому через много лет. И так... мы обнаружили под слоем листвы и веток металлический ящик, доверху наполненный старинными золотыми монетами.

После недолгих колебаний, мы переложили все золото в наш единственный вещмешок. Конечно, его содержимое – запас продовольствия на несколько дней, патроны и гранаты, теплые вещи, и то многое, что помогает выживать в нелегких полевых условиях, пришлось отложить. А как же... ведь теперь у нас целый мешок золота!

Выбравшись из колодца наружу, я увидел преследовавшего нас солдата – он был мертв. Снизу донесся голос моего приятеля. Несмотря на свою недюжинную физическую силу, он никак не мог поднять мешок с золотом. До позднего вечера мы вытаскивали монеты из колодца, насыпая их в стальную каску и поднимая на веревке наверх. Собрав наконец, все золото, мы обнаружили, что наш вещмешок слишком ветхий, чтобы выдержать такую тяжесть. В результате мы разложили золотые монеты во все карманы, часть завернули в шинель, и даже после этого мешок пришлось волочить по земле. Уже была ночь, и оглядевшись, я увидел за деревьями огонек.

Делать нечего, надо проситься на ночлег. Не без труда, мы добрели до полуразвалившейся избушки, одиноко стоящей у границы леса.

Мы постучали. Дверь открылась и на пороге показалась тощая старуха, которой на вид было лет сто. Она запустила нас в убогую, но прибранную комнату и обещала покормить. Мы сложили свои трофеи в дальнем углу и сели за стол. Старуха, выставив на стол нехитрое угощение, устроилась рядом и смотрела на нас своими подслеповатыми глазками.

– Ну и что вы собираетесь делать дальше? – загадочно произнесла она. – Война еще не закончилась. Вам ведь придется пробиваться в расположение своей части, возможно с боями, возможно много дней без еды, без патронов, а вы под завязку нагружены золотыми монетами.

Мы с приятелем переглянулись, но продолжали сосредоточенно есть.

– Допустим, вы все же вырветесь из окружения и попадете к своим. Как вы будете прятать это золото? Отдадите его командиру, или разделите между солдатами? А может, зароете в лесу? Так ведь оно и было спрятано в лесу. А? Что молчите?»

Я угрюмо смотрел в свою тарелку и сосредоточенно жевал. Откуда она знает?

– А если вас убьют? У вас же нет патронов, нет гранат, вы слабы и истощены. Что вы ответите Господу Богу? Что вы хотели дезертировать и вернуться домой богачами? Да? И это в разгар войны, когда родина истекает кровью? Вот удивятся солдаты санитарной бригады, когда обнаружат в лесу два трупа с карманами, доверху набитыми золотом. Ну... впрочем, хватит!

Расскажу-ка я вам одну историю.

Старуха откинулась на спинку такого же древнего, как она сама, кресла и замолчала. Тишину ее ветхого жилища нарушало лишь размеренное тиканье больших часов с маятником и отдаленный грохот артиллерийских разрывов.

– Это было очень, очень давно, – начала она тихим скрипучим голосом, – я тогда была молода и работала в одном крупном музее. Как-то у нас проходила выставка драгоценных камней. Потрясающей красоты минералы со всего света – разных видов, цветов, размеров и способов огранки лежали на бархатных подушечках, запертых в стеклянных стендах.

Красой и гордостью выставки был уникальный янтарный, или, как его еще называют «амберный» бриллиант под названием «Аруаз-Зуаг». Это был огромных размеров и классической огранки камень бледно-желтого цвета, весом в 50 карат. Бриллиант лежал в особой витрине из закаленного стекла в центре большого зала. Конечно, всюду была усиленная охрана, которую не снимали даже на ночь. Были приняты все меры предосторожности против возможного ограбления.

И вот однажды, перед самым закрытием музея я проходила в свой кабинет через этот зал с уникальными камнями. За окнами темнело, посетителей и экскурсий уже не было, музей опустел. До меня доносились звуки разговоров и удаляющихся шагов полицейского наряда, который охранял выставку – шла смена караула. Проходя мимо витрины с бриллиантом, я с удивлением обнаружила, что дверцы распахнуты и, столь тщательно охраняемый камень, покоится на своей бархатной подушке совершенно без охраны. Я остановилась, не в силах отвести глаз от светящегося матовым янтарным светом бриллианта. Не знаю, что на меня нашло, но через мгновение этот невообразимо ценный, самый редкий и, наверное, самый дорогой в мире камень «Аруаз-Зуаг» был у меня в руках. Я огляделась – в полумраке зала кроме меня никого не было. Внезапно до моего слуха донесся звук шагов приближающегося отряда охраны, заступающего на ночную смену. С удивительной для себя проворностью я бросила бриллиант в сумочку и зашагала прочь, с уверенностью, что меня никто не видел. Быстрым шагом, не оглядываясь, я прошла сквозь анфиладу музейных залов и вошла в лифт.

Когда двери лифта закрылись, я увидела в углу просторной кабины старика – хранителя фондов. Я знала, что он работал в запасниках, расположенных в глубоких подвалах музейного здания. Лифт начал опускаться вниз.

– А вам вниз или вверх, мадемуазель? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– И что же вы теперь собираетесь делать с этим камнем, милая девушка?

Я почувствовала, что бледнею и, не в состоянии промолвить ни слова, устала на старика.

– А они, наверное, уже обнаружили пропажу. Сейчас поднимут на ноги всю полицию, возможно, вызовут подкрепление, оцепят музей, начнут всех обыскивать. Такое начнется...

Старик поднял палец вверх, как будто прислушиваясь, и посмотрел на меня умными строгими глазами.

– Конечно, вы можете спрятать «Аруз-Зуаг» где-нибудь в подвале, предварительно стерев с него отпечатки своих пальцев, но что дальше? Ведь продать, подарить или даже показать кому-нибудь этот камень вы не сможете. А если вас поймут, то попадете в расцвете лет за решетку и надолго. Можно было бы попросту его выбросить. Но разве можно выбросить так просто, как мусор, такой огромный, прекрасный, самый красивый на свете янтарный бриллиант, история которого уходит в глубь веков? Сколько крови пролито было из-за него, сколько слез, сколько разбитых сердец и потерянных состояний. Многие сотни, тысячи людей – царей и вельмож, богачей и красавиц, смелых воинов и коварных убийц держали его в руках. А вы его на помойку? Нет, так не бывает...

Старичок сделал паузу и, прикрыв глаза, задумался. Лифт продолжал опускаться вниз.

– Впрочем, и со мной однажды случилась подобная история, – продолжал он. – Это было очень давно, я был тогда молод, самонадеян и тщеславен. Учился в университете, увлекался историей и археологией, ездил в экспедиции и коллекционировал предметы старины под руководством своего учителя – старого профессора-археолога. Я проводил с ним почти все свое время. Мы вместе занимались наукой, дискутировали, читали книги. Я помогал профессору, сопровождал его во всех поездках, старался быть похожим на него и очень многому у него научился. Впрочем, надо сказать, что он мне был как отец.

Как-то раз в своем кабинете, расположенном в самой высокой башне университетского корпуса, профессор показал мне гордость своей коллекции – старинные часы диковинной работы. Весь механизм часов был сделан из черного дерева, корпус из самшита, циферблат и стрелки – из слоновой кости с золотой инкрустацией, крышка – из полированного турмалина. Даже цепочка была сделана из красного дерева искусной работы. Достаточно было аккуратно потрясти часы и механизм автоматически заводился ровно на сутки. Профессор никогда раньше не показывал мне эту вещь и надо признать, ничего более изысканного и прекрасного мне не приходилось видеть. Я долго рассматривал часы, читал под лупой надписи и слушал, приложив к уху, затейливую мелодию, которую часы ис-

полняли при открывании крышки. Увлечшись, я не обращал внимания на профессора, который тихо сидел в своем кресле. А когда я наконец, взглянул на него, то с ужасом обнаружил, что мой учитель мертв.

Не знаю, что со мной случилось, но с величайшей поспешностью я вышел из комнаты, прихватив с собой чудесные часы. Выскочив на улицу, я устремился вниз по университетской аллее по направлению к пристани. У причала стоял корабль. Увидев его, я сломя голову побежал вниз по длинной лестнице, ведущей к морю. Но когда, спотыкаясь и падая, я наконец достиг пристани... стало ясно, что корабль уже отошел. В голове моей был туман. Сжимая в руке нервно тикающие часы, я в изнеможении опустился на скамейку.

Причал был пуст, лишь одинокий уборщик сметал мусор с деревянного настила. Стоял ясный летний день, чайки с криками летали над пенным следом, оставленным кораблем, который под расправленными парусами медленно уплывал за горизонт. Внезапно уборщик остановился и, внимательно посмотрев на меня, подошел и присел рядом.

– А следующий корабль уходит через час, – как бы невзначай сообщил он. – У тебя есть еще время, чтобы вернуться. Хотя бы отдать последний долг своему учителю, попрощаться с ним. И конечно, надо вернуть на место часы, ведь ты же не вор и не предатель.

«Может быть, этот человек что-то видел, что-то знает про меня и профессора, – подумал я, – наверное, он следил за мной и теперь намерен преследовать меня».

Я решительно встал, собираясь уйти.

– Ну куда же ты пойдешь или поплывешь? Где твои вещи, документы, деньги, наконец? Тебя будут искать, а потом найдут и вернут назад в университет. Как ты будешь смотреть в глаза своим друзьям, учителям... что ты им скажешь? Или ты хочешь продать эти часы? Так им нет цены! Нет таких денег, за которые ты смог бы их продать. Они бесценны!

Последнюю фразу человек произнес уже шепотом, странно глядя на меня снизу вверх.

– А вот человеческая память, честь и совесть – вещи ценные. Даже очень. Потому что избавиться от воспоминаний нельзя. Забыть человека, который воспитал тебя, дал тебе все, что у тебя есть, невозможно.

Человек с метлой задумчиво посмотрел вслед уходящему кораблю и, глубоко вздохнув, продолжил:- Однажды со мной случилась похожая история. Тогда я был молод и дерзок, любил женщин и деньги. И вот, плыл я тогда на корабле по своим торговым делам. Плавание было долгим и я познакомился с молодой девушкой, дочерью богатого купца, которая путешествовала в сопровождении престарелой служанки. Между нами завязались теплые отношения. Возможно даже, это была любовь. Целые дни мы проводили вместе на палубе, разговаривали, смеялись и делились самыми сокровенными мыслями, а вечером никак не могли проститься и разойтись по каютам. И вот как-то раз, моя подруга рассказала мне, что путешествие ее связано с одной важной миссией, от которой зависит судьба, а возможно, и жизнь дорогого ей человека. И она показала мне жемчужину темно-золотого цвета размером с перепелиное яйцо, которая покоилась в серебряном ларце с надписью Quail. Эту бесценную жемчужину она должна была отвезти одному человеку в уплату долга – и этим спасти своего отца от позора и окончательного разорения.

Дни шли за днями, мы продолжали гулять по палубе, любоваться закатами и подолгу смотреть в глаза друг другу. Но что-то случилось у меня в голове, я все чаще задумывался о чудесной жемчужине. Мне хотелось обладать ею и со временем эта навязчивая идея вытеснила все остальные желания. Наши романтические отношения пошатнулись, я стал раздражительным, обидчивым и все чаще, лежа в своей каюте, угрюмо смотрел в потолок, пытаюсь отогнать обуревавшие меня помыслы.

И вот однажды ночью, когда наш корабль стоял в порту, я незаметно пробрался в каюту своей подруги и после недолгих поисков нашел ларец с жемчужиной. Вернувшись к себе, я собрал вещи и сошел на берег в незнакомом городе. И когда корабль отчалил от берега, и на какое-то мгновение вышла из-за туч луна, я увидел на палубе силуэт – это была она. Девушка смотрела в небо, весь ее облик сиял безмятежным счастьем и покоем. Наверное, она даже не догадывалась, что ее возлюбленный стоит сейчас на берегу с драгоценной жемчужиной в кармане. Потом луна скрылась за облаками, я повернулся и зашагал по темной улице в город.

Пройдя несколько кварталов, я очутился в каком-то обратительном месте. На улицах, несмотря на поздний час, было много людей. Одни сидели, другие лежали прямо на

земле, что-то ели и пили, громко кричали и сквернословили. Завидев хорошо одетого чужестранца, все умолкли и уставились на меня хищными мутными глазами. «Дело плохо», – подумал я и в последний момент успел засунуть в рот золотую жемчужину.

Очнулся я в полутемном помещении с белым сводчатым потолком. Я лежал на жесткой кровати, все тело болело, во рту был вкус крови. Слава Богу, я был жив и все помнил. Вспомнил, как меня о чем-то спрашивали на непонятном языке, потом стали бить, вырвали из рук вещи и столкнули в воду. Я молчал тогда, как немой, чтобы не выронить изо рта жемчужины. Я стонал, но рта не раскрыл.

С трудом приподнявшись, я оглядел помещение. Это была монашеская келья. На стене в углу висела икона Божьей Матери и перед ней горела тусклая лампада. Здесь же стоял аналой с раскрытой книгой и под потолком было маленькое окно. В этот момент в келью вошел старик в черном монашеском одеянии. Увидев меня, он радостно всплеснул руками и присел рядом.

– Рад тебя видеть если не в полном здравии, то в добром сознании, – промолвил он, глядя мне в глаза, – ты провел здесь без памяти три дня и я уже не надеялся увидеть тебя живым. А ведь все могло быть иначе.

Старец достал тарелку с немудреной едой и подал мне. И тут только меня пронзила мысль, что жемчужины у меня нет. Неужели я ее выронил? Или ее украли эти бандиты? А может, забрал этот человек? Меня бросило в холодный пот.

– Не волнуйся, твое сокровище у меня, – сказал монах и разжал кулак. В руке у него была та самая жемчужина. – Я вынул ее из твоего рта, чтобы ты не задохнулся, когда был без сознания. Впрочем, тебе сейчас легче, чем той девушке... уж она-то страдает по-настоящему.

Чуть не задохнувшись от ярости, я резко вскочил, но голова закружилась и я упал на холодный каменный пол. Старик строго посмотрел на меня и помог подняться.

– А каково ее отцу? Ведь эта золотая жемчужина была его последней надеждой поправить дела, расплатиться с долгами и это может теперь стоить ему жизни. И что будет с его дочерью, его единственным сокровищем, его надеждой и опорой, еще такой юной и доверчивой? А ты, такой умный и самоуверенный, ты променял истинное сокровище чистой совести, светлых чувств и настоящей любви на этот перламутровый

шарик. Мне больно за тебя, но еще страшнее за себя, ведь я еще больший грешник, чем ты.

Я сидел, бледный как стена, руки мои дрожали и сердце готово было вырваться из груди. Старец сочувственно посмотрел на меня и продолжал:

– Это было очень давно. Был я тогда послушником в одном монастыре, расположенном высоко в горах. Монастырь был маленький и очень древний. В нем было двенадцать монахов во главе с настоятелем. Я нес послушание на кухне, мыл посуду, убирал со стола, подметал пол. Словом, выполнял всю грязную и тяжелую работу. Жизнь в монастыре была тяжела для меня: длинные церковные богослужения, скудное питание и пробуждение до зари. Впрочем, лучшего я не знал, потому что вырос без матери и отца, а жизнь в родной деревне была еще труднее. В монастыре у меня был наставник – престарелый монах-химник. Он пытался меня воспитывать, навставлял уму-разуму и учил как мог. Я же был неспособен к учебе, ленив, глуп и совершенно не богобоязнен. Трудно было со мной всем насельникам этой маленькой обители, ведь я был груб, раздражителен и склонен к винопитию и блуду. Особенно тяжело приходилось моему наставнику, но он все от меня терпел и искренне старался направить меня на путь спасения.

Однажды, перед большим церковным праздником старец призвал меня в свою келью, дал мне большую связку ключей и поручил спуститься в старый погреб, находившийся в глубоких подземельях монастыря. Он велел мне взять несколько бутылок вина и, никуда больше не заглядывая, вернуться в трапезную. Я взял толстую свечу и спустился по каменной лестнице вниз.

Несмотря на долгое пребывание в монастыре, в этих подземных лабиринтах я оказался впервые. Не без труда найдя винный погреб и положив в корзину тринадцать пыльных бутылок, я двинулся в обратный путь. Но тут мое внимание привлекла, обитая медными скобами дверь, с большим крестом посередине. Невзирая на предупреждение старца, я принялся подбирать ключи к замку и через некоторое время смог открыть эту дверь.

За дверью была древняя часовня. На стенах всюду висели иконы в старинных окладах, и откуда-то сверху пробивались пыльные лучи дневного света. Посередине, на деревянной подставке лежала небольшая книга. На переплете, украшенном драгоценными камнями и тонкой резьбой, был

золотой крест. Я открыл книгу и увидел пергаментные страницы с текстом на непонятном мне языке, рисунками, причудливыми орнаментами и буквицами. Никогда мне не приходилось держать в руках столь изысканную и ценную вещь. Недолго думая, я сунул книгу за пазуху, вышел из часовни и под покровом ночи сбежал из монастыря.

Я спустился по горной тропинке в шумный и многолюдный город. Заложил книгу в первом попавшемся ломбарде за приличные по моим представлениям деньги и пустился в разгул и пьянство. У меня появились друзья и многочисленные подруги с которыми мы бурно проводили время. Впрочем, денег хватило ненадолго. Я начал воровать и заниматься грабежами вместе со своими новыми друзьями. Потребовалось совсем немного времени, чтобы я окончательно опустился, превратившись в пьяницу и бандита. Неудивительно, что в один прекрасный день я проснулся в тюрьме.

Это была тесная и сырая камера. В углу на куче гнилой соломы лежал одетый в лохмотья старик с обезображенным шрамами лицом. Первое время я мучительно страдал от голода, холода и обиды на тех, кто запер меня сюда, и как тигр метался по своей тесной клетке, проклиная всё и вся, то ругаясь, то падая в изнеможении. Мой сосед как будто не замечал меня... он тихо лежал в своем углу и смотрел на узкую полоску неба, которая виднелась в маленьком зарешеченном окне, высоко под потолком.

И вот однажды он как будто очнулся, бодро встал и подошел ко мне.

– Не бойся, тебя скоро выпустят, – сказал он тихим хриплым голосом. – Всего лет семь и выйдешь на волю. Впрочем, это здесь ты на воле, а раньше ты был в тюрьме... в плену своих страстей, своих грехов. Здесь место страданий, расплаты за разбой и грабеж, но это ничто по сравнению с тем, что нас с тобой ждет в аду. Там будет плач и скрежет зубов.

Старик уселся рядом со мной и продолжал:

– А ведь ты мог бы возрастать духом в том монастыре в горах. Подвизался бы терпеливо, работал над собой, служил Богу и помогал людям. А вместо этого ты убил в себе единственное свое призвание, ради чего стоит жить и ради чего стоит умереть. Но я знаю – не все потеряно. Врата покаяния еще открыты для нас, вот только время жизни ограничено. Особенно для меня...

Он задумчиво посмотрел на полоску далекого синего неба и продолжал:

– Это было давно... когда я был еще молод, и пас стадо овец в обширных лугах на берегу теплого моря. В нашей деревне мы ни в чем не имели нужды. Одежду и пропитание получали от хозяина, которому принадлежали несколько селений, река с мельницей, все окрестные земли с лесами и лугами и многочисленная стада овец, коз и коров. Наш хозяин славился добротой, отзывчивостью и широтой познаний. Он устраивал всяческие научные эксперименты, выращивал диких заморских зверей и экзотические растения, которые привозил из долгих путешествий в дальние страны. Еще у него была большая семья, множество детей и обширное имение на берегу моря.

И вот, угораздило меня связаться с шайкой разбойников, которые промышляли в соседнем лесу. Их главарь, лютейший головорез и безжалостный бандит, доверительно поведал мне, что в доме хозяина на стене висит его главное достояние, очень ценная вещь – «Нож Искандера», принадлежавший когда-то Великому Александру. Эта реликвия досталась нашему хозяину каким-то чудесным образом, во время одного из путешествий. И еще - главарь мне рассказал, что если завладеть этим оружием, можно победить любого и завладеть чем угодно, даже и всем миром. Вот так!

Как быстро поддался я на уговоры украсть этот самый нож!

И однажды ночью пробрался в замок. Незамеченным, прошел я по темным коридорам и быстро нашел кабинет хозяина. Дверь была открыта, и, войдя внутрь, я увидел этот самый «Нож Искандера», висевший на персидском ковре над столом.

Недолго думая, я снял его со стены. Древний кинжал редкой формы и красоты был вложен в ножны красного дерева, инкрустированные серебром и слоновой костью, с тонкой гравировкой и резьбой. Клинок дамасской стали был покрыт затейливым орнаментом и причудливыми надписями.

Внезапно послышались шаги, дверь открылась... и я увидел хозяина со свечой в руке. Не помня себя от испуга, я выхватил меч и ударил его прямо в грудь. Хозяин зашатался, но устоял на ногах, устало посмотрев на меня своими добрыми глазами. Свеча выпала из его рук и ковер под ногами заго-

релся. Пламя быстро распространялось по комнате, и я, сунув меч за пазуху, выскочил в окно.

Уже добежав до болота, я оглянулся и с похолодевшим сердцем увидел на холме замок, полыхающий в огне пожара. Пламя было настолько сильным и ярким, что освещало все вокруг, дым затмевал звезды, а искры летели высоко в небо. Вокруг было светло, как днем. Длинные тени деревьев плясали по оранжевой траве, и сверху еще долго сыпался серый безнадежный пепел.

Огибая мертвые трясины, я бежал до рассвета, пока отсвет пожара не сменился светом солнца. Не чувствуя ног от усталости, я замертво свалился на землю.

Первое, что я увидел, когда открыл глаза, был человек в одежде из звериных шкур, с длинной палкой в руке. Он сидел рядом и как будто ждал моего пробуждения.

– Пожар потушили, – сказал он тихим спокойным голосом, – но замок сгорел. И никто не выжил, все погибли: хозяин, его семья, его слуги, кухарка, конюх... – все, кто был в замке. Спасся только один пастух, который обычно пас овец в обширных лугах на берегу теплого моря. Этот человек взял кое-что и убежал. А его друзей-разбойников скоро поймают и повесят по обвинению в поджоге замка.

А куда пойдет этот человек? Неужели продаст «Нож Искандера» на рынке, или зароет в лесу, или вонзит себе в грудь, как он вонзил его в сердце своего хозяина, который кормил, одевал, лечил его, любил и защищал? Как, впрочем и всех, вверенных его власти людей, которые теперь стали пеплом на вершине холма. Но скорее всего, справедливости ради его поймают и он проведет остаток своих дней за решеткой в покаянии и печали.

Человек в звериной шкуре задумчиво посмотрел куда-то вдаль, тяжело вздохнул и продолжал:

– А знаешь, ведь и со мной когда-то произошла одна история.

Была война, и я служил в легкой пехоте наемным солдатом. Однажды наш легион оказался в густом лесу, преследуя остатки войск разгромленного противника. Нам приказали истребить всех, кто еще остался в живых, мы шли по лесу и просто отстреливали их из луков. И вот, собираясь уже было повернуть обратно, я увидел впереди две фигуры, которые

что-то с трудом волокли по земле. Подкравшись поближе, я обнаружил двух вражеских солдат, тащивших тяжелый ларец. Недолго думая, я выхватил свой боевой топорик и умелыми движениями уложил их обоих. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил в сундуке царскую корону. Да, самый настоящий... драгоценный монарший венец.

Старуха прервала свой длинный рассказ и, хитро прищурившись, посмотрела на нас с приятелем. В наступившей тишине отчетливо слышались трели ночных кузнечиков за окном... их не мог заглушить даже приближающийся грохот артиллерийской канонады.

– Я вам расскажу, что было дальше, – таинственно прошептала она, – этот солдат снял доспехи, закопал в землю боевой топор и отнес свой трофей в город, где продал антиквару эту драгоценную реликвию, сакральный символ царской власти. Вырученные деньги он положил в деревянный сундук и спрятал где-то в лесу, чтобы потом возвратиться и забрать свое золото. Но не сложилось. Этот человек долго искал свой клад, много лет бродил вот по этим лесам и болотам, но так и не нашел того места.

Но вот через триста лет вы обнаружили эти золотые монеты... там, на вершине старой башни.

– И вовсе не на чердаке башни, а на дне колодца, – заметил я, оторвавшись от чашки с чаем.

– Конечно, – протянула старуха, – теперь вы станете морочить голову старой женщине. Или боитесь, что я украду ваше золото, обману или выдам? А может, вам вообще все это показалось, померещилось от усталости? Почудилось золото после контузии? А?

Я быстро встал и пошел в тот угол, где лежали наши вещи. Развязав вещмешок, я обнаружил в нем только гранаты, коробки с патронами и банки с едой. В карманах шинели были стреляные гильзы – и не одной золотой монеты. Ни одной! Я обернулся и посмотрел на своего друга. Он тихо смеялся, тупо глядя в огонь камина. Видимо он, как и я, обо всем догадался. А вы?

Дерево

Это было огромное дерево, растущее посреди просторной поляны. Из-за густого, влажного полумрака, под его широкой кроной не росли другие деревья. Лишь сочная трава и роскошные кроваво-красные цветы, огромные лопухи и улиткоподобные папоротники в изобилии заполняли пространство под деревом. Из-под причудливо переплетенных между собой корней, сросшихся с камнями и обломками скал, текли многочисленные ручейки, кое-где превращающиеся в небольшие водопады. А древний, изъеденный событиями, катаклизмами и вековым мхом ствол, своей статью и убедительной крепостью являл образец незыблемости и несокрушимой мощи.

Он подошел к стволу и, прислонившись подбородком к шершавой коре, посмотрел вверх. Это дерево – целый мир. Там наверху тысячи птиц выют свои гнезда. Многие звери, оцелоты и пантеры, тигры и ягуары, онтоклёны и драконы имеют пристанища в дуплах, сплетениях ветвей и густой листве исполинского дерева. Вокруг ствола нужно пройти тысячу шагов, чтобы обойти его кругом. И не факт, что вернешься туда же, откуда начал путь, не заплутав в густой траве, зарослях лиан и буреломках сухих ветвей. Здесь всегда есть опасность провалиться в чью-нибудь нору или, спрятанную под слоем хвороста и листьев, берлогу.

Совершенно точно, своей вершиной это дерево упирается в небеса и прорастает сквозь тучи в невероятную облачную высь. А глубина залегания корней, и связанных с корневой системой лабиринтов пещер, подземных рек и глубоких карстовых тоннелей, соизмерима с расстоянием до центра земли.

Он обхватил ствол руками и вдохнул теплый и влажный аромат, впитавшего в себя, пожалуй, все запахи мира, старого, но еще могучего дерева. Вспомнился древний запрет, строгое и основательное предупреждение. Древо познания... познания добра и зла. Говорилось про какой-то плод, который нельзя вкушать. Но на этом дереве нет плодов. Человек отошел в сторону и начал всматриваться в густой, бурлящий жизненными соками и природными процессами массив листвы. Ни цветов, ни плодов там не было видно, лишь колеблемые ветром зеленые бугры, холмы и горы, из которых периодически вылетали птицы, поодиночке и целыми стаями. С шумом

и треском что-то сыпалось, грохотало и падало: сухие ветки, обглоданные кости и чей-то помёт.

– Пора! – он проворно влез на первую, самую пожалуй, широкую ветку дерева. Здесь можно свободно и вальяжно прогуливаться, лежать и даже бегать. Остальные ветви – ничуть не менее грандиозные по ширине, прочности и протяженности. Они тянулись в разные стороны, теряясь в перспективе густой листвы и сплетениях более мелких ветвей. Разумеется, здесь были гнезда, и не только птичьи, и не только гнезда. Воробьи и вороны, дятлы и пеликаны, орлы... и летающие ящеры. В дуплах и норах, защищенных от нападения и воровства убежищах и надежных схронах лежали яйца, сидели крикливые птенцы и заботливые их мамы. Все эти пернатые и волосатые непрестанно ссорились и дрались, оглашая окрестности гортанным своим криком и клёкотом. Маскируясь среди ветвей, подкарауливали добычу малые, большие, и даже исполнинские змеи. Они набрасывались мгновенно, жестоко и немумолимо; душая, кусая и молча проглатывая жертву.

Он карабкался всё выше и выше по удобным, казалось специально приспособленным для лазания, ветвям. Тысячи насекомых жужжали, пищали и гудели вокруг. Крупные и миниатюрные, хищные и вкусные, охотники и жертвы. Мелкие, но прекрасные, птички-колибри суетились вокруг. Огромные шмели, с грубыми голосами и пугающими движениями кружили рядом. Пауки и мухи, богомолы и божьи коровки, муравьи и муравьеды, панголины и панды. Сколько их здесь... Все они, и многие другие, дружно и воинственно, а некоторые бесшумно или громогласно, существовали здесь, периодически выглядывая из-за ствола или из густой листвы. Вот, кажется промелькнул в темноте лев, а там вдали, послышался брачный крик марана, хотя может это слон? Или буйвол? Или древесный мегалодон?

Человек взбирался дальше. Вечерело. Ярус за ярусом, слой за слоем, среди разнообразных видов птиц, животных и насекомых, древних и современных, настоящих и вымышленных, реальных и мистических. Уже не мечтал увидеть здесь циклопа, а рядом кентавра и его злейшего врага – минотавра. Мудрого гиппогрифа и лютого марроглифа. Среди желтеющей листвы на северной стороне уютно примостился длиннохвостый уфрогон, и упираясь всеми шестнадцатю ногами в мощную ветвь, охраняет гнездо с крылатыми детенышами плиум-митофлюг. На этом уровне живут мудрые, невидимые

умменги и многоглазые гигантские ассары. И еще здесь много злых комаров.

По мере удаления от земли, ландшафт внутри дерева менялся. Листья здесь прозрачнее и сочнее, а ветви эластичнее и значительно короче. Разряженный воздух насыщен изысканными ароматами, потрясающей гаммой эфирных испарений и совершенно неземных запахов. Он посмотрел вниз, туда где, под первым слоем туч, текли синими ниточками реки и сквозь дырки в облаках зеленели леса. Высоко! Даже голова кружится.

– Надо обхватить покрепче ствол и продвигаться выше. Ветер пронизывает до костей и дышать значительно труднее. Видимо, сказывается большая высота и разряженный воздух. Здесь уже нет тех веселых, навязчиво скакавших вокруг, мартышек и лемурув. Исчезли валяжные ленивцы и вечно жующие коалы. Все они остались ниже. Лишь птицы, суетливые, веселые и голосистые певуны, радующие слух прекрасными своими трелями, в изобилии носились вокруг. Как ни странно, в этих местах в изобилии водятся бабочки, изысканно раскрашенные мотыльки и их безобразные дети – прожорливые гусеницы. Еще стрекозы, пчелы и огромное количество цикад, тянущих свою бесконечную трель, прилепившись к стволу.

Иногда человек останавливался передохнуть. Он ложился в гущу ветвей и листьев и предавался размышлениям о жизни и смерти, одиночестве и печали, добре и зле. Теперь уже близкое, и такое доступное небо, синело сквозь листву. «Вершина» дерева была уже близко. Какое-то забытое, печально щемящее под сердцем, воспоминание или предчувствие промелькнуло в сознании.

Неужели это и есть то самое дерево – заветное, секретное и запретное Древо познания?

А на самой верхней ветке, на самой вершине, с которой был виден, наверное, весь мир... рос цветок. Сказочной красоты цветок. Радужный, бархатный и чудесно благоухающий цветок.

Возможно, именно из него когда-нибудь появится тот самый плод. Плод познания добра и Зла, Радости и Печали, Счастья и Горя. И вкушать от него нельзя. Таков Закон, такова воля Отца.

– А может сорвать цветок сейчас и подарить Еве? Ведь

она может случайно забрести сюда, когда созреет плод, – подумал Адам, и с нехорошим предчувствием взглянул на простирающийся далеко внизу Райский Сад.

Горячий камень

1

Кто не слышал рассказ о том, как дед Агафон горячий камень нашел под забором своим, тот пусть приезжает в село наше и у любого спросит. Правда, тут люди могут всякого понарасказывать, выдумки и сказки всякие наплести. Поэтому решил я сам подробно и правдиво описать историю эту, без утайки и без прикрас.

Так вот, однажды зимним морозным вечером, вышел дед Агафон на крыльцо дома своего, чтобы на луну белую посмотреть и воздуха кристально чистого вдохнуть. И видит – в конце двора из-под забора, вроде как дым идет, или пар, тонкой струйкой в небо поднимается. Накинул дед тулупчик овчинный, влез в валенки, да и зашагал по снегу глубокому туда, где камень горячий на снегу лежит греется, фиолетовым светом слабо светится.

Положил дед камень-то в шапку, да и принес в хату. А надо сказать, была у деда Агафона жена – бабкой Агафьей ее звали. Удивилась бабка, увидев камень тот чудесный, круглый, да горячий, так что в руках едва удержишь. Положили они камень на печку пока и сели думать, как его с пользой, да с разумением использовать, и в доме, да в хозяйстве с усердием применить.

– Надо его в котел с водой опустить, пущай вода всегда горячая будет, – говорит бабка Агафья, – постирать что, посуду помыть, али умыться с удобством.

– Тогда, уж лучше в баню его отнесть, в кадушку погрузить и наверх как-то пристроить, – продолжал дед Агафон, – соорудить душ и каменку, а по трубам вода горячая в дом чтобы шла для кухни, для отопления и для мытья всякого опять же. По всей хате трубы провесть и тепло зимою будет, и в печи постоянный жар. И вообще, душевую комнату можно организовать.

– Ага, и в курятник можно тепло-то проложить по трубам твоим, чтобы куры неслись лучше. Тогда и курей побольше можно было бы развести, опять же – к праздникам яичков прибавится.

– Тогда и в свинарник трубу горячую пробросить и к козове и козам, чтобы доились обильней и воздух потеплее там стал, сырость вскорости просохнет и вони поубавится, поди. А потом и коня можно завести еще и овец штук несколько, а там глядишь – уток и гусей в сарайчике утепленном-то.

Так проговорили они по поздней ночи, да и спать улеглись.

2

А поутру говорит бабка Агафья:

– Стало быть, хозяйство-то расширить ты задумал, а как же рыбки? Давай в бассейн тоже теплую воду проведем, золотым рыбкам приятнее будет, кораллов и улиток заморских заведем. Водоросли, да цветы тропические посадим туда, лотосы и кувшинки пущай плавают, а может быть черепашку какую, или тритончиков с белыми лягушками. А вокруг бассейна, по дорожкам, песком посыпанным, павлины ходить будут, походкой величавой и степенно петь песни свои негромкие и незамысловатые.

– Павлины говоришь? А кто кормить будет их, и кур, и уток, и индюков твоих, и лошадей? А доить кто будет корову, а убирать за свиньями? Я-то не успеваю и так, а тут еще павлины...

– Кто!? Кто всегда кормит, тот и будет! А кто, по-твоему убирает у скота ентого, – переходя уже на крик, ворчала бабка Агафья. Ты ведь всё больше за попугаями своими гумно скоблишь, да бабочек из червяков выводилшь.

– Ладно, не ругайся уже, – проворчал дед Агафон, допивая чай из блюдаца, - другое дело, оранжерею утеплить. Предполагаю я... надобно механизм подачи теплого воздуха от камня горячего устроить. Чтобы в зимний сад непрерывно влажное тепло поступало. Растения это любят... цвести и плодоносить лучше будут. Я полагаю, урожай манго увеличится, авокадо и лимоны собирать в изобилии станем. А чтобы не скучно в оранжерее было, надо плетеную мебель из сарая принести, и на поляне под агавой поставить. Будем, бабка, чай гонять и лимоны с дерева срывать.

– Так-то оно так, да вот придется тогда второй свет с галереей в саду зимнем достраивать. Уже сейчас бамбук, баньян и банан в потолок стеклянный упрутся и пальма финиковая под сводом сгибается. Еще надо тогда крокодила в пруду всё-таки выловить, а то он всю форель пожрёт и студентов-ботаников окончательно отвадит.

– Да, да, я про это подумал уже. Надо в пещере вертушки с колокольчиками на палочках поставить вдоль тропы. Когда ветер дуть будет, колокольчики звенеть и вертушки трещать начнут, у крокодила нервы не выдержат, он и уйдет обратно в реку подземную. А вместе с ним и змеи, будем надеяться, уползут. Они-то вибрацию почвы шкурой шершавой чувят, верно обстановку рецепторами сенситивными оценивают, пресмыкаются, гады ползучие.

– Ты бы уже сенца-то коровам отнес, да дрова порубил, что ли. А то фантазировать, да умничать каждый может, а вот посуду помыть за собой – мы немощные, – сказала бабка, взяла ведро и отправилась коров доить.

3

Ближе к вечеру, после долгого дня трудового, решил дед посмотреть на камень горячий. Достал его с печки, смотрит и удивляется – камень-то светится в темноте, светом белым и ярким.

– Гляди Агафка! А булыжник-то кроме того, что греется, еще и светится! Вот какое чудо-то чудное, диво-дивное!

– Да, необычно всё это, таинственно. Никак инопланетного происхождения камень сей, поди неземного, – добавила бабка, помешивая борщ деревянной поварешкой.

– А я то как раз и думаю, как бы нам дорожку к сортиру осветить, а то ночью по нужде выйдешь и только луна путь-то направляет. И вот предполагаю я сделать систему зеркал на шарнирных опорах, чтобы от камня свет распределить вдоль дорожек в саду и в огороде. Да что там говорить, можно ведь и в доме, и в оранжерее, и в башне свет провесть, используя световолоконные трубы, призмы и оптику бифокальную.

– Конечно, растения от света мощно растут и обильно плодоносят. Так что надо с зимнего сада начать и об урожае позаботиться. А пока, садись дед за стол, но прежде сходи в подпол и принеси огурчиков соленых хрустящих, да грибочков – опяток скользящих. Прихвати там два зубочка чеснока, два

перчика-стручка, а если унесешь – сметанки в кружку и варенья-смороды баклушку.

Сели за стол ужинать, а дед Агафон и говорит опять:

– А что это мы всё о своем печемся, да о себе заботимся? Надо дороги и тропинки во всем селе осветить. Опять же, системой зеркал двоякоизогнутых, и друг на друга свет от камня яркого направляющих, преломляющих и рассеивающих со столбов высоких. Так всё село по ночам освещено будет, как днем. А если кому мешать свет станет, то зеркало можно в другую сторону отвернуть, или отключить вообще.

– Правильно, надо обо всех людях добрых-то позаботиться. На башне нашей высокой, да бесполезной фонарь поставить. Пусть всем путникам, в ночи затерявшимся, в лесу заплутавшим, да в болото иль в овраг глубокий попавшим, свет будет яркий. Указателем направления верного, маяком на обход опасностей ночных и спасителем светлым.

– А чего это ты, бабушка, башню нашу высокую, бесполезным сооружением называешь, а? – укоризненно спросил дед. – Или не любишь по ночам темным на башню подниматься и звезды яркие, да переливчатые подолгу наблюдать? Или не ты на окрестности смотреть в трубу подзорную и телескоп изволишь иногда? На леса и пруды, реку и поля безбрежные, на тучи величавые, да на небеса курчавые любоваться с замиранием сердца? А? Так что, не права ты, бабушка милая, ибо очень полезное и необходимое сооружение – башня эта. Для сердца и комфорта душевного полезно вдаль смотреть периодически, дивиться на красоту природы русской и небес, Богом созданных. А что касается фонаря зенитного маяка, путникам помощника – это ты верно придумала. Надо к камню систему оптическую пристроить, чтобы свет изрядно усилить и мощность сугубо увеличить. Этим и займемся, а пока отбой... спать пора.

4

Поутру с рассветом проснулся дед Агафон. Смотрит по сторонам и диву дается.

Все предметы по комнатам парят, плавно летают и медленно перемещаются.

– Вот это да! Опять проделки камня волшебного, – пробормотал дед и накрыл камень шапкой своей – ушанкой. Вещи, парящие в пространстве, сразу попадали на пол, раз-

биваясь и производя ужасный шум. Приподнял дед шапку, камень в воздух поднялся и вместе с ним все вещи в воздухе повисли. Тем временем, бабка встала и начала с ворчанием прибирать беспорядок.

– От камня твоего никакой пользы, только разруха одна, смотри вон - все вещи мимо попадали. Беспорядок-то какой, да пылюка на весь дом!

– Невесомость, – подняв палец к потолку, важно протянул дед. А ты думала он просто горячим будет и всё что ли? В нем-то еще, видать, много чего скрыто, никакой науке невдомек поди. А ведь полагаю я, что в камне этом монополю каким-то образом срабатывает. Магнитную биполярную цепь размыкает и гравитацию нарушает.

– Чавооо! – отложив уже веник, проговорила бабка Агафья, покрутив пальцем у виска, – монополярные системы принципиально в природе невозможны и нарушили бы законы физики. У магнита всегда два полюса было и остальное – это из области фантастики вообще. А здесь, скорее всего, бесовщина какая-то, полтергейст или еще что-нибудь. Надо бы водой святою покропить, да акафист почитать сугубо.

– А вот мы сейчас прибор-гравитометр принесем, да и замеры произведем по силе притяжения. Вот, бабка смотри – каким-то образом невесомость от шапки моей зависит и законами физики сие объяснить никак невозможно. Наверняка в шерсти овчиной или в форме шапки этой старой есть что-то, что экранирует волны гравитационные. Надо приспособить феномен этот к нуждам хозяйственным, и например грузы на гору поднимать или кирпичи на верхние этажи. А еще лучше – двигатель без шума и без топлива, а всего-то прибор: только камень этот, да шапка...

– Ты бы лучше аппарат какой летательный сконструировал, используя эффект этот, – сказала бабка, окропляя святой водой висящий в воздухе и светящийся желтоватым светом камень.

– И то дело, хорошо придумала, молодец бабушка! К небесам далеким полетим, невесомость испытаем и космические дали бороздить будем в скафандрах герметичных. На облаках лежать будем и тучах грозových купаться. Только первым делом надо нам из глубины пруда танк поднять. Говорила моя бабушка, что он там с первой войны затонувший на дне валяется, а тогда ведь технику на совесть делали, не ржавеет она вроде. Достанем, движок переберем, и ездить будем, на

рынок в райцентр, опять же поле вспахать. И глубина ведь в озере немереная, такая, что водолаз не доплывет и батискаф не донырнёт. Потом надо воздушный шар-цепеллин с проводов высоковольтных аккуратно снять и мячики с крыши.

– Да, и еще с верхушки дерева камфорного, застрявший там беспилотник американский достать, который дети из рога-ток расстреляли прошлым летом, – добавила бабка Агафья и ушла скотину кормить, да навоз убирать.

5

А дед Агафон, тем временем решил научный эксперимент поставить и погрузить камень в агрессивную среду, то есть в свой старый, молью побитый и виды видевший валенок. Камень не слушался, из рук вылетал и разогревался сверх меры. Но дед был не робкого десятка и всё же затолкал камень горячий в валенок и шапкой-ушанкой сверху прикрыл. Вот тут-то и началось...

Вещи в хате исчезать стали и на их месте другие появляться. Вместо стола дубового мотоцикл с коляской появился, который раньше в сарае стоял, а вместо шкафа – коровья кормушка с сеном. Кровать с подушками исчезла и на ее месте насест с курами очутился. Куры начали по комнате бегать и летать, а тут еще гуси появились, а потом поросенок и Бобик с его будкой.

– Чудеса! – схватился за голову дед Агафон, – телепортация с левитацией, только и успел пробормотать он, как в комнату вбежала испуганная бабка.

– Ты что опять делаешь с бульжником ентим? – с порога закричала она. – Вместо коровы теперь трактор стоит, а вместо навоза – пол мраморный, такой как в доме у Петровича... ну депутата нашего. Заместо сортира... не поверишь – будка гаишника со 105 километра, похоже. Только его самого в будке нет. Что происходит то?

– Это значит, телепортация происходит здесь, – важно сказал дед и указал на валенок, стоявший на печке, тускло светясь, – перемещение предметов среды и молекулярная замена элементов пространственного континуума. Эксперимент научный и последствия, необъяснимые пока. Но это пока! Разберемся, а потом использовать будем. В дальние страны с тобой Агафья переместимся, мир смотреть будем. В Париж сарай наш переставим, а центр Помпиду – к нам во двор. В

Прадо сходим, в Катманду опять же, в Венецию, и на родину свою съездим бесплатно – в Киргизию. Надо еще собор Саграда Фамилия посетить и парк Гуэль. И всё это – камень, валенок и шапка...

– А как же сортир, вернуть-то надо его, да и всё восстановить, как было. А уж потом давай... проводи эксперименты свои.

– Ладно, гляди бабуля, и дивись на чудо необъяснимое и перемещение неуловимое. Взял дед валенок с печки, надел варежки и вытащил камень горячий. Тут же и пространство восстанавливаться стало, поросенок и бычок, куры и страусы из комнаты исчезли, телевизор, компьютер и холодильник на своих местах оказались.

– А давай тогда дедушка, на рынок быстренько переместимся, мне там много чего купить надо, чем на мотоцикле два часа по пыли трястись. А потом можно и на Святую Землю в паломничество слётать, в Каппадокию, и в Киев на Аскольдову могилу.

– Но прежде, надо на вершину горы нашей подняться и на Золотой Террасе место для вертолетной площадки рассчитать. Люк в подземный ход найти наконец, коридор и лестницы подмести и порядок там навести. А посреди пруда-озера нашего, остров экспортируем с океана и церковь посередине с колокольней до неба. От храма до середины села – мост, который кстати, можно было бы из Праги прислать, а туда наш, на время отдать.

– Такой ты выдумщик стал с возрастом, – сказала бабка Агафья, но лучше бы снег с дорожки почистил. А то пенсию принесут, а прохода нету.

Взял дед лопату, да и пошел во двор, снег убирать.

6

Поздним вечером решил дед Агафон проверить состояние камня волшебного. Смотрит, а камень-то под печкой валяется, вернее – висит в воздухе и светится светом зеленоватым, видать завалился туда в суматохе. Поднял дед камень варежкой, да и понёс в лабораторию исследовать, магнитным полем, гамма-лучами, давлением, температурой, да кислотами всякими.

А бабушка Агафья тем временем ужин сварила, скотину накормила, полы помыла, по телефону несколько раз погово-

рила, и письма по электронной почте всем отправила. Сидит, сериал в телевизоре смотрит. Вдруг видит... входит в дом человек необычный, вроде как, воин древний, в доспехах блестящих, в шлеме, плаще и с мечом в руке. И говорит он на языке непонятном какие-то слова мудрёные. Хорошо, что раньше бабка Агафья преподавала в университете языки древние. Догадалась она по контексту разговора, что это карфагенский полководец Гамилькар Барка, неизвестно как сюда попавший, и очень желающий назад к себе во дворец возвратиться.

– И где же, – думает бабка, дед этот, Агафон? Экспериментатор доморощенный, профессор недоделанный и фантазёр задрипанный? – Извините, – говорит она гостю на ломаном карфагенском языке, – посидите тут вот пока. Можете кино посмотреть или в «фаркрай» поиграть. Научила его кнопки на клавиатуре нажимать, а сама пошла деда искать.

А дед Агафон-то оказывается, над камнем опыты в лаборатории своей ставил: рентгеном просвечивал, в центрифуге раскручивал, лазером сверлил, да в печке муфельной нагревал. Потом варежкой камень взял и в воздух между делом подкинул. В ту же секунду в древнее Египетское царство перенесся. Там его чуть в рабство не приняли, чудом спасся, вовремя в Византийскую империю переместился, потом в Карфаген, а потом в Атлантиду. Оказалось, что это по желанию можно, лишь камень в руке покрутить и в любую точку пространства и времени попасть. Так и путешествовал бы дед Агафон во времени, если бы не проголодался и про бабушку свою не вспомнил.

Вернулся тогда дед домой к себе. Смотрит... а там карфагенский полководец в «халфу» на компе режется, какие-то мавры и зуавы за ним с интересом наблюдают. Красавицы египтянки на кухне картошку чистят, а усатый гусар, сняв вышитый золотом камзол, во дворе дрова рубит. Среди них бабка Агафья по-хозяйски ходит и скалку за спиной, на случай возвращения деда, держит. Досталось, конечно ему, по первое число. Пришлось камень крутить и всех гостей по домам распределять. Потом дед по всему дому грязь выметал, следы сапог подтирал, пылесосом дробь из ковров вычищал, и стрелы из горшков с цветами вынимал.

– А теперь, бабка, – окончив все работы, сказал старик, – буду тебе про путешествия свои рассказывать и видео, на телефон снятое, показывать.

– Да уж! – с сарказмом сказала бабка. – Теперь спать хочу я... устала! После того, как столько людей разных времен и

народов здесь побывало. Да и поздно уже, ночь глубокая. Подошла бабка к Святому углу и стала креститься и молитвы на ночь читать.

7

Утром решил всё же дед продолжить рассказ о путешествиях во времени, но работа по дому накопилась, и суета житейская навалилась.

– А знаешь, бабушка Агафья, – с сожалением сказал дед. Пожалуй, не станем мы использовать силу волшебную камня этого. Уж слишком необычного происхождения предмет сей, да наверное и не камень это вовсе, а прибор какой таинственный. Может продукт чьего-то творчества научного, а может из будущего попал к нам или из космоса далекого. Так что лучше, чтобы всё естественным было, настоящим и честным. Чтобы молоко из-под коровы было, а на базар – на мотоцикле с коляской. Ведь неизвестно, каковы последствия будут от применения силы такой и нарушения законов природы, а в результате – непонятно какие события могут случиться. Конечно прикольно это – Гамилькар и мавры, зеркала и левитация. Но знаешь, не для меня всё это.

У нас и так всё есть, и оранжерея с зимним садом и баночками, бассейн с рыбками и улитками. Скотина какая-никакая, гора рядом с домом, лес, река и пруд поблизости. Красота кругом. Да и дом у нас, хоть и небольшой, зато уютный. Башня есть, лаборатория научная и банька с бассейном глубоким. Церковь в селе, магазин и амбулатория. Дети устроенные все и внуков-малышей толпа. Да промеж нас с тобой – совет, да любовь. Что еще надо для жизни?

Надел дед валенки свои старые, тулупчик овчинный накинул и шапку свою ушанку. Вышел во двор, да и закинул камень горячий подальше за забор, да под овраг в снег глубокий.

– От соблазна, – сказал, – и от искушения... пуцай валяется там, где и лежал много тысяч лет.

ПОЭЗИЯ

Евгений КОЛЕСНИКОВ

ИЗ ИТОГОВОЙ КНИГИ

Евгений Колесников в Кыргызстане более известен как мастер художественной прозы: его произведения изучают студенты-филологи Славянского, Национального и Бишкекского гуманитарного университетов, его прозаические книги, такие как «Я пришел с миром», «Лунный всадник», «Синица пила воду» и многие другие, и сегодня на слуху у ценителей хорошего литературного слова. Уроженец богатого на таланты Алтая, большую часть своей жизни он отдал литературе Кыргызстана.

Но немногие сегодня знают, что начинал Евгений Колесников как поэт-лирик, первые его книги – «Моя звезда», «Глаза в глаза», – посвящались любви, природе. На склоне лет он вновь обратился к поэзии и сделал ее главным смыслом своего бытия. Но теперь поэзия Евгения Колесникова стала другой: философской, проникающей в самую сердцевину жизни.

Сегодня нашему дорогому Евгению Григорьевичу Колесникову, отдавшему десятки лет работе в «Литературном Кыргызстане» – редактором отдела прозы, ответственным секретарем журнала, – исполнилось 80 лет. От всей души поздравляя юбиляра, мы предлагаем нашим читателям подборку его новых поэтических произведений.

Редколлегия «ЛК»

Сопутствие стихам

Во все века все лучшие умы
Неутомимой мыслию пронзали
Сквозного бытия глухие стены,
Их постигая, а верней, пытаюсь
Постичь, и то воистину наглядно:

***Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет,
Честь безумцу, который навевет
Человечеству сон золотой.***

И это ныне должно понимать:
«Святая правда» – явно невозможность
Владенья всем материальным миром,
И эта невозможность – суть! – поскольку
Разумное сознание есть создание
Самой материальности вселенной.
А путь от приснопамятной сохи
До громогласного полета в космос –
То человек сам – сам! – себе навевал
«Сон золотой»... Но сон имеет свойство
Кончаться в неземные времена.
Однако же неистребима вера
В то, что пылливый ум изобретет
Спасительное, вроде божьей длани.
Мое же исповеданье: о люди,
Живите, как желается, и сколько
Вам по плечу, а словом – по душе.
Но есть судьба – небесное веленье
Жить верно, как планидой суждено.

Родная кровь

Вместо причитания

Сталин не дал детства мне, Ельцин не дал старости.
Ну и что, кого винить – сталь, а с нею ель?
Я устал от сталь-ельцы, прочие усталости:

Свист на оживление – по степи метель.

Я иду метельною истиной –судьбинною,
Кончилось дыхание – в снег да головой.
Жажда иссушительна с болью несудимую,
Клич на утоление – волчье-снежный вой.

Стали ели гнутыми, не таежно стройными,
Сталь их покорежила, как мою судьбу.
И за то вершителей, слывших недо-стройными,
Видно в белых тапочках в сугробу-глубу.

Ну а что же сталь и ель? Пусть стальноееено
Бывшее, а бывшее – наша есть печать.
Только одна живем тем, что сердцем велено,
Ну а сердцем велено снова жизнь венчать.

Так начнем же, други-мы, снова жизнь отчальную,
Где свобода – чаечка, пристань – то сума,
В коей я, как хлеб, ношу участь неслучайную,
Вроде непечальную: лето – не зима.

Лето – не зима, а мы – это разве летошно?
Это всевековошно, как сама любовь.
А в любви, что во лесу, – солнечно и веточно.
Что же здесь не веточно? Да родная кровь.

1997 г.

Черный квадрат

И сижу я пред белой бумагой,
Ценной, словно алмазный карат.
И гадаю медлительной сагой:
Лист бумаги похож на квадрат?

Что гадать: не тюремные сроки –
Заготовливать истины впрок...
Вдруг – да выйдут квадратные строки
Нравом равные вдоль-поперек?

Так и есть – понесли, словно тройка
Под распевно-цыганскую страсть
По располью – неведенью рока,
Где любовь – не влюбить, не украсть.

И открылось мне истиной важной
Без ненужных страдальных утрат:
Стол мой вовсе не стол и бумажный
Лист – не белый, а черный квадрат.

И гляжу я в него... Что там ценно?
Высь небес – облака, бирюза.
А сквозь них проступают смятенно
Квадро-черные божьи глаза.

2012 г.

Шифровка¹

*«Владимир Цыбин – «шестидесятник»
с русской стороны...»*
Владимир ГУСЕВ,
поэт, литературовед, профессор.

Три поэта и одна татарка
Жили-были на сквозной Руси.
Было время – радужная арка
Их вела ко слову: суть гласи!
И они, взалкавши политеха,
Вроде бы во имя чутких душ
Вирус гласа – знамо, не потеха–
Распылили средь поречных луж.

Невидаль – с иной звездой скреститься,
При мольбе – найти дверной косяк...
Неужели небыль – прекратится
На Руси лжерусия сквозняк?

Он сквозит: чуть что – клеймищем ахнет,
Весь глагол искусностью испит.
Лыс – хитрее лис, а Русью пахнет?
Не до лис... Так чей же он пиит?

¹ В данной «шифровке» не значатся персоналии, а только тенденции.

Вроде есть картины: кот с усами,
Лунностью облит разлужный стог,
Потаенный шепот и власами
С мятликом сплетенье... А итог?

Скопом популярные – есть марка,
Коей знатны – зрак во небеси –
Трое смежных, а одна татарка
Бродит, бродит в поисках Руси.

2012 г.

Чело

Я родился и умер – две точки,
А черта между ними – не вкось –
Жива – все мировые заточки
Пронизали мне сердце насквозь.

Так я шел по степному ковылью
На зарницы в грозящей дали,
Где все раны заточные былью
Всеземной мне на долю легли.

Все легли-полегли, словно в сече
Тьмы и света, чему нет конца.
И вестимо, судьбинно на плечи
Мне возложены оба венца.

Оба.... Оба венца – тьмы и света
Или света и тьмы – суть звено.
Свет, он ясен во тьме, а с навета:
Свет есть тьма – и при свете темно.

Но вестимо, все истины ложны,
А одна-то прозренья живит:
Что есть истинно – то непреложно
На моем же челе возлежит.

2010 г.

Полнолуние

Окно. Повилика – трава не трава –
Подлуние плетет на плетне.
Плеть хлестко повинна. Но плеть и права
В руке при наветной вине.

Ах, вновь правота полнолуние свела
С землю – сиянье, как лик
Судьбы пересудной, – темна иль светла...
А мир судьбоносно велик.

«Откликнись!» – взывает смятенно душа,
Чья участь полынно горчит.
А та, что взываема, горечь глуша:
«Не слышу!» – мятежно молчит.

Восходит вселунность крутою дугой,
Безмолвна ее тишина.
Но тщетно душе докричаться другой,
Которой она не слышна...

К утру повилика сплелась с тишиной.
О, сколько в душе повилик,
Опутавших все, что болит под луной...
А мир только этим велик.

1988 г.

Сострадание

*«... И милость к падшим призывал»
А.С. Пушкин*

Луна в саду – не грешница в аду –
Блуждает средь ветвей живых желаний.
И благо, что у неба на виду
Плывет по саду – по лесу без ланей.

А лани что – они в своем лесу
Все чуют: как из вечного предела
Плывет луна на призрачном весу,
Еще не зная своего удела.

Плывет по небу – это чье бытье?
Всеобщее? – и значит, точка истин.
Я точками затучен... Азнатье,
Что тучи – мысль, не стал бы я причислен

К иной земле – сей переход в ладу
С досмертием олуненного сада.
Все так... А что же грешница в аду?
Забыли? Тот же грех в предтечье ада.

2012 г.

Необычайность

Меч кончины надо мной висит,
Как ружье на сцене – не случайно.
Вовремя ль он нанесет визит –
Взмах по ше... – о свят! – необычайно.

Для него же сладостней халвы
Обезглавье подданного тела, –
Вот оно как есть... О, головы
Нет – с короной вечности слетела.

А ружье оно и есть ружье
Предреканья – выстрелит по цели.
Но в кого? В меня? – знать, в бытие...
Меч висит – и явно не на сцене.

2012 г.

Давно

А что еще придумать в этом мире
Помимо – что живем, как бог послал, –
Пылать при лире?.. Мир звучал и шире
Всех музык... Яро восставал вассал.

Немузыкален, но маниакален
Тем, что вассал, он тоже должен жить,

Как бог послал. Но чей же дух оскален
Противу – как послал сей мир вершить?

Дух удушенья слабого дыханья
Иль безутешья неизбывных слез?
О, жажда все сильнее от усыханья
Подлунных вод в тени поклонных лоз.

Тщета... Вестимо, истин не уменьшить:
Мол, чёрен, словно вран, песчаный мел.
А что еще придумать? Все давно уж
Придуманно: и белый свет не бел.

2012 г.

Час икс

*Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить.*

Владимир СОЛОУХИН

Все ближе он, час икс фатального исхода
Последнего огня из тлеющих телес
Моих... Мрачнеет с гулким уханьем удода
У солнечной поляны судно темный лес.

Что там, в глухом лесу с ветро-сосновым скрипом,
Мне суждено – сухой и хлесткий бурелом
Конечных мук с грудным – от смертных болей – хрипом
И птица средь коряг с обломанным крылом.

О вышний дух, содей: как праведник по сану,
Из бурелома в гиблом, непролазном рву,
Иссечен, вышел я на ясную поляну
И упокойно лег на мятную траву.

И вижу: не в лесной бредовой круговерти,
А в истой, как роса, поземной синеве
Я не бреду, как раб, на поводу у смерти,
А истинно лежу на вечной пух-траве.

Но что же – снова бред? Ах, с женщиной лесною
Знавался– взгляд во взгляд над омутной рекой.
А эта так бледна и так – кривой косою
С размаха бьет меня... И где там упокой?

Да нет его... К чему сие усекновенье
Моей главы? – то есть безжизния черта.
Увы! – покоя нет, но есть успокоенье:
И горло, и коса, извечность их креста.

2012 г.

Космогония

Степь широка, и я иду по волнам
Ковыльным, затихающим вдали.
Над ними явлен я небесно вольным,
Как некто сущий над святой земли.

А что есть я?.. Я шел в лихом изгоне
От самого себя – и то больней,
Что был ли зряч, коль дырка в балахоне
Чернела, как беда средь ковылей?

Беда – там дышит нечто неземное
Поверх земных и божиих небес,
Где есть дыра – без холода и зноя,
Черна, как в балахоне, – темный лес.

Лес – на земле, а там, в бесплодной дали,
Нет леса. Там дыра и гинет все
Внутри ее – что есть, о чем гадали:
Есть истина иль нет? – все бытие.

И ведать нам палительно, до дрожи,
С утра до ночи, с ночи до утра, –
Верь иль не верь, но истина дороже:
Всему планида – черная дыра.

В тревогах смертных не бывает первой,
Они равны – мы вне или среди:

Не станет ли – окстись! – последней жертвой
Тот – сущий, с высшей болью во груди?

2011 г.

Венец

Я был однажды гением – увы! –
Был... и однажды – в час усекновенья
Моей чутьем исполненной главы:
Нет вечности без вечного мгновенья.

Усекновенье – за мои грехи
В былом, ну а бывшее – нараспашку
Душа всем ветрам, тем и не тихи
Терзанья за страдальную ромашку.

А жизнь есть жизнь – в дремучие леса
Душа мою греховность сбить не чаёт.
Я сам – леса, земные телеса,
И лишь глава безглавие венчает.

2013 г.

Оптимизм

Я все познал: голодную поземку,
Скользившую по отчему крыльцу,
И всполох строк, и чью-то злую съёмку
С наветом теней моему лицу.

Земная твердь и зыбкость поднебесья –
Все ведомо. А что еще познать?
Да ничего. Ну, разве зрить: что есть я
В себе, во вне? – и в мир иной предстать.

И там изречь: ну что мне лихолетья
И что есть я? – на то и божья власть.
Я познавал тот мир десятилетия,
А этот – только вечность началась.

2012 г.

Уже несколько лет при Российском центре науки и культуры работает литобъединение «ЛитКом». Его руководитель, давний автор «ЛК» поэт Дмитрий Сагайдак, отмечая неравноценность дарований и активности молодых поэтов и прозаиков объединения, видит среди них немало тех, кто вполне может быть представлен читательской аудитории нашего журнала. Отобранные им стихи двух начинающих поэтессы публикуем сегодня.

Наргиза КАРАСАРТОВА

Куда ты, мой пес, куда?

«Куда ты, мой пес, куда?
Держи меня Кафка, держи!»
Приснилась большая вода,
Где пьяно шалили ерши.

Мой песик поплыл далеко,
Я в мерзлое море вошла,
И «Замок» по волнам легко,
За ними и я поплыла.

В воде хохотала звезда
И как ни крути, ни кружи:
«Куда ты, мой пес, куда?
Держи меня Кафка, держи!»

Ветра вдруг подняли шторма,
Взлетели и книга, и пес,
Вспорхнула я птицей сама,
Нас спас одичалый утес.

В воде приутихла беда, -
Такие во сне виражи!
«Куда ты, мой пес, куда?
Держи меня Кафка, держи!»

Ты мой

Эта доля секунды – моя
И с тобой эта доля – моря.
Да, я с тобою рыба
И каждым фибром
Взлетаю!

Верю я в твои чудеса,
Ведь с тобою и миг – небеса.
Да, я с тобою птица,
Готовая взвиться
В пучину
На дно вершин!

Не страшна мне ни моль и ни тля,
Даже если ковром – земля.
Да, я с тобою змея
И весь яд тебе отдам.
Все разрушу, разорю и предам.

Небо седьмое,
Дно голубое,
Чувство большое –
Все чудо восьмое!

И я к себе на ощупь
С закрытыми глазами пошла:
Полетела, поплыла, поползла...

Ты мой, как левая рука,
Ты мой – и жизнь глубока!
Ты мой, как правая рука,
Ты мой. И миги, как века!
Я с тобой и рыба, и птица, и змея,
И везде нас окружает: море-небо-земля!

Согрей же, сказка!

я слышу не деление души, что парафраз?
и оклик неба на ладони – влажной меткой,
и в этот скудный, горбоносый и сутулый час,
лишь вздох потери, – подлинная мерка.
... я отойду на полминуты от судьбы
и в неприглядность бытия взгляну сурово,
апрель окончен, как окончены суды
всех перепутий, вот только снова
вся в впопыхах, в переполохе – в май,
где мои слезы шепчутся о счастье,
где смех грустит, кричит – прощай
и я надрывно рвусь на маленькие части,
но, нахожу, что разделить в себе... себя,
разлиновать потери не под силу.
апрель ушел, синя сиренью, серебря
и старт крамольного и раненого мира,
а я держусь за небылицу, как за столб,
чтоб не упасть, не впасть в просторы муки –
вот влажной меткой неба – в лоб,
затем опущенные в полдень руки...
спаси, спаси иносказанье, волшебство
и вымысел причудливый и дерзкий,
я путник твой – ты чувствуешь родство?
согрей же, сказка, надеждой чистой, детской!

* * *

Замерзший день,
Замерзший дом,
Замерзшая моя ладонь.
И голос тихий
Надо мной
Сливается с прозрачной
Пеленой...

* * *

Пространственная зыбь,
и пустота,
Холодная мечта,
в неясном, темном
мире.
Лишь только свет луны,
Прекрасен в изобилии...

* * *

Свет серебряной луны,
Свет несбывшейся мечты.
Свет унылый, свет прекрасный,
Свет немеркнувший в ночи.

* * *

Одиночество гложет безжалостно нервы,
Сердце – сжатый болезненный в горле ком.

Ты, не морщась, назвал меня глупою стервой,
Из груди моей вырвался сдавленный стон.

Одиночество гложет безжалостно нервы,
Не желаю быть частью кошмарного сна,
Я с тобою несчастлива, нет больше веры,
Что же держит меня? Не могу это знать...

Одиночество. Болью пронзающий ветер,
Предо мной – злого взгляда безмолвье одно.
Я спокойна. Как горек последний наш вечер,
Не стерплю безразличия, кану на дно!

Жизнь

Как прекрасно дыхание утренней свежести,
Это небо лазурное с примесью серости,
Как восторженно шепчет трава на ветру!
Только времени нет созерцать красоту.

В этом городе-сказке, где горы видны,
Где играют лучи, озаряя ледник.
Я так счастлива просто здесь быть, просто жить,
Научиться бы этим, еще дорожить.

В этом мире прекрасном чего-то боимся.
Без конца мы спешим, без конца суетимся.
И не слышим, как нежно щебечет ручей,
И не видим улыбок на лицах детей...

Разлука

Мы с тобой в разлуке снова,
Не в разладе, не в копаньях,
Ты души моей основа.
А разлука – испытанье,
Чтобы крепче были нервы,
Не в стенаньях – в ожиданьях,
Провожу свои недели,

Улыбаюсь, устремляюсь
Я навстречу нашим встречам...

* * *

Мой дом. Очаг.
И ничего важнее.
Уснул ребенок
Тихо на полу.
Я уложу его,
Я чай согрею.
Возьму листок,
Теперь он мне нужнее.
Ночной Бишкек.

* * *

Большой узбекский двор,
И старый наш урюк расцвел,
И роз высокие кусты,
И всюду признаки весны,
И серо-голубая ель.
Тапчан зеленый, виноград,
Цвет ландышей и аромат,
Соседка-бабушка в платке.
И будто снова в детстве...
Отец пьет чай на тапчане,
И запах плова в казане,
Мангал в сторонке ждет, когда
Придет шкворчащая пора.
Собралась вся моя родня,
И разговоры взрослых,
Смешались с шумом детворы...

Запомнить этот миг весны.
И этот двор, и взгляд отца,
И шутки, запахи костра.

Михаил РУДОВ

Бесценные уроки

Однажды Михаил Александрович Рудов тактично ответил на вопрос журналиста Натальи Тимирбаевой, есть ли у него люди, которых он бы смог назвать своими учениками. Он сказал так: «Конечно, есть. Но я бы не хотел сейчас называть их имена, потому что при перечислении всегда есть опасность забыть кого-то». И не мудрено, потому что многие считают себя его учениками. Несколько поколений филологов ощущали его животворное влияние на протяжении своей жизни и деятельности.

Вся моя сознательная жизнь проходила рядом с этим уникальным человеком. Теперь, когда его нет, бесконечно жаль, что в каждодневной суете сует так мало времени оставалось для общения с ним. Ошибочно казалось, что он проживет еще долго-долго.

Тогда в интервью, он не стал конкретизировать, но привел один исчерпывающий пример, переведя разговор на свою коллекцию книг русских поэтов и прозаиков Кыргызстана: «Половина, если не больше это произведения тех, кого я видел на своих лекциях. Но я не очень хотел бы выпячивать свою роль. Говорю о своей коллекции только, чтобы обратить внимание на необходимость сохранить весь этот фонд. Собрать все книги одну к одной, ничего не упуская. Потому что это часть русской

культуры, ее региональная ветвь, и ветвь плодородная» («Границы у Слова нет»: К 80-летию М.А. Рудова / Сост. Л.В. Иванова и др. – Бишкек: КРСУ, 2009. – С. 238–239)

Особенностью М.А. всегда была прозорливость и способность предвидеть перспективы развития науки и культуры не только в масштабах нашей страны, но и в мировых масштабах. Для этого нужен особый талант, и Учитель им обладал сполна. В последнее время Михаил Александрович пытался осуществить проект по созданию антологии русской литературы Кыргызстана. Об этом постоянно заводил разговоры на кафедре, в личных беседах с теми, кто мог бы осуществить этот проект, с теми, кто способен его реализовать.

Так неожиданно быстро его жизнь оборвалась, но сама плодородная идея осталась жить. За эти печальные дни без М.А. Рудова она обрела свои реальные очертания в планах научной деятельности кафедры истории и теории литературы. При их реализации следует учесть еще одно напутственное слово, прозвучавшее в том интервью. «Почему русская культура так мощно развивается в нашей республике? – Потому что такова духовная природа этого края. Сейчас мы входим в новый этап этого движения. Он может быть очень продуктивным, если носители русской культуры сделают новые шаги по направлению к киргизской культуре...».

Об этом М.А. часто говорил в последние годы своей жизни. А он никогда ничего не говорил просто так. Он чувствовал необходимость развития именно этого направления, и сам постоянно выполнял роль проводника, талантливого посредника киргизской поэзии, которая обретала благодаря его переводам Калыгула, Женижока, Курманжан-датки, Токтогула, Дж. Боконбаева, К. Тыныстановы, Т. Байзакова и мн. других поэтов, русскоязычного читателя.

В предлагаемой поэтической композиции использованы оригинальные стихи поэта Михаила Рудова и его переводы киргизских поэтов.

Людмила ИВАНОВА.

СТИХОВ РАЗДОЛЬЕМ ПОЛНИЛАСЬ ДУША

Джоомарт БОКОНБАЕВ

На простор из теснин Ала-Тоо

Все верно, друг, ты стал большим акыном.
Все верно, ты в стихах достиг вершины.
Однако, друг мой, ты не знаменит,
В теснинах горных твой талант сокрыт.
Слагали мы с тобой стихи на славу
О небесах и о зеленых травах,
Об озере в песчаных берегах
И обо всем вокруг в родных горах.
И незаметно годы миновали,
Мы мастерами в нашем деле стали,
Но не открыли для стихов простор
За обозримым краем наших гор.
Мы Байрона и Пушкина читали,
И разве мы с тобою не мечтали
Занять места среди тех, чьи имена
Сияют, словно звезды и луна?!
Однако, друг мой, славен ты в айле,
А ну-ка, не таи неистового дара!
Чтоб о тебе в Европе говорили,
Седлай, мой друг, крылатого тулпара.

Михаил РУДОВ

Переводчику

Благодарность тебе, переводчик,
Ты меня не оставил слепым.
Непонятное таинство строчек
Сделал ты достояньем моим.
Непонятные прежде созданья
Я читаю теперь налегке,
Ты вложил в них второе дыханье,

Поводырь мой в чужом языке.
Напечатали имя петитом –
Беспристрастно прими этот знак.
Переводчику быть знаменитым
Некрасиво, сказал Пастернак.

Токтогул САТЫЛГАНОВ

Бранный мир (отрывки)

Кто в бранный мир сей придет,
Однажды покинет свет.
Кто из нас вечно живет?
Ведь вечно живущих нет.

В свет приходящая жизнь –
Как полной луны восход.
В тьму уходящая жизнь –
Арык, где вода не течет.

В свет приходящая жизнь –
Как солнечный небосклон.
В тьму уходящая жизнь –
Души отлетающий стон...

В свет приходящая жизнь –
Как безоблачный день, ясна.
Будто снова в зеленый наряд
Раздела иву весна.
В тьму уходящая жизнь –
Беспросветна, как ночь, черна.

Расстается с телом душа,
Не дается в руки она.

В свет приходящая жизнь –
Нежной ивы цветущий куст.
Словно меда и сахара вкус,

Так сладка и желанна она.
В тьму уходящая жизнь, –
Обольщаешь обманом ты.
В свет приходящая жизнь –
Без огня пылает, кипит,
Как солнечный луч блестит,
Смеется и веселит

Ты таков, бренный мир.
Жизнь вдруг
Улетает птицей из рук.

КАЛЫГУЛ БАЙ УЛУУ

О жизни и смерти

Прошедшая жизнь – как птица,
Улетевшая навсегда.
Даже облако оседлавши,
Не догонишь ее никогда.
Состаришься, обессилишь,
Смерть придет за тобой тогда,
Оседлавши ветер, не сможешь
Убежать от нее никуда.
Проводишь ли жизнь степенно
Иль забота тебя теснит
Смерть между тем непременно
За тобой украдкой следит.
Живем мы с тобой беспечно,
А смерть нас уже сторожит;
Живем мы с тобой не вечно,
Смерть уже украдкой глядит.
Однажды придет нежданно
И за горло тебя возьмет,
Как лошадь в стальные путы,
По ногам тебя закует.

* * *

Белый аист приносит младенца с небес в колыбели.
Начертанье судьбы, как слепому строка нонпарели.
Все проходит, дави не дави на рули и педали.
Черный ворон уносит дыханье в небесные дали.

Трын-трава пережитых лет

Город Витебск – местечко Шагала,
Детприемник, витьба за окном.
Это все – моей жизни начало,
Остальное все будет потом.

Но уже рукою угрюмой
Моей жизни составлен свод.
В сорок первом году мою маму
Рыжий фриц на расстрел поведет.

Все потом – как обвал, как лавина.
Трын-трава пережитых лет.
Возвращение блудного сына
Не вписалось в этот сюжет.

Мы чашу выпили до дна

Отмотать бы ленту лет
И начать сначала...
К прошлому возврата нет,
прошлого не стало.
То, что было, то прошло,
Нам с тобой досталось,
Лебедю заросло,
В памяти осталось.
Но, пожалуй, в том цена
Нашей личной жизни,
Что зависела она от судьбы отчизны.

Где отчизна, там народ.
А в народном плане
Лебедой не зарастет
Нажитое нами.

И по совести сказать,
Что бы там не вышло,
Ленту лет перемотать
Не имеет смысла.

* * *

Четыре года шла война,
Родных и близких искромсала,
И в детской памяти она
Не сберегла их имена,
Не занесла навечно в списки.
Она их выбила сполна,
И не вручила ордена,
Не возводилаobeliski.
Четыре года шла война.
Не обошла нас стороною.
Мы чашу выпили до дна!
За все заплачена цена,
Соизмеримая с войною.

Ностальгия

Не возвращайтесь, пользуясь моментом:
Дом будет низок, речка – мелковата.
Поскольку возвращение чревато
Полузабытым сентиментом.

Дань памяти – как звездные края
На бесконечной вогнутой спирали.
Не возвращайтесь на круги своя –
За поворотом ждут печали.

Зачем теперь влечет нас этот путь
В отверженную дверь, в мираж былого?

Закрой лицо сухой ладонью. Пусть
Невысказанным будет слово.

Джоомарт БОКОНБАЕВ

Мой друг

Блики солнца золотого
На вершинах Ала-Тоо.
Ледники по капле тают,
Медленно с вершин сползают.

Голос дальний не смолкает –
Чьи стихи чабан читает?
Чье возвышенное слово
Близко к сердцу принимает?

Это Пушкин – друг киргизов,
Так поэта величают,
Это новая примета:
Он киргизским стал поэтом.

С каждым годом жизнь все краше,
Он соратником стал нашим,
И сбылись его призывы
К жизни волной и счастливой.

В горных высях Кыргызстана,
По морям, по океанам,
И на Севере туманном,
И на Юге в жарких странах

Пушкин всюду свой и равный
Посреди народов разных.
Стал киргиз он настоящий.,
Общий нам язык понятен.

И комуз его звучащий
Нам особенно приятен.
Пушкин с нами. Пушкин вечен.
Обниму его при встрече.

Сверстнику

И ветер дует, и земля кружится.
Река бушует. К ночи день клонится.
Слеза прольется. И жена покинет.
Огонь погаснет. И не возвратится
Былое, чтобы снова утвердиться.
Соперникам победы не добиться.
Вся наша жизнь – сплошное испытанье.
И то, что предназначено, свершится...
Петлею наше горло схватит время,
Тяжелое на храбрых ляжет бремя.
Несется время бешеной волною.
Без весел люди в лодке вместе с теми,
Кто их предать готов любой ценою.
Одни от страха руки опустили
В предчувствии кровавого сраженья.
Других не оставляли сожаленья.
И мы с тобою в эту лодку сели,
Чтобы своей достичь, мой сверстник, цели.
Не отступай и наберись терпенья,
Уверенность – залог успеха в деле.
А ветер – то с реки, а то с нагорий.
Волна на убыль. Пламенные зори
О равенстве внушают нам догадки,
Восход свободы предвещая скорый.
И если рухнут старые порядки,
То наши люди станут жить в достатке.

МИХАИЛ РУДОВ

Реквием

Когда после пыток и мрака зиндана
Касыма вели
Без слов на расстрел конвоиры
с похмельным синдромом,

Ноябрьское солнце лениво скользило
по краю земли
За ближним холмом в Чон-Таше и за
пыточным домом.
«Удар ГПУ» – называют жестокий удар
по ушам
Оглохший Касым не услышал строки
приговора
Его повернули обритым затылком
к похмельным стрелкам,
Чтоб лика Касыма не зрела расстрельная
свора.
Когда прозвучала глухая команда и лягнул
затвор,
Касым, разомкнув непослушные тяжкие
веки,
В священную сторону Кыблы направил
невидящий взор
Поверх горизонта, чрез горы, долины и реки.
И словно лавина сошла и неслась по горам
напролом,
Смешались в потоке события, лица и даты.
А кто это там замелькал, запетлял
за колючим кустом?
Ах, это все тот же доносчик его рыжеватый.
В оглохших ушах заиграл, зазвучал
«Интернационал»,
Ворвался в сознание словами его перевода.
Последний решительный бой. А вдали -
Черный ангел летал
Последний... Вдали за чертой горизонта –
свобода.
Последний – свобода –
последний – свобода – после...

Ноябрьское солнце погасло во мраке
простертом.
Но память не гаснет. И маки на этой
чон-ташской земле –
Как кровь из аорты.

Бессонница

Мне не спится, мне снова не спиться.
Это тополь под ветром скрипит.
Это снова полуночная птица,
Пролетая над крышей, кричит.
Темной полночью на перевале
Тех часов, когда надобно спать,
Неотступно людские печали
Мне убогую стелют кровать.
И лежать тяжело на кровати,
И прислушаться, чуть дыша,
Как от страха в убогом формате
Холодеет живая душа.

Сонкульские гуси

Над Ортококойской плотиной
Над темной осенней водой
Три гуся построились клином
И скрылись за ближней горой.

Как лук со стрелой на взводе,
Гусиный мелькнул силуэт,
А ведь говорили, что вроде
Сонкульских гусей уже нет.

Что на роковые страницы
Невосполнимых потерь
Вписали название птицы,
Летящей с гнездовья теперь.

Опасная трасса полета
Сонкульским гусям предстоит.
Быть может, запрет на охоту
От гибели их сохранит?

Охранная грамота птицы –
Всего лишь бумажный листок!
Дешевой двустволкой разжиться
Сумеет безумный стрелок.

Прицелясь в последнюю стаю,
С двустволки ударит он влет –
И легкие крылья ломая,
Вожак на траву упадет.

Но тихо в окрестной природе.
Никто не нарушил запрет.
Как лук со стрелой на взводе,
Гусиный мелькнул силуэт.

Соотечественники

Россияне в Киргизстане гости,
Кроме тех, чьи кости на погосте.
Их, переселенцев из России,
Приняла земля на вечный срок.
Жили-были и детей взрастили,
А себя оставили в залог.
Время отыгралось на потомках.
Снова место жительства менять.
Снова в исторических потемках
Неизвестно на кого пенять.
Очередь у консульской конторы.
Бедный скарб продать – не наживать.
Желтое пятно на светофоре:
Остаться или уезжать?
Все за нас решили, не спросили,
Прошлое – на слом, и все вверх дном.
То ли наша Родина – Россия,
То ли Киргизстан – наш общий дом?

Под Отаром на военном стане

*Налетели перепелы
и покрыли стан.
Вт. кн. Моисеева. Исход.
Гл.16, с.13*

Налетела перепелов стая.
Лег осенний иней возле стана
Не в пустыне Син округ Синая,
А в степи на юге Казахстана.

Под Отаром на военном стане
Сеть колючей проволоки густая.
На нее к утру в сплошном тумане
Налетела перепелов стая.
Затаившись в зарослях полыни,
Лис-корсак почуял птичий запах
И, легонько приминая иней,
Затрусил трусцой на мягких лапах.
Но казалось, как это не странно,
Что в степи не иней лег, а манна,
Что сынов израилевых снова
Возлюбил суровый Иегова.
И пророк возносит к небу длани,
Заповедным истинам внимая...
Под Отаром на военном стане
Налетела перепелов стая.

Сокращается нить

Ты скажи мне, Мария, заранее,
На какие дисплеи смотреть?
Что мы знаем про жизнь и про смерть,
Мы, вкусившие с древа познания,
Затвердившие, что бытия
Объективны черты и критерии,
Что духовная сущность моя
Бездуховною станет материей.
И не надо, Мария, просить,
Чтоб как четверодневного Лазаря,
Постарались меня воскресить,
Предположим, при помощи лазера.
Интернет не раскроет секрет
Сверхъестественной реанимации.
Атеисты в своих диссертациях
Развенчали библейский сюжет.
Между тем сокращается нить,
У которой одно назначение:
Окончательно соединить
Дату смерти и дату рождения.

Алымкан

Ты дилде – убор золотой,
Ты раскрытый алый цветок.
То здоров я, а то больной,
Знаешь ли, что я занемог,
АЛЫМКАН?

Как степи ковыльной наряд,
Ты, сердечная, хороша!
Как цветущий тенистый сад,
Благодатна твоя душа!

Поворот бухарской гряды
Подарила птица, паря.
Повернись ко мне, приходи,
Горемыку не мучай зря,
АЛЫМКАН...

За изгиб кашгарской гряды
Завернула птица вдали.
Заверни ко мне, заходи,
Одинокого исцели,
АЛЫМКАН...

Золотой узор на платке –
День и ночь томлюсь я в тоске.
Голубой узор на платке –
Все к тебе стремлюсь я в тоске,
АЛЫМКАН.

«Грезы юности» - «Джаш кыял» -
Мой напев звенит, АЛЫМКАН.
В руку белый платок возьми,
Помани, взмахни, АЛЫМКАН.
Быстротечной юности дни
Для любви даны, АЛЫМКАН.

Первый снег

Черный дрозд с оранжевым клювом –
Уголечек на белом снегу.
Не родился я однолюбом,
Но тебя позабыть не могу.

Из туманной страны былого
Колокольчик звенит о тебе.
Неожиданно выпал снова
Этой осенью снег в октябре.

Дрозд вспорхнул на ветку калины
Тонкий прутик согнулся в дугу.
Колокольчик звенит старинный.
Гроздь ягод краснеют в снегу.

* * *

Теперь ее покой на памятной горе,
И голову склонив, горюю я на тризне,
Она была со мной на утренней заре
Еще неопытной, не возмужавшей жизни.
Она была со мной! Не расставались оба
До третьих петухов на утренней заре.
Теперь она лежит на памятной горе,
Но памятью своей я связан с ней до гроба.
И кажется порой на утренней заре,
Что вновь она со мной, но почему-то странно:
Вдали звучит ее певучее сопрано...
На утренней заре. На памятной горе.

Надпись на книге

Книги, прощайте! Я вас раздаю,
Вечные мысли меня посещают,
Время пришло, и уже на краю
Смутной надеждой себя не прельщаю.

Я вас листал, и тепло моих рук
Переходило на эти страницы.
Вот и настало время разлук,
Книги мои – перелетные птицы.

Добрый вам путь! Кто-нибудь, может быть,
Книгу раскроет и на развороте
Крылья страниц пожелает сравнить
С аистом белым в высоком полете.

Бесконечность

Яркий след метеорита,
Мимолетный яркий свет.
Что там в небесах сокрыто?
Где разгадка? В чем секрет?
Звездный полог бесконечен,
Ярким сполохом расцвечен,
Ни конца, ни края нет.
Бесконечные спирали
Мироздание создали.
Где разгадка? В чем секрет?
Астрофизики едва ли
Знают истинный ответ.
Или знают, что в начале
Было Слово на скрижали,
А границ у Слова нет.

ПУБЛИЦИСТИКА

ВИКТОР КАДЫРОВ

ОЧЕРКИ

Путешествие в страну счастья

В 2014 году Сергей Дудашвили предложил мне принять участие в путешествии по Бутану. Я знал, что эта страна расположена в Гималаях, поэтому, не раздумывая, согласился. В студенческие годы я занимался альпинизмом и попасть на «Крышу мира» было моей мечтой. Тем более, что по плану предполагалось два дня провести в столице Непала – Катманду. В молодости я с упоением читал книги Тенцинга Норгя «Тигр снегов», товарища Эдмунда Хиллари по первовосхождению на высочайшую вершину мира Джомолунгму – Эверест, и Мориса Эрцога «Аннапурна – первый восьмитысячник, покоренный человеком». Многие гималайские экспедиции альпинистов начинались именно в Катманду. Поэтому меня магнитом тянуло туда.

И вот оно – захватывающее дух зрелище: в иллюминатор боинга, летящего по маршруту Дели – Паро, мы можем насладиться видом величественных вершин. Наш самолет пролетает мимо мощного массива Аннапурны: несколько вершин взметнулись в небеса выше 7000 метров над уровнем моря. Главная вершина превышает 8000 метров почти на сотню. Далеко внизу лежат облака. Они не могут скрыть эту великолепную панораму. Отвесные снежные склоны круто обрываются вниз – какие гигантские силы, бушующие в недрах земли, подняли их в это почти безвоздушное пространство? Человек не может жить на таких высотах – выше 6000 метров организм работает на износ, не восстанавливаясь. Выше 8000 метров

находится зона смерти. Человеку катастрофически не хватает кислорода, любая задержка на вершине может привести к гибели. Исполины Манаслу, Канченджанга, окруженные свитой вершин не намного ниже их, притягивают наши взоры.

За снежными вершинами Гималаев просматривалась высокогорная равнина Тибета. Там облачности не было и виднелись темно-синие пятна озер. Мне показалось, что я узнал два озера, расположенных рядом друг с другом. Возможно, это были Ракшастал и Манасовар – озера с мертвой и живой водой, места поклонения тибетцев. Дальше за ними на севере угадывалась параллельная Гималаям линия гор. В ней расположена священная гора Кайлас – обитель бога Шивы. Некоторые люди верят, что Кайлас – это искусственная пирамида, созданная то ли атлантами, то ли исчезнувшими ныне богами.

К сожалению, во время путешествия по Бутану вершины Гималаев больше не представляли нашему взору. В тех местах, откуда можно наблюдать панораму гор, небо неизменно затягивалось пеленой облаков и скрывало от нас эту величественную красоту.

Но и то, что мы увидели в Бутане, поразило наше воображение. Узкая лента дороги, пробитая по крутым, почти вертикальным склонам гор, висела высоко над ущельями, дно которых терялось где-то глубоко внизу. Местами дорога шла по скальным уступам, срывающимся отвесно вниз метров на семьсот – восемьсот до прячущейся на дне ущелья реки. Склоны сплошь поросли непроходимым лесом – одним из природных богатств Бутана. Мощные кипарисы, словно исполины, возвышались над более низкими соснами и можжевельником. Ближе к перевалам, на высоте выше 2500 метров над уровнем моря, лес состоял из различных видов рододендронов: от кустарников до настоящих деревьев, густо покрытых цветами – белыми, розовыми и красными. На их фоне белели огромными цветками, издали похожими на коробочки хлопчатника, раскидистые магнолии. Их родственницы – бомбасейбы – красовались не менее роскошными красными мясистыми цветами, усеивая землю вокруг себя кумачовыми облетевшими лепестками. Где-то внизу, в долинах, рос тропический лес, перелетали с ветку на ветку птицы-носороги, прятались в ветвях рыжие панды, а наш путь был наверх, где уже не рос бамбук и прочая субтропическая флора, а вздымались гигантские раскидистые пихты, ветви которых были увешаны длинными мохнатыми нитями воздушных растений. Мы чувствовали

себя так, словно попали в декорации сказочного фильма, не верилось, что такая красота может существовать наяву. Еще выше растительность скудела и на альпийских лугах паслись мохнатые яки. Для нас, жителей Киргизии, як не диковинка. Но здесь, в окружении вертикальных шестов, увешанных разноцветными флагами-мантрами, установленных на возвышенностях и возле монастырей, они смотрелись по-особому. Яки на фоне горных вершин – визитная карточка Тибета и Гималаев.

Связь с Тибетом чувствовалась повсюду. Похожие лица, сходное одеяние, та же буддийская мантра «Ом Мани Падме Хум», выбитая на скалах, вырезанная на деревянном декоре монастырей и написанная тибетскими буквами на флажках-мантрах. Буддизм принесли в Бутан тибетцы в VII веке. До сих пор здесь сохранены и действуют два монастыря, построенные королем Тибета в те давние времена. Их стены украшают древние росписи, в храмах поклоняются скульптурам Будд, выполненным тибетскими мастерами. Тибетский монах гуру Ринпоче, принесший в Бутан буддизм, почитается как второй Будда. Его статуи неизменно возвышаются во всех монастырях Бутана.

На склонах гор приютились селения местных жителей. Они используют любой участок земли, чтобы выровнять его и засеять какой-нибудь культурой. Многочисленные террасы, ступенями спускающиеся по склонам, служат людям для выращивания риса, пшеницы, кукурузы, бобовых. На больших высотах выращивают картофель. В Бутане произрастают самые разнообразные овощи и фрукты: огурцы и помидоры, бананы и манго, картофель и рис, ананасы и мандарины, яблоки и абрикосы. Все зависит от высоты, на которой растет тот или иной фрукт или овощ.

Еще до приезда в Бутан я знал, что эта страна довольно закрыта. Лишь при последнем короле, учившемся в Америке и Великобритании, сюда стали пускать туристов, и то ограниченное количество, определяемое возможностями местных отелей. В страну нельзя приехать «диким» туристом, рассчитывая найти приют самому. Лишь связавшись с государственной туристической компанией и заплатив значительную пошлину за каждый день пребывания в стране (более 200 долларов в сутки), можно получить разрешение на въезд в Бутан. Это забота и о высоком уровне сервиса, курс на который взяло правительство страны, и меры по защите уникальных ландшафтов Бутана, нетронутых современной цивилизацией. Те-

левещание в Бутане появилось лишь в 2002 году, а Интернета нет и поныне. Я слышал, что король объявил страну местом глобального национального счастья, но к этому заявлению я относился весьма скептически. Ведь Бутан в экономическом плане бедная страна. На экспорт идет немного продукции сельского хозяйства, в основном рис, добывается в небольших объемах уголь и мрамор, в Индию поставляется электроэнергия от гидроэлектростанций. Как можно в бедной стране быть счастливым?!

Однако, проезжая мимо больших красивых деревенских домов, обычно выстроенных в два-три уровня, украшенных затейливой резьбой по дереву и расписными орнаментами, видя спокойные лица бутанцев и их приветливые улыбки, я задумался. Откуда у бедного народа такие роскошные дома? Отели, в которых мы останавливались, удивляли своим комфортом и просторностью. Кто их построил? Почему в бедной стране нет нищих, которые досаждают туристам, словно назойливые мухи, в Индии или Непале? Почему в Бутане нет преступности? Почему, в конце концов, бутанцы действительно счастливы?! Удовлетворение жизнью сквозит в их спокойном поведении, неспешных танцах, бесконечных однообразных песнях, в приветливости к незнакомцам.

Я видел их школы искусств, где девушки учатся вышивать и ткать, ребята осваивают секреты резьбы по дереву и рисования. Они занимаются в классах под руководством мастера, переходя из низшей ступени обучения на более высшую: из первого класса во второй, третий, четвертый, пятый, пока не научатся создавать настоящие шедевры. Видел высшие учебные заведения, где готовят инженеров, строителей и других специалистов. Кто открывает эти заведения?

Уген, наш молодой гид-проводник по Бутану, попытался ответить на мои вопросы. Он сказал:

– У нас бесплатное образование и медицина. Мы любим свою страну и короля.

Портреты молодого короля и его симпатичной жены действительно встречаются повсюду. Но неужели так мало нужно, чтобы достичь полного счастья?!

Я познакомился с программой глобального национального счастья, объявленной предыдущим королем Бутана Джигме Сингве Вангчуком и поддержанной его сыном, нынешним монархом. Король Бутана утверждал, что счастье человека зависит не от объема валовой продукции, которую выпуска-

ет страна, а от других, более важных для жизни, категорий. Это, например, здоровье, режим рабочего дня, образование. В категории счастья король включил и позитивные эмоции, духовность, удовлетворение жизнью, культурные ценности, разное поведение в обществе, экологическую грамотность. Важным считал король Вангчук и государственное управление (его сын Джингме Хесар Намгьял Вангчук передал управление страной парламенту и занялся продвижением Бутана на международной арене) и крепкие семейные отношения. Иными словами, Вангчук разработал определенный стандарт жизни, который неукоснительно должен соблюдать каждый житель страны, включая повседневное ношение национальной одежды и знание нескольких языков. Подобные заявления в любой европейской стране так бы и остались простой декларацией, но не в стране Востока. Я вспомнил удивившую весь мир сплоченность японцев перед лицом мощной катастрофы. Гигантское цунами, разрушившее атомную станцию на Фукусиме и нанесшее опустошительное разрушение в прибрежных городах, не сломило дух жителей островов. Не было мародерства, паники, лишь стойкая борьба со стихией, сплотившая нацию.

Я донимал расспросами Угена:

– Крестьяне трудятся с утра до вечера, чтобы вырастить хлеб и рис. Вряд ли они зарабатывают достаточно денег для постройки приличного дома. И все же я нигде не видел маленьких зданий. Как такое возможно?

– Государство дает на строительство кредиты под низкие проценты. Всего 2-3 процента в год, – отвечал мне Уген.

И все равно я был неудовлетворен: всех названных причин явно было недостаточно для объяснения спокойных, удовлетворенных жизнью лиц его сограждан.

Посещение многочисленных монастырей – основное занятие туриста в Бутане. Построенные по образцу средневековых крепостей, они долгое время являлись цитаделями королевской власти. И сейчас в центральных монастырях – дзонгах располагаются правительства областей. Удивительно видеть кабинет руководителя какого-нибудь ведомства в монашеской келье. Зато чиновники всегда доступны простому народу, к ним можно зайти в любое время.

Однажды мы обсуждали с Угеном значение материальных ценностей для человека, и он озадачил меня своим вопросом:

– О чем вы думаете, просыпаясь и начиная новый день?
Я ответил:

– У меня масса проблем, связанных с работой. Я должен решить их, иначе мое дело придет в упадок. Это сильно ударит и по тем людям, которые у меня трудятся. Есть и другие житейские проблемы, о которых я думаю, вставая с постели.

– А я думаю каждое утро, что смертен, – сказал мне Уген.
– Что из того, что кажется нам важным, является на самом деле таковым, а что – пустой тратой времени?

Наш гид был буддистом. При входе в храм он обязательно надевал длинный белый шарф через плечо, как того требовали устои, и неизменно клал поклоны перед статуей Будды или гуру Ринпоче – второго Будды. Я понял, что не смогу понять смысл жизни бутанцев, если не разгадаю, в чем тайна буддизма, который является одной из древнейших мировых религий.

– Буддизм не религия, – возразил мне Уген. – Это образ жизни. Будда говорил: «Следуйте за мной к просветлению, но не делайте из меня бога, ищите свой путь!»

Я вспомнил слова песни Владимира Высоцкого: «...Эй вы, задние, делай как я! Это значит – не надо за мной. Колея эта только моя! Выбирайтесь своей колеей!» – очень близко к учению Будды.

– Будда когда-то давно был человеком, – продолжал Уген. – Он был царевичем, и его растили вдали от людских бед. Но однажды он встретил старика и узнал, что есть старость, увидел нищего и понял, что не все люди живут в достатке. Встретил прокаженного и познакомился с неизлечимыми болезнями. Потом царевич, тогда его звали Сиддхартха, столкнулся с похоронной процессией и узнал, что есть смерть. Все эти открытия так поразили его, что он покинул дворец и жил отшельником. После к нему пришло откровение, он стал «просветленным», Буддой. Он принес свое учение людям, чтобы, узнав его, они тоже бы открыли для себя свет Истины.

– В чем же Истина Будды? – спросил я Угена.

– В том, что все несчастья человека рождаются внутри него. Победив себя, можно достичь нирваны.

Я пожал плечами. Все религии призывают человека бороться со своими желаниями, страшась гнева Всевышнего, но не так много людей на свете считают себя счастливыми.

– Буддизм это образ жизни, – повторил гид и добавил: – и образ мыслей. Вы думаете, что ваши проблемы приходят

извне и пытаетесь бороться с ними. Они рождаются у вас в голове! Вот где должна идти битва! Вы спрашиваете, почему наши люди счастливы? Потому что они живут, придерживаясь правил буддизма.

И видя мое непонимание, Уген продолжил:

– У нас запрещено убийство, поэтому мы не едим мясо; запрещено воровство, и в нашей стране нет преступлений; запрещены прелюбодеяние и ложь. Мы изгоняем из головы дьявольские мысли – жадность, гнев, глупость и страх. Избегаем действий, отнимающих у человека здоровье: не пьем спиртных напитков, делающих нас глупыми и слабыми, не употребляем наркотики, не играем в азартные игры, ведущие к потере рассудка.

– Но это же просто декларации! – воскликнул я. – Эти истины знает любой здравомыслящий человек, но не обязательно им следует!

Худощавое лицо Угена озарила улыбка. Удлиненные черные волосы и смуглая кожа делали его похожим на североамериканского индейца. Черный халат – го – до колен с широкими белыми нарукавниками и черные гольфы придавали ему схожесть с китайским средневековым служащим. Редкая поросль на верхней губе говорила о сравнительно молодом возрасте нашего проводника.

– У нас – это правила жизни. Все дело в воспитании. Ребенок с рождения впитывает в себя эти нормы. Будда говорил, что сын обязан заботиться о родителях, защищать семейные традиции и гордость, помнить о своих предках. А родители обязаны дать ребенку знания и навыки, поощрять его в добрых делах и оберегать от дурных поступков. У нас есть правила и для студентов и для их учителей, для жены и мужа, для общения с друзьями. Например, я должен помогать им в нужде, доверять им и предостерегать от неправильных путей. Будда учил избегать общества жадных, пустых, никудышных и болтливых людей. Он говорил, что опаснее путешествовать по жизни с такими людьми, чем с диким зверем. Зверь может нанести вам лишь увечья тела, человек же может изранить вам душу.

Каждую следующую ночь в путешествии мы ночевали в новом отеле, передвигаясь с запада Бутана на восток. И в каждом номере лежала книга, на обложке которой было написано «Учение Будды». После разговора с Угеном я решил открыть ее. Текст был на английском и бутанском. Со своим знанием

английского языка я не мог свободно читать ее, но отдельные фразы были достаточно просты и их смысл я уловил.

«Ненависть никогда не уничтожит ненависть, живущую в этом мире. Только любовь может остановить ее – таков древний закон».

«Никогда не совершайте зло, культивируйте добро, содержите свой ум в чистоте – так советует Будда».

«У глупца, осознающего свою глупость, есть все шансы стать мудрецом. Глупца, считающего себя мудрецом, можно назвать настоящим глупцом».

Я прочитал об обязанностях мужа уважать жену, выказывая ей учтивость и верность, выслушивать ее суждения и доверять ее решениям, дарить ей подарки. И жена должна заботиться о членах семьи, быть верной мужу и обеспечивать процветание дому.

Я задумался. Если следовать принципам, которые открывал людям Будда, то, наверное, можно достичь состояния спокойствия и счастья. Бутанцы тому пример. Они живут так, как завещал им их учитель гуру Ринпоче – второй Будда. В стране нет криминала, нет суицида, все любят короля и друг друга. Разве возможна наяву такая идиллия?! Возможно, жители Бутана просто не знают, что есть другая жизнь. Они никогда не видели моря, других стран, их собственная земля еще не тронута современной цивилизацией. Долго ли еще продлится их счастливая жизнь? С каждым годом все больше туристов посещает Бутан, развращая гидов чаевыми, угощая их запрещенными здесь сигаретами и крепкими алкогольными напитками.

«Справедливость никогда не исчезает. Когда кажется, что ее нет, значит, она покинула ваше сознание».

Я переворачивал страницы и нашел то, о чем мне пытался сказать Уген. «Каждый должен помнить, что ничто в мире нельзя точно назвать «мое». Что пришло к человеку является комбинацией случаев и условий. Он может удержать это у себя лишь временно. Человек не должен использовать то, что получил, эгоистично или для неправильных целей». Бутанец, просыпаясь, думает о смерти, о том, что нажитое не возьмет с собой. Его больше заботит собственное душевное состояние, определяющееся его поступками. А основная цель каждого человека, по убеждению жителей Бутана, – это достичь истинного Пробуждения во благо всех живых существ. Поэтому они дарят добро не только людям, но и собакам, кошкам и прочим

живым тварям. Бутанцы живут в согласии с собой и окружающим миром, любят короля и весь мир, в придачу. Не случайно Бутан инициировал принятие ООН нового праздника – Международного дня счастья, отмечаемого 20 марта.

Буддизм считает поклонение богам пустым занятием. Но люди есть люди. Они вознесли Будду до уровня бога и поклоняются ему. Хотя он сам был ярким противником такого почитания, буддизм, тем не менее, стал религией. Люди молятся, испрашивая у богов расположение. Крутятся молитвенные барабаны, развеваются на ветру разноцветные мантры, в монастырях нараспев читаются монахами молитвы...

Я стоял в полутемном зале храма, где перед статуей Будды рядами сидели монахи. Перед ними на низких столиках лежали книги со священными писаниями, и монахи речитативом читали их вслух. Странное дело: хотя монахов было человек пятнадцать и говорили они одновременно, в монотонном ритмичном гуле, отражающемся от стен храма, можно было различить голос каждого отдельного монаха. Один голос был чуть выше другого, третий еще выше, четвертый гудел басом, и все вместе они создавали удивительную гармонию, которая проникала глубоко в душу, словно я слушал хор певчих в православном храме. Читали монахи усердно, нараспев, и видно было, что это продолжалось уже долго, потому что то один, то другой, устав, прикрывал глаза и сидел, словно впав в забытьё, несколько минут, потом, отдохнув, снова подавал голос, вступая в общий хор.

Посетители обходили статую Будды по часовой стрелке и подходили к монаху, кропившему их святой водой из красиво украшенного металлического чайника.

Глухо били барабаны и звенели колокола, методично отсчитывая каждое вращение больших молитвенных барабанов у входа в храм. В буддизме звуку уделяется большое значение. Например, звук «ом» связан с ритмами космоса, звучание колокола отгоняет злых демонов, бой барабана пробуждает внутреннюю энергию человека.

Слушая чтение священных писаний на незнакомом мне языке, я чувствовал, тем не менее, как в душе рождается какое-то новое мистическое чувство. Я подумал: а все ли бутанцы понимают тибетский язык, на котором написаны свитки? Или магию мистики вызывают сами эти звуки? Ведь в среде наших мусульман мало людей, знающих арабский язык, а суры из Корана звучат именно на нем.

У алтаря лежал символ плодородия – фаллос, украшенный шелковыми ленточками. Им священник осенял людей, желавших получить долгожданного ребенка. Фаллический символ очень популярен в Бутане. Он красуется на фасадах зданий, в виде росписей, вырезается из дерева в качестве сувенира. Фаллос – неизменный атрибут одного из шутовских персонажей народных представлений. Бутанский клоун смешит публику, потрясая фаллосом внушительных размеров, закрепленным ко лбу его улыбающейся маски.

Буддисты не признают вечную душу, но верят в бесконечную череду жизней, символ которой – колесо Сансары. Они говорят, что человек, умирая, дает начало новой жизни, как спичка, потухая, зажигает костер. Огонь жизни одного существа порождает новую жизнь. Душа умирает, но рождает новую. И не обязательно человеческую. Поэтому на праздниках так популярны танцы в звериных масках. Разнообразные изображения зверей окружают и статуи Будды в храмах. Человек, после смерти, может переродиться в любое животное. Это зависит от того, как он прожил жизнь, какую накопил карму. Достигнув совершенства, человек освобождается из колеса Сансары. Он попадает в нирвану и становится просветленным. Так считают буддисты.

Наша группа попала на один из местных праздников, отмечаемых раз в год. В монастырь, расположенный на высоте около 4000 метров над уровнем моря, стекался народ с близлежащих деревень и селений. Люди несли продукты питания, угощения, предназначенные для освящения во время служения. Действие было похоже на пасхальную службу. Священник в желтом одеянии, в высокой шапке с гребнем, тоже желтого цвета, совершал таинства, кропил яства святой водой и читал молитвы. Музыканты били в барабаны и гудели в своеобразные трубы.

Люди приходили семьями, и дети так же истово отбивали поклоны, как и взрослые. Они впитывали учение Будды, как сам собой разумеющийся образ жизни. Я вспомнил изречение Будды из книги: «Не принимайте мое учение просто из веры или из уважения ко мне. Подобно тому, как купец на базаре проверяет подлинность золота: режет его, плавит, так и вы проверяете истинность моего учения». Вряд ли ребенок может критически оценить учение Будды, для него это просто нормы жизни.

Я стоял на ступенях монастыря и смотрел на великолепную панораму, открывавшуюся моему взору. Далеко внизу лежала долина, окруженная горными хребтами, сплошь поросшими сосновым лесом. «Зачем – думал я, – нужно было так высоко строить монастырь? Он почти у самого гребня. Ведь и в долине, и на склонах полно мест, более удобных для строительства». Кроме того, здесь было и намного прохладнее, а монахи жили в холодных каменных кельях и ходили босиком, носили легкие одеяния. Возможно, для закаливания духа?

Но еще больше нас поразил монастырь в Паро, носящий название «Гнездо тигра». Он буквально прилепился к вертикальной скале, на высоте 3100 метров над уровнем моря. Пюлочка, на которой стоит монастырь, расположена над 700-метровым обрывом, и над ней также громоздятся скалы.

Рано утром мы подъехали к подножию горы, откуда начинается тропа к «Гнезду тигра». Накануне шел дождь, и погода хмурилась. Вершины гор и весь хребет были затянуты белой пеленой. В разрыве облаков иногда показывалось белое здание монастыря с позолоченной крышей, четко выделяющееся на фоне черных скал. Казалось, «Гнездо тигра» парит в небесах и простому смертному невозможно попасть туда.

Подъем к «Гнезду тигра» занял около двух часов. Можно было, конечно, часть пути проехать на лошадях, стоявших у начала тропы. Но Олег Лопатко, один из участников нашего путешествия, глубокомысленно произнес: «Подъем сродни очищению, если ехать на лошади, то грехи простятся ей, а не всаднику». И мы не раздумывая двинулись в путь пешком.

Подниматься по крутой тропе было не просто. Сердце гулко стучало в груди, а пот насквозь пропитал одежду и жег глаза. Время от времени открывающийся взору монастырь дарил нам виды, один прекраснее другого. Струящиеся вокруг него облака только усиливали его таинственность.

Тропа вилась по лесистому склону горы, потом, перейдя на скалы, где монахи соорудили настоящие лестницы, немного опускалась, чтобы затем взметнуться последним крутым подъемом к самому монастырю. Рядом с «Гнездом тигра» падал с вертикального уступа стометровый водопад. Сосны, растущие на вершине хребта, были опущены снегом. А скалы были украшены разноцветными ниточками мантр, флагами, развевавшимися на ветру. Обессиленные, с трудом переводящие дыхание, мы наконец-то поднялись на небольшую ровную площадку перед входом в монастырь.

Облака внезапно расступились и открыли перед нами живописную картину долины Паро с высоты орлиного полета. Прорвавшийся сквозь разрывы туч солнечный луч осветил игрушечные домики селений, желтые лоскуты убранных полей и лесистые склоны гор, окружающие долину со всех сторон.

Четыре основных храма монастыря и жилища монахов органично вписаны в скальный рельеф и террасами возвышаются друг над другом на скальной полочке. Здания связаны между собой ступенями, вырубленными монахами в скале, и шаткими деревянными мостиками между лестницами и дорожками. На каждом уровне есть балкон, с которого открывается вид на лежащую внизу долину Паро.

Наслаждаясь прекрасной панорамой гор, покрытых голубыми елями, далекой долиной, теперь залитой солнечным светом, лющимся с синего безоблачного неба, оставшимися белыми облачками, зацепившимися за верхушки горных вершин, и, казалось, парящими на той же высоте, как и «Гнездо тигра», я подумал, что не зря карабкался по крутой тропе, обливаясь потом. Монахи говорят, что подъем на гору – неотъемлемая часть таинства духовного очищения. И я ее успешно прошел, ощущая в душе свое единение с окружающей природой.

Легенда гласит, что в пещере, расположенной на полочке, где сейчас возвышается монастырь, жил сам гуру Ринпоче, прилетевший сюда на крылатой тигрице. Поэтому монастырь и называется «Гнездо тигра». Индийский учитель Падмасамбхва или гуру Ринпоче, что переводится как «Драгоценный учитель», – выдающаяся историческая личность. Именно он утвердил буддизм на Тибете, победив жрецов религии бон, до того безраздельно царивших над умами тибетцев. Падмасамбхва принес учение Будды в VIII веке и в Бутан. Здесь, обитая на этой скале в пещере в течение четырех месяцев и ежедневно медитируя, гуру Ринпоче сумел победить злых духов горы. Падмасамбхва назвал это место вторым Кайласом, то есть святым.

Вход в пещеру действительно есть в одном из помещений монастыря. Скала была внутренней стеной зала, и глубокая расщелина служила входом в пещеру. Я протиснулся в узкий проем и увидел перед собой шаткую деревянную лестницу, по которой можно было достичь дна пещеры, лежащего метров в четырех ниже того места, где стоял я. На стенах пещеры были изображения многочисленных бодхисатв, освещенные

збыким светом масляных ламп. Пещера оказалось сквозной. Ход из нее вел прямо на скальную стену уступа.

Я представил себе, как здесь в позе лотоса сидел гуру Ринпоче и медитировал, глядя с высоты на далекий и прекрасный мир. О чем он думал в эти часы, какие озарения открылись его мысленному взору? Ведь недаром сюда приезжали многие знаменитые учителя буддизма, говоря, что сам гуру Ринпоче, явившись в видениях, призвал их посетить «Гнездо тигра». Возможно, дух второго Будды – Падмасамбхвы, «Драгоценного учителя», до сих пор навещает это святое место. Местные монахи годами живут в монастыре на скалах, лишь изредка спускаясь в долину.

«Гнездо тигра» – настоящее чудо Бутана. Но сколько усилий потребовалось, чтобы построить его так высоко на скалах?

К полудню, когда мы начали спуск, солнце прогнало облака и «Гнездо тигра» несколько утратило свое таинственное очарование. Монастырь словно спустился с небес на землю. Скальный утес, где уютилось «Гнездо тигра», возвышался среди сосен, тут и там увешанных светлыми ленточками мантр, словно рождественские елки гирляндами. Выпавший за ночь снежок быстро истаял под жаркими лучами весеннего солнца. Но белое пятно монастыря на вершине серого скального массива неизменно притягивало наше внимание. Глядя на него, я понял, почему «Гнездо тигра» было построено в таком труднодоступном месте. Буддизм призывал к совершенству, а что может быть совершеннее, чем этот замечательный вид?

Наше путешествие подошло к концу. Мы прикоснулись к закрытой жизни затерянного в Гималаях королевства. Увидели, как живут люди в стране глобального национального счастья, и попытались понять, не миф ли это. На прощание я спросил у Угена, где можно купить книгу «Учение Будды», подобную тем, что лежат в номерах отелей. Уген пожал плечами: «Просто возьми одну из книг себе. Хозяин отеля будет искренне рад, что она вам понравилась». Так я и сделал.

Омулек под водочку

– Помнишь, Виктор, ты рассказывал мне об англичанах-спелеологах, с которыми излазил массу пещер в Средней Азии и Англии? – высокий, поджарый Юрий Борисович Кузнецов, профессор консерватории, концертмейстер, а также любитель горных лыж, сидя в кресле напротив меня и прихлебывая зеленый чай, вовсе не ждал моего ответа. Обычно любой его разговор переходил в монолог, состоящий из нанизанных друг на друга, словно звенья бесконечной цепи, историй, коих у него скопилось немало за семьдесят с лишним лет беспокойной жизни. – Они ведь приезжали в Киргизию накануне распада Советского Союза и еще застали здесь уклад жизни эпохи «развитого социализма». Из твоего рассказа об английских спелеологах мне запомнились слова их руководителя: «Нас предупреждали на родине, что водка для русских много значит. Но то, что мы увидели, превзошло все наши ожидания! Водка для русских – всё!» И ведь он был прав. Тогда за бутылку водки можно было достать что угодно. Любая работа измерялась пол-литрами этого напитка. Починить сантехнику, вскопать огород, отблагодарить за помощь... Водку покупали даже те, кто отродясь ее не пробовал, поскольку бутылка стала эквивалентом денег.

Горбачев начал рушить Советский Союз с введения такого закона. Он знал, как больнее ударить по нашему народу. Вместо светлых идеалов и коммунистических идей о совершенном обществе, «Меченый» оставил у людей лишь одну мысль: «Где достать водку?» Ее выдавали строго по талонам по две бутылки в месяц на брата. Но советский народ так просто не сдался, вспомнил народные промыслы и начал гнать самогон. Причем, отдельные умельцы достигали изумительных результатов, используя для очистки этого напитка противоязы, двойную и даже тройную перегонку, пропуская вожделенную жидкость через всякие фильтры. Не буду хвастаться, но и продукт моего производства под названием «ЮрБоровка» имеет до сих пор популярность в определенных кругах! Но сейчас я хочу рассказать не о нем, а о моем путешествии с друзьями по Советскому Союзу на мотоциклах.

Мне тогда было лет тридцать, и я жаждал посмотреть свет. В то время за границу поехать было сложно, все-таки был «железный занавес». В странах соцлагеря я бывал с концертной деятельностью. Но сама наша страна была такой

огромной, такие разные регионы от Балтики до Тихого Океана, путешествуя, не хочу!

Как-то мы с другом Володей, которого я величал попросту по инициалам – ВВ, на базаре купили мотоциклы «Ява». Тогда это был шик! Объехали мы с ним соседние с Киргизией республики, попали даже на Кавказ! Потом задумали махнуть на Байкал. Проехать «по диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...» В общем, давно мы мечтали попасть туда.

В то время вышла повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход», и легенда о Матери-оленихе, приведшей на берега озера Иссык-Куль с далекого Енисея мальчика и девочку, ставшими родоначальниками киргизского племени бугу, была очень популярна. Мы с ВВ назвали наше путешествие «По следам Матери-оленихи», сделали заявку в газету «Комсомолец Киргизии» и даже получили удостоверения внештатных корреспондентов! Обязались присылать с дороги путевые заметки.

А повидали мы немало: бескрайние степи Казахстана, могучие леса Алтая, сосновые боры Новосибирска, кедровники Красноярска, тайгу Ангары. Едем по степям, я пою во всю мочь от избытка чувств: «Ой ты, степь широкая, степь раздольная! Широко ты, матушка, протянулася!» Через леса проезжаем – у меня новая песня из груди рвется: «А лес стоит загадочный, а сердце так стучит!». И действительно, такие там бесконечные леса, стеной вдоль дороги возвышаются, и не знаешь, где они закончатся! «Тропа моя заветная, уходит, за собой маня...»

После Красноярска дожди начались. Хоть и напялили мы с ВВ на себя всю свою теплую одежду, прикрываемся брезентовыми штормовками, но холодный ветер насквозь до костей пронизывает. На наших мотоциклах не было даже защитных лобовых стекол! Хорошо, что в одной придорожной аптеке я додумался купить пустые целлофановые мешки из-под хлора. Вырезал в мешке три дырки. В одну голову просунул, в две другие – руки. Сверху штормовку надел. Красота! Целлофан идеальный теплоизолятор. Такой же «презерватив» ВВ на себя надел, по два мешка натянули мы на наши курджуну, висевшие по бокам мотоциклов.

Так и добрались мы до Иркутска. До Байкала рукой подать! А мы ехать не можем – бензина на заправках нет! Вернее, он есть, но выдают только по особому распоряжению! Может, стройка важная шла, может, уборочная страда, не знаю,

только нам заправить мотоциклы не разрешают. Обидно стало до слез. Проехать тысячи километров и вот так бесславно завершить свой поход и не попробовать байкальского омуля!

Я достаю из запаса бутылку, иду к оператору на запра-вочной станции. Говорю ему: мы, мол, из Киргизии, хотим уви-деть ваш знаменитый Байкал. У нас тоже, рассказываю, есть озеро Иссык-Куль. Показываю оператору знак, нарисованный на спине штормовки. Его мы с ВВ разработали: «Иссык-Куль – Байкал» по кругу написано. Оператор, оказывается, и не слышал о нашей славной Киргизии. Объясняю ему, что рядом Казахстан, Алма-Ата, Ташкент. Что-то до него дошло, но тепла я не чувствую от него никакого. Тогда показываю ему горлыш-ко от бутылки. Говорю, что очень нужно нам попасть на озе-ро. Оператор как увидел бутылку водки, сразу подобрел: «Что же вы сразу не сказали, что свои?» Короче, заполнили баки под завязку, запасные канистры, куда можно было, все залили бензином и в путь!

Мчимся по сопкам. Уже и Байкал рядом. Дорога крутая, сложная, по склонам гор вьется. К тому же и погода мерзкая. Дождь холодный моросит. А страсть наша вперед увлекает. Увидел я озеро, все внутри меня само запело: «Славное море, священный Байкал!»

Но это все прелюдия была. То, о чем я хочу тебе рас-сказать, было в самом финале. Мы с ВВ решили попробовать байкальского омуля. Слава об этой рыбке разносилась по все-му свету. Омуль – из сиговых рыб семейства лососевых. Бай-кальский омуль – эндемик, живет только в этом озере. Вкус у него особый.

В иркутской редакции, куда мы заглянули, нам посове-товали запастись водкой и перебраться на пароме на остров Ольхон. Там находилась рыболовецкая артель, промышленяв-шая добычей омуля. А до острова почти 260 км от Иркутска! Но что делать, охота – пуще неволи!

Погрузились мы на паром, поплыли по «священному» морю.

На Ольхоне, говорили местные шаманы, обиталище гроз-ных духов Байкала. По преданиям бурят их первый хан Хото Бабай был послан с небес богами именно на этот остров. А его сын Хубуу Нойгон, обращавшийся в белоголового орла, стал первым шаманом, учеником самого Тенгри – бога Неба. Мне рассказывали, что на острове есть священный мыс Бурхан, на скале которого нерукотворное изображение дракона, выпол-

зающего из воды залива. Там сакральное место всех шаманов земли!

Нас тогда никакая религия не интересовала. А вот другое место на Ольхоне меня за душу взяло. Выгрузившись с парома в поселке Хужир, мы сели на мотоциклы и двинули в урочище Песчаное – там была артель рыбаков. От поселка до урочища 20 км по берегу. Песчаное расположено в заливе Нюрганская губа. Вокруг огромные дюны, словно ты в пустыню попал. Дорога привела нас к каким-то заброшенным баракам. Окон нет, двери сорваны, крыши в дырах. А по пескам дорожки из досок проложены. Мы с ВВ сначала думали, это и есть рыбацкий поселок. А оказалось, что бараки эти остались от ГУЛАГа. Ссылали сюда из Белоруссии, Литвы, Западной Украины, Польши и еще из разных мест. Осужденные работали на рыбзаводе, а по лежнёвкам, дорожкам из досок, транспорт до цехов ходил. Мы ехали с ВВ вдоль кладбища и конца и краю ему не было! Подумай только, людей осуждали лишь за то, что они на работу опоздали или колосок в голодные годы с поля взяли!

Приехали мы наконец в рыболовецкую артель, хотим, говорим, посмотреть на лов омуля. Бригадир даже разговаривать с нами не хочет – нельзя! Мы его и так и сяк уговариваем, ни в какую! Тогда я говорю ему, что мы корреспонденты «Комсомольской правды», здесь находимся по спецзаданию. Показываю ему корочку удостоверения от «Комсомольца Киргизии». Сработало! Тут же вызвал бригадир одного из рыбаков и бросил ему: «Возьмешь этих корреспондентов с собой!»

Рыбак мрачно окинул нас взглядом и молча направился к своему сейнеру. Суденышко было небольшим, метров десять-двенадцать длиной. Команда его состояла из трех человек: самого рыбака, его жены, крепкой женщины неопределенного возраста, и пацана лет двенадцати. Они, как и рыбак, лишь скользнули по нам взглядом, продолжая выполнять свою обычную работу.

Сейнер не спеша вышел в озеро. Было раннее утро. Солнце еще не встало, и над водой поднимался редкий туман. Было холодно и сыро. Близлежащие сопки кутались в обрывки белесой пелены. Мы с ВВ стояли на палубе сейнера, надев на себя всю свою теплую одежду.

Время от времени суденышко подходило к поплавам, прикрепленным к ранее поставленным сетям, и рыбаки вытягивали сеть на борт. В первый раз добычей были лишь несколько маленьких рыбешек, во второй раз попалась рыба

крупнее, но и ее так же было мало. Я приуныл. Куда же делся знаменитый омуль?! Зря что ли зовут Байкал «омулевой бочкой»? Я пытался сделать портретные снимки рыбаков, но они, едва заметив объектив моего фотоаппарата, тут же отворачивались в сторону. Мне оставалось довольствоваться их мрачными спинами.

Наконец рыбаки вытянули сеть с богатым уловом. Рыбак вытаскивал запутавшихся в ячейках рыбин и бросал в пустые ящики. Одних рыб он кидал в ящики у правого борта, других в ящики у левого борта. Каким-то непостижимым для меня способом рыбак сортировал пойманных рыб. На мой взгляд, они были совершенно одинаковы, но первый ящик был наполнен гораздо больше, чем второй. Видя, что пошла путина, я решил не оставаться в стороне и кинулся помогать рыбаку. Он молча, бросив на меня единственный угрюмый взгляд, сунул мне в руки рыбину. Я не знал, что с ней делать. «Бросай!» – резко командовал рыбак. «В какой ящик?» – ошарашенно спросил я. «В любой!» – зло крикнул мне рыбак. Я принялся заполнять ящики, памятуя, что большую часть улова рыбак бросал на правую сторону, что делал и я.

Когда невод опустел, его снова закинули в озеро. Я отдыхал после непривычной тяжелой работы. Ко мне подошел сын рыбака: «Капитан зовет вас в каюту!» Действительно, рыбака на палубе не было. Я и не заметил, как он спустился вниз. Не отец, а капитан! Слегка удивился я и направился к люку в трюме.

Спустившись вниз, я увидел рыбака, сидевшего перед табуретом, служившим ему вместо стола. На нем стояла бутылка водки, три граненых стакана, небольшой кусочек хлеба и несколько свежепойманных рыбин. Рыбак поднял на меня взгляд: «А где товарищ?» Я показал наверх. Рыбак закричал что есть мочи: «Петька!» В отверстии люка показалась голова испуганного подростка. «Позови товарища!» – приказал рыбак. «Есть, капитан!» – отвечивал пацан, и голова исчезла.

Капитан тем временем налил понемногу водки в стаканы. «Рыба пошла, – проговорил он, – положено смочить, чтобы удача не отвернулась». Подошел ВВ, и мы смотрели, как рыбак разделяет рыбу. Он ловко надрезал ее по хребту, выдернул одним движением весь ее костяк и протянул рыбу мне. «Закусывать будете». Я изумленно посмотрел на капитана. «Сырую?!» – «Посоли», – ответил он и, выпив водки, отправил в рот одну из очищенных рыбин. Я последовал его приме-

ру. Мясо омуля было нежное и словно таяло во рту. Капитан вновь разлил водку по стаканам.

«С хлебом у вас тяжело?» – спросил я, показывая на небольшой кусок, лежащий на табурете. Капитан кивнул в знак согласия. Я посмотрел на ВВ. В нашем рюкзаке была пара булок. Назавтра мы улетали, и хлеб уже был нам ни к чему. ВВ вытащил булку хлеба. Я поставил на стол нашу бутылку водки. Капитан оживился. «Петька!!! – вновь закричал он. – Зови мать!» Вниз протиснулась женщина. Именно протиснулась, так как из-за узкого прохода и своих широких габаритов женщине пришлось идти боком.

«Что звали?» – грозно спросила она капитана. «Выпей с нами», – предложил капитан. «Да у вас бутылка на троих», – возмущенно кинула женщина. «Маша, ребята свои... угощают», – указал рыбак на бутылку водки. Маша размякла, и даже тень улыбки скользнула по ее обветренным губам. Она потребовала налить ей сразу полстакана и, выпив, ушла, сославшись на работу. Мы с ВВ вынули остатки своей провизии из рюкзака: пару банок тушенки, сухари, хлеб, сухие супы и прочую снедь. И оставшиеся две бутылки водки.

Капитан вновь кликнул сынишку. «Принеси им мешок рыбы. Пусть возьмут с собой».

Я принялся отказываться, говоря, что много нам не надо. Да и как мы с собой повезем рыбу в самолете? Капитан приказал Петьке засолить омуля. Потом сам сложил штук двадцать рядами по несколько штук в плотный штабель, крепко посолил, обвязал его полотном и этот брикет передал нам. «Завтра на солнце подсушите, чтобы не завоняла», – посоветовал капитан.

На прощание я решился задать рыбаку мучивший меня вопрос: почему на сейнере были разные ящики и чем же отличалась рыба, которую кидали в них? Капитан улыбнулся: «Ничем. С правого борта ящики я сдаю в артель, а с левого – мои. На одну зарплату не проживешь!»

«Яву» мы домой отправили контейнером, а сами решили лететь самолетом. Я побежал на почту, чтобы послать домой телеграмму: «Мне не надо каши манной, мама я хочу домой!» Девушка на почте отказывалась принимать такое послание, твердила, что это шифровка какая-то. Мол, вдруг я шпион, надо бы сдать меня в милицию. Тогда я напел ей песенку Визбора: «До чего же мне, ребята, надоело жить вот так! Телеграмма уж готова, ни одной в ней запятой. В ней всего четыре

слова: «Мама я хочу домой!» Девушка рассмеялась и спрашивает: «А при чем тут манная каша?» Я пропел ей остальные куплеты и рассказал про наше путешествие «По следам Матери-оленихи».

Мы с ВВ расслабились, думали, что все наши приключения позади. Но не тут-то было! Билетов в кассе нет! Я знаю, что всегда в запасе есть «бронь». Говорю ВВ: «Сунь в паспорт десятку, найдут нам билеты». Не помогло!

ВВ дежурит у кассе – вдруг «бронь» снимут, а я в парк пошел неподалеку от аэропорта, брикет с рыбой вскрыл и разложил омуля на травке. Мимо майор из службы авиаперевозок идет. Увидел мой улов, спрашивает: «Омулек с Байкала?» Я подтверждаю и жалею, что до дома добраться не можем. Он хитро так на меня смотрит: «Омулем угостите, помогу». Я ему говорю, что половину отдам, лишь бы билеты до Фрунзе достать. От половины майор отказался, взял три омуля и дал мне записочку барышне в кассе авиабилетов. Так мы с ВВ оказались дома.

Юрий Борисович прервал нить своего рассказа, отхлебнул давно остывший чай и подвел итог своих воспоминаний:

– Водка спланивала народные массы при Союзе. Жаль, конечно, что она многих замечательных людей сгубила. Но если знать меру, то водка скрашивает наше существование на этой брэнной земле. Да и какой может быть соленый омулек без картошечки и без рюмочки водочки?!

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Скотник из УГРО

Приглашенные на празднования очередного Дня милиции оказались за одним столом с экс-замминистра внутренних дел республики Манасом Акматбековым... Приняв на грудь, он вдруг красочно, в лицах, рассказал вот эти две короткие истории...

В начале 1990-х – кто б мог подумать?! – приказала долго жить всеильная Коммунистическая партия, вслед за ней – Коммунистический Союз молодежи.

Оставшись без кресла, экс-секретарь Таласского райкома комсомола Манас Акматбеков решил переквалифицироваться в милиционеры. «Без них ни одна власть не обойдется» – рассудил теперь уже бывший молодежный вожак.

... Медкомиссия – годен. Не имела ли проблем с законом родня? Нет. С учётом ветеринарного образования, всемогущие кадровики определили Манаса оперуполномоченным уголовного розыска – в группу по борьбе со скотокрадством...

Полагались курсы, переподготовка... Послали запрос, поставили в очередь. Пока же, сдав зачеты на знание основных приказов, Акматбеков начал свое вхождение в должность...

Тогда как раз проверяли информацию о группе воров-профессионалов из соседнего Казахстана. Шерстя окрестности Таласа, те крали коней, «отстаивали» на дальних фермах. Переждав шум, перегоняли через виртуальную тогда границу.

Вот на одну из таких подозрительных точек и устроили лейтенанта. Скотником. Обязанности простые: бурёнок обихаживать, корм задавать, навоз чистить, на выпаса гонять. И –

ждать. Случись что – подмогу из района за 20 километров вызвать. Как? «Смекалку оперативную включи» – усмехнувшись, посоветовало начальство...

Да разве ж о таком мечтал комсомольский организатор?! Но служба есть служба... Неспешно текли будни. Порас-терев средь кизяка и грязи былой лоск, превратился наш герой вскоре в типичного скотовода: порванная телогрейка, стоптанные кирзачи и полинявшая «всесезонная» меховая шапка-ушанка...

Периодически, маскируясь, коллеги наведывались. Запив жирное мясо чуть разбавленным медицинским спиртом из личных манасовых запасов, довольные, отбывали восвояси: «Бди, секретарь... Это тебе не речуги комсомольские толкать...»

Тяготно закончилось лето. Осень принесла затяжные дожди – совсем невмоготу стало. Сколько раз все бросить хотелось, и только мысль, что засмеют «белоручку», всякий раз останавливала...

...Предутренний туман разорвало ржание и стук копыт. «Эй, Доктурбек!». Неспешно натянув ватник, Манас вышел во двор. Трое конных, явно не местные, настороженные. У одного за спиной – винтовка малокалиберная, строго-настрога в те времена запрещенная.

– Эй, а где Доктурбек, тут он раньше хозяйничал?

– Да он еще в июне ногу сломал. С тех пор я здесь обитаю.

– Как звать?

– Куланбек.

– Слышь, Куланбек, мы тут с конями недельку передо-хнем. Устали, издалека гоним... За сено и барашка, что пригото-вишь, заплатим. А в придачу еще и жеребенком отблагода-дим.

И, не дожидаясь ответа, тут же по-хозяйски загнали в ограду табун в 17 голов... Кобылы, одна в одну, племенные.

«Они», – решил опер...

Под зорким оком гостей, Куланбек, чтоб не путались под ногами, загнал под крышу немногочисленных коров, протер лошадей, напоил, задал корму. За ужин принялся... В голове же одна мысль: как своим сообщить?! Отлучиться не получится, наблюдают. Да и скакать далеко – уйдут. И братишек, что по хозяйству все лето помогали, нет – школа началась. Что делать?!

...Первую ночь гости водкой своей угостили. Шептались

все, следили. Один дневалил, не спал. Под утро коней выгнали, попаслись дали. К обеду загнали, вчерашнее мясо доели. Без спиртного скучали явно, но отлучаться с фермы боялись. Тем более гонца посылать – вдруг сдаст?!

Тут-то и дождалась своего часа трёхлитровая баклажка чистейшего «spiritus vini»...

На второй день, «расщедрившись», вынул Манас свою заначку и угостил скотокрадов спиртом. Чтоб сомненья развеять, для начала и себе плеснул на два пальца. Попеняв, что вчера молчал, те хряпнули, задохнулись, зенки на выкат. Оклемавшись, еще потребовали. Потом ещё. И ещё...

Пей – не хочу...

...В 8.00 на спортплощадке Манасского райотдела милиции лично начальник майор Субанов в футбол капитанил. Крик, гвалт, мальчишки окрестные набежали. Тут, скрип-скрип, арба к воротам подкатывает... В ней трое по рукам-ногам связанных мужиков спящих, чей храп даже крики болельщиков перекрыл.

Возница-оборванец, хоть едва на ногах держался и спиртным на всю округу разил, все честь норовил отдать, по Уставу представиться. Кой-как опознали в нем Акматбекова, о котором, признаться, уж и забыли...

Очнувшись в КПЗ только под вечер, опытные рецидивисты сначала все отрицали. Но, прижатые живыми «вещдоками», в конце концов решили, как теперь говорят, сотрудничать со следствием.

Девять краж скота в особо крупных размерах тогда раскрыли. А Манас Акматбеков свое первое милицейское поощрение получил.

Стервятник на уткоферме

... Но романтика не только в уголовном розыске прописалась...

– Вот, послушайте, перешел ко второй истории Акматбеков. – Работаю в управлении по борьбе с экономическими преступлениями, которое тогда и взяточникам противостояло.

Снимаем информацию, что, проверяя птичью отрасль, ревизор оценил собранную компру в пятнадцать тысяч баксов. «Главный птичник», остерегаясь решётки, согласился. Расчёт проведут завтра, на уткоферме.

Технично так закидываем птичнику, что, дескать, «обувают» его, компромат материалы того не стоят. Весь в сомнениях, он соглашается и пишет заявление. Теперь нужны вещдоки, т.е. купюры.

Это – всегда проблема, спецфонда у нас нет. Чтоб взять с поличным, опера пускают шапку по кругу, одалживают у родственников, друзей, знакомых бизнесменов. На сей раз перед банком ходатайствовал лично начальник Главка. Деньги ж под расписку взял я.

Во дворе инкубатора, где должна пройти сделка, ставим неприметный фургон с надписью «Яйца» – в таких во Фрунзе развозили продукцию по фирменным магазинам. Там еще затемно разместилась возглавляемая мной группа захвата. Ждем...

Фигурант появился точно в назначенный срок. Но подношения сразу не взял, потребовал коньяку. И закуски. Потом – ещё, ещё... Взяткодатель и сам в раж вошёл, сауну, что здесь же, на территории, предложил «гостю». И птичниц туда зазвал...

На дворе – февраль, холодина! Сказать, что в жестяном фургоне заоченели мы, – ничего не сказать! Сидели 10 часов, пошевелиться боялись. Один наш потом с воспалением легких слёг. Меня пронесло – азарт грел! И еще – спиртное, что исключительно в медицинских целях из горла молча пускали по кругу. Но не хмелели.

Наконец – долгожданный сигнал! С оружием наперевес – в кабинет, там – трое, один не запланированный. Ревизор, что в лицо меня знал, в истерике на пол упал. Пакет с мечеными долларами при нём нашли. Открыл, считаю – в миг про холод забыл, в жар бросило: в конверте лишь 8 тыщ! «Остальные!!!» – реву, я ж под расписку вещественные доказательства брал, вовек не рассчитаться! Оказалось, третий, посредник, семь себе брал, и успел под сейф несгораемый сунуть...

От страху это как-то у него получилось. Меж полом и дном даже просвета не было, пальца не всунуть! Машина железная, довоенная еще, с песочной прокладкой – не сдвинуть! Всех увезли, я ж в кабинете остался, сейф охранял. Утром кой-как отжали его ломами...

Колумбиец

За прошедшие с той поры годы повидал всякое. Серийных убийц, маньяков, откапывавших и насиловавших трупы. Совершал рейды на Памир в ходе гражданской войны в Таджикистане, задерживал крупных наркоторговцев, без малого пять лет «творил мир» на Балканах... Но министр-колумбиец, – читайте дальше, – остается символом мужества, долга и самоотверженности...

...Вслед за объявлением Независимости в 1991-м в республику потянулись сановные делегации. Гостям хотелось знать, как в теперь уже самостоятельных странах обстоят дела, к примеру, с ядерными хвостохранилищами, есть ли военнопленные из других государств, беженцы... Кроме прочих, посетили специалисты ООН, контролирующие наркотики. На месте изучалась ситуация, давались рекомендации. Заодно, невзначай как бы, прояснялось, не производим ли мы зелье сами...

Как начальник республиканской Службы по борьбе с наркобизнесом, помогал. Сопровождал, организовывал встречи, давал пояснения. Было интересно – фактически впервые столкнулся с профессионалами международного класса...

Миссию возглавлял экс-министр юстиции Колумбии. Недюжинного ума и менеджерских способностей, с явными лидерскими качествами, он будто притягивал внимание. К тому ж обладал каким-то «нутряным» голосом, общался, будто чревовещатель.

...Вертолёт доставил на Иссык-Куль. Составили представление о дикоросах конопли в Ак-Суу, Джеты-Огузе и Тюпе, нанесли самые большие поля на карту. На ночь остановились в госрезиденции. Здесь побаловали концертом, великолепным ужином. Осмелев от коньяка, решил пообщаться.

... Разомлев от приема и проделанной работы, колумбиец в свою очередь также был настроен благодушно. Шустрая переводчица едва успевала. Говорили обо всем – красотах озера, так отличающемся от его родных гор Тянь-Шане, национальных традициях... В запале латиноамериканец вдруг оттянул водолазку, что плотно облегала горло и мешала свободно дышать...

Обнажился глубокий безобразный шрам, перечеркнувший шею крест-накрест. Перехватив тревожные взгляды и явно смутившись, ооновец тут же прикрыл его...

Но было поздно. Предвосхищая готовый сорваться с языка вопрос, он быстро заговорил своим необычным голосом:

«В Колумбии министру юстиции подчинены полиция и другие силовые структуры. Таким образом, когда вновь избранный президент, с которым нас связывала давняя дружба и карьера, назначил меня туда, пришлось возглавить борьбу с наркокартелями. К тому времени они обладали реальной властью – политической, экономической... Коррумпировали верхушку страны, прикормили полицию, армию, суды, таможду... Кто не брал взяток – уничтожали. Казнили десятки честных офицеров, журналистов, прокуроров. В мафиозных разборках и перестрелках гибли люди, взрослые и дети. Менялась психология: работать на картели считалось престижным, о наркобаронах слагались исполняемые популярными певцами баллады, сочинялись поэмы. Используя слабость государства, в своих вотчинах они устанавливали собственные законы и порядки, наказывали и миловали.

Со всем этим надо было кончать. Опираясь на помощь соседей, изрядно натерпевшихся от кокаина, начали генеральное наступление на картели, арестовав дюжину «донов» среднего звена. Избавились от наркопредставителей в парламенте, наскоро почистили военных и силовиков...

Меня пытались купить. Не вышло, хотя ставки поднимались трижды. Пугали – отправил за границу семью. Через прирученную прессу и собственный телеканал компрометировали – не поверили. Но вскоре криминальная разведка доложила, что принято решение о физическом устранении.

... Это превратилось в кошмар. Дважды на одном месте не ночевал. Отказался от семьи и друзей. Позабыл про концерты, любимый до того театр. Повсюду только под усиленной охраной. Но по-настоящему всполошился, когда вдруг пропал работавший под прикрытием разведчик, предупредивший о вынесенном приговоре. А после того, как ни о чем не подозревавший посыльный доставил в офис его аккуратно завернутое в золотую фольгу ухо, вызвал президент: «Больше не могу тобой рисковать. Отправляйся послом, за «железный занавес». Надеюсь, там картель не достанет».

... Год в социалистической столице расслабил, подумывал даже жену и детей привезти. Ездил уже без охраны, по привычке меняя только маршрут передвижения. Однажды, в воскресный солнечный день, бездумно расслабившись, гулял вдоль набережной. И не заметил, как из остановившейся не-

подалеку ничем не приметной машины вышли двое, по виду местные...

... Расстреливали практически в упор. Из револьверов. Как уцелел – переадресую вопрос к Всевышнему. Целили в голову, но свинец угодил в шею. Три пули навывлет порвали плоть. Хирурги, в том числе и пластические, трудились над мной полтора года. Рубец, что вы видели, лучшее, что можно было сделать. Представляете, что в начале было?!

Но, главное, навсегда потерял речь, возможность издавать нормальные звуки. То, что от природы мог делать даже младенец, отныне стало для меня недоступным. Как жить дальше?!

Вначале общался через письмо. Освоил язык глухонемых. Заинтересовался чревовещанием. Долгих пять лет усиленных тренировок, и вот я работаю на ООН...»

Тут визави вдруг резко поднялся и ушел. Даже не попрощавшись. В одиночестве, которое никто не решался нарушить, долго гулял по берегу, успокаивался... За полночь удалился в VIP-корпус.

Через день группа уехала. Больше мы не встречались...

КУЛЬТУРА

Георгий ХЛЫПЕНКО

СИНЕГЛАЗАЯ АЗИЯ – ОТЧИЙ ДОМ РУССКОЙ ПОЭТЕССЫ

Тема родины – заветная тема для художника, а созданный им образ родины является ярким показателем его творческой индивидуальности. Вспомним, к примеру, образ России – «птицы-тройки» из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», ставший крылатым выражением.

В толковых словарях русского языка родина – это «родимая земля, чьё место рожденья; земля, государство, где кто родился» (В.И. Даль); «отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит» (Д.Н. Ушаков); «отечество, родная страна» (С.И. Ожегов). Это научные понятия, а художественных образов родины, отечества, отчизны, созданных писателями, в первую очередь поэтами, бесчисленное множество. К примеру, у одного только А.А. Блока, в одном только цикле «Родина» образ России представлен в следующих ликах: «Летит, летит степная кобылица», «О, Русь моя! Жена моя!», «Россия, нищая Россия», «А ты всё та же – лес да поле, // Да плат узорный до бровей», «Роковая, родная страна», «Убогая финская Русь», «Новая Америка», «Невеста Россия». А сколько образных уподоблений России можно найти, скажем, у Лермонтова, у Есенина, у Ахматовой, у Твардовского, у Евтушенко!

В русской литературе Кыргызстана, имеющей почти вековую историю, также разрабатывается тема родины, но с учётом художественной специфики этой литературы как региональной единицы русской национальной литературы. Такими специфическими чертами являются: генетическая принадлежность к русской литературе, тесная связь с жизнью Киргизии,

художественное взаимодействие с киргизской литературой и культурой. Отсюда устоявшиеся, ставшие уже привычными формулировки тема Киргизии и образ(ы) Киргизии, проявляющие себя наиболее наглядно при изучении поэзии.

Объектом нашего критического анализа является новая книга стихов Светланы Сусловой (ранее Токомбаевой) «Синеглазая Азия». Светлана Георгиевна, без преувеличения, классик русской литературы Кыргызстана, известный в республике и за её пределами поэт, переводчик и литературный

деятель, член Союза писателей СССР с 1979 г., председатель русскоязычной секции Национального Союза писателей Кыргызской Республики. Она автор четырнадцати оригинальных и восемнадцати переводных книг. Её произведения переведены на киргизский, таджикский, английский, немецкий, французский, испанский, китайский и другие языки мира. Заслуженный деятель культуры Кыргызстана, кавалер орденов «Данакер» (Кыргызстан), Ордена Дружбы народов и Екатерины Великой (Россия), Золотой медали Ататюрка (Турция).

«Синеглазая Азия» – последняя по времени книга С. Сусловой, название которой перекликается с её первой книгой – «Моей Азии» (1978). Для нас этот факт весьма значителен, ибо в центре нашего внимания будет образ Киргизии, созданный мастером поэтического слова.

Скажем сразу же: на наш взгляд, отличительной особенностью художественной разработки темы родины русскими

поэтами Кыргызстана является наличие у них исторической родины – России, которая так или иначе, в той или иной степени оказывает генетическое воздействие на их менталитет, проявляющийся в создаваемых ими национальных картинах мира. Проследим, как это реализуется в творческой практике предшественников (Сергей Фиксин) и современников (Вячеслав Шаповалов) С. Сусловой.

Сергей Андреевич Фиксин (1907 – 1978), уроженец г. Смоленска, участник Великой Отечественной войны, приехал в Киргизию на постоянное жительство после демобилизации из армии в 1945 г. В его творческом активе есть цикл стихов «Слово о Киргизии», а также несколько книг, в названия которых были внесены образные уподобления его двух родин – России (Смоленщины) и Киргизии: «Ракита и арча», «Два милых сердцу края», «Край синего и золотого». А квинтэссенцией этих образов была первая строфа замечательного стихотворения «Слово о Киргизии»:

Высокий терем Ала-Тоо,
Ручьёв кручёная струя,
Край синего и золотого –
Вторая родина моя.

Заслуживает внимания целенаправленный поиск С. Фиксина образных параллелей, соотносящихся с разнообразными реалиями жизни русского и киргизского народа – географическими, историческими, культурными.

Манас – Илье, арча – берёзе,
А Иссык-Куль – Днепру сродни.

Ракитовые дали – на рассвете
И к вечеру – арчовые края.

Играй, комуз,
Отрада гор киргизских!
Играй, гармонь,
Душа полей российских!
Пустите в круг
Ракиту и арчу!

«Певец ракиты и арчи» – так был назван телефильм о Фиксине. Да и за самим Фиксиным ещё при жизни утвердился имидж поэта ракиты и арчи, создателя удачного образа Киргизия – «вторая родина моя».

Вячеслав Иванович Шаповалов, ровесник С. Суловой, – уроженец Киргизии. Поэт, переводчик, литературовед, владеет киргизским языком. Обладатель высоких степеней, званий и наград: доктор филологических наук, профессор, Народный поэт и лауреат Государственной премии Кыргызской Республики, кавалер орденов «Данакер» (Кыргызстан) и ордена Дружбы народов (Россия).

У В. Шаповалова, как и у С. Фиксина, тоже две родины, только он не делит их на первую и вторую. Они сосуществуют в неразрывном единстве: Киргизия – как реальная родина, где поэт родился, вырос и живёт, Россия – как историческая родина, точнее прародина, которая живёт в нём, в его духовном мире.

Мне две звезды пронизывают высь.
Два корня двух земель во мне сплелись,
Два прошлых, два грядущих, два народа <...>
Две песни надо мной слетели с уст.
Одну пропел уроковый комуз,
Другая долетела с русских далей.

Однако с разрушением нашей большой родины – Советского Союза, а вслед за ним и «Русской Трои» («большой России малая диаспора» в Киргизии) поэт ощутил всепоглощающее чувство утраты, оказался заложником (так называется предпоследняя книга стихов В. Шаповалова).

Я дважды предан, дважды продан был.
Россия с Азией, как сговорившись,
Мне обе лгут! – гнездо покинул аист.

Так, на волне трагического мироощущения, возник по-лиассоциативный образ-символ родины поэта – Киргизия – «чужой алтарь», давший название последней книге стихов В. Шаповалова.

Трудно сказать, кто первым, В. Шаповалов или С. Сулова, употребил словообраз Азия вместо Киргизия, который со временем стал не только географическим, но и культурно-историческим понятием, наподобие понятия Восток или Запад

В дальнейшем тема Киргизии, мотивы Киргизии, образы Киргизии в облике Азии проходят через все книги С. Сусловой. Приведём несколько примеров образных уподоблений Киргизии – Азии.

Из книги «Сад моего детства» (1981 – 1982):

Как сурова ты, Азия, отчая кровля,
Окружённая стражами сумрачных гор!

Из книги «Охота на эхо» (1987 – 1989):

Где душа проснулась – там и родина.
Здесь жила, живу и вновь умру...

Ночью высь, смородиной пропахшая,
Колется лучами близких звёзд.

Ты – моя,
И в прошлом – настоящая,
Азия, – и зыбка, и погост...

Из книги «Возвращение к себе» (1990 – 1996):

«О родина, спаси и сохрани
Моей любви поверженное знамя!»...

Отчизна, равнодушная с утра,
Как милостями, осыпает снегом.
И не расстанусь, знаю, с этим небом,
Пусть даже и прогонят со двора...

Из книги «Лестница лет» (2001 – 2002):

* * *

На той земле, где плачем и поём,
Где боль и нежность к нам приходят разом,
Где от любви порой теряем разум, –
На той земле и есть наш отчий дом.

* * *

Азия моя светлоглазая...
Горечь дней и сладость ночей.
Навсегда люблю тебя, Азия,
Хоть совсем не знаю – зачем.

Перечень примеров на этом можно прервать, потому что в книге «Лестница лет» были найдены ключевые образы, раскрывающие идейно-художественный смысл темы родины:

Киргизия (Азия) – отчий дом (эпический, величественно-спокойный образ) и светлоглазая Азия (лирический, эмоционально-возвышенный образ). Для сравнения: у С. Фиксина такими ключевыми образами являются вторая родина и край синего и золотого, у В. Шаповалова – чужой алтарь и русская Троя. Обращаем также внимание на то, что впоследствии эпитет светлоглазая был заменён на эпитет синеглазая – более точный и более яркий. В конечном итоге ключевые образы прочно вошли в художественный мир анализируемой книги: в её название – «Синеглазая Азия», в название первой главы – «Отчий дом», а текст цитированного выше четверостишия – в качестве эпиграфа на обложке книги:

Азия моя синеглазая!
Радость дней и сладость ночей.
Навсегда люблю тебя, Азия,
Хоть совсем не знаю – зачем...

«Синеглазая Азия», лирическая по роду книга, композиционно членится на главы, как это принято в произведениях эпического или лирико-эпического рода, имеющих повествовательный сюжет. Только сюжетом в ней является поступательное движение поэтической мысли в трёх пространственных измерениях: в главе I. Отчий дом – в пределах родной Киргизии, в главе II. Ветер странствий – за её пределами, в странах Азии, Европы и Америки; в главе III. Путешествие сознания – в безграничных сферах человеческого бытия. Иными словами, синеглазая Азия – художественный образ, формируемый предметным миром и формирующий духовный мир лирической героини.

Предметный мир, являющийся источником лирических переживаний в главе «Отчий дом», богат, разнообразен и эстетически притягателен. Главное место занимает в нём пейзаж, т. е. описание природы, шире – любого незамкнутого пространства внешнего мира («В горах», «В Боомском ущелье», «Над рекою Чу», «На южном берегу Иссык-Куля», «Джеты-Огуз», «Водопад», «Старый сад», «Одинокое дерево» и другие стихотворения). Вместе с тем внимание С. Суловой привлекают природные явления («Шторм на Иссык-Куле», «После грозы», «Трёхдневный дождь», «Радуга», «Листопад», «Снег с утра»), времена года («Этот цветок на пороге весны...», «Зной», «Кыргызская осень», «Зимняя родина»), месяцы года («Февраль», «Март», «Апрель», «Сентябрь», «Ноябрь»), вре-

мя суток («Утро», «“День не промчится даром...”», «Вечерняя рыбалка», «Новогодняя ночь»). По одним только названиям стихотворений, отражающим реалии предметного мира, можно представить, насколько полифоничен комплекс лирических переживаний поэтессы, создающих многообразный образ отчего дома в первой главе книги.

Трансформация предметного мира в художественный, образный мир, в котором формируется образ родины – отчего дома, наиболее наглядно прослеживается на уровне пейзажной лирики, или лирики природы. Здесь пальма первенства принадлежит, конечно же, озеру Иссык-Куль, которому посвящено более десяти стихотворений – целый цикл («“Озеро моё горное...”», «На южном берегу Иссык-Куля», «Осенний Иссык-Куль», «Шторм на Иссык-Куле», «Алые маки Иссык-Куля», «Костёр у озера», «Синь и золото», «Преображение» и др.).

У лирической героини С. Сусловой с Иссык-Кулем неразрывно связана вся жизнь: «Озеро моё горное – молодость, старость, смерть...». Другие эпитеты, характеризующие озеро: «возлюбленное», «верное», «мудрое». Иссык-Куль награждается цветowymi эпитетами «голубой», «синий», «золотой», «седой». Его природная мощь уподобляется одушевлённым силам: на осеннем Иссык-Куле волны «с подспудным гулом так идут на берег, // Как будто в сон врывается орда», а во время шторма Иссык-Куль, созвав «тучи грозные на вече», бесчинствует, «как взбесившийся табун». А самое главное – Иссык-Куль наделён и чудодейственным свойством преобразить человека:

В живую воду брошусь, как в объятия
Родни, истосковавшей по мне,
На берегу оставив старость – платьем ли,
Иль лягушачьей кожей меж камней;
На берегу свидетеля не сыщется,
Как вышла я – чиста, смугла, юна:
Безбедной, беззаботной – но не нищенкой, –
Легко ушла в другие времена.

В Джеты-Огузе (в переводе – Семь Быков), где «миндально-горек воздух вешний», а осенью «пирамидами Египта // Пылают рыжие холмы», поэтесса, родившаяся в Год Быка, предаётся сокровенным раздумьям о том, как она, «упрямой всех, вреднее всех», польстившись на творческий успех, «дру-

зей теряла и любимых», «детей растила, как стихи // (Что народилось, то и есть!)», задаётся вопросом: а мы, люди, являясь частью природы, всегда ли помним про её любовь к нам, – и утешает себя мыслью о чудодейственном этом крае.

Не зря, наверно, край мой чудный
Меня с младенчества взрастил.
Кто вырос здесь – тот верит в чудо,
Пусть из последних даже сил!

Река Чу, «из тесных скал Боома, притчей длинной // Змеясь почти над самой бездной зла», являет поэтессе незабываемую картину, воспринимаемую зрением и обонянием:

Здесь ширь небес распахнута невинно,
Здесь речка Чу полна голубизны,
И аромат садов, плывущих мимо,
Ласкает ноздри духом новизны,
И даже пыль из-под колёс машины
Ванилью пахнет сладкою вдвойне...

Это – родина, отчий край, лучше которого нет ни на земле, ни за её пределами.

Хоть сотни раз, в восторге замирая
Здесь, на обрыве, над родной рекой,
Мы говорили: край наш лучше рая,
Как будто в чём-то спорили с собой.

Водопад на Кашка-Суу – Прозрачной Реке («то голубая, то под цвет заката») вызывает у поэтессы желание поразмышлять о быстротечности жизни: «прекрасной и, увы, подобной тризне, // Справляемой по-царски, напоказ», – а также поделиться с другими своим восторгом.

Могу ладонью воду зачерпнуть,
Напиться ледяной кипящей влаги,
И красоту вобрать в глаза и в грудь,
И подарить – хотя б холсту, бумаге.

Однако самым значимым объектом предметного мира в поэзии С. Сусловой является «дом родимый» – родительский дом в Кирпичном переулке, который стал прообразом, прототипом, моделью отчего дома (стихотворение «Отчий дом»). «Развалюха, сарайчик, // Не дворец и не вилла», он возникает

в памяти поэтессы как «детства солнечный зайчик», а «память детства – искусство», по утверждению С. Суслевой. Точно так же, из памяти – личной и исторической – извлекается прообраз синеглазой Азии. В поэме «Ала-кийиз» из книги «Пятое время года» в главе «От автора» мы находим знаменательные строки: «мои синеглазые предки» и «синеглазы мои сыновья», – а в главе «Память сердца» звучат строки из русской народной песни, которую поёт прабабка за прялкой:

– Ох, как же ты любил меня
Да за очи синие,
Да за косы русые,
Да за бёдра сильныя...

Вот он, художественный синтез национального и инонационального в образе «синеглазая Азия», который на поэтическом языке С. Суслевой выражен так:

Мне две памяти в жизни дано,
Двух племён бесконечное древо –
Два начала сплела я в одно,
Две любви,
два созвучных напева.

Эпитет «синеглазая» (по словарю Д.Н. Ушакова, «с синими, тёмно-голубыми глазами») тянет за собой цепочку других цветowych эпитетов, образующих сложную цветовую гамму художественного мира С. Суслевой.

Два основных цвета декларированы поэтессой в стихотворении «Синь и золото» (на память невольно приходят фиксинские строки о Киргизии: «Край синего и золотого – // Вторая родина моя»). В начале стихотворения эти строки ассоциируются с осенним Иссык-Кулем:

Это золото с синью извечно
Все туманы сжигает дотла.
Проясняются чувства и мысли,
И уходит тоска далеко.

А в конце стихотворения синий и золотой цвета проецируются на всю синеглазую Азию:

Мы отныне – родные по крови:
В наших жилах бушуют весь век
Синь и золото – то, что любовью
В образа поместил человек.

Упоминания об образах (иконах) не случайны: золотой и синий – это цвета христианской иконописи.

Эпитет синий с его корневыми словообразованиями («синева», «синь», «просинь»), конечно же, самый употребительный: «Там синий свет струится из небес»; небо летит, «пытаясь ливнем слиться с синевою»; «Опускается день на дно // Синева, тишины и покоя»; «Синь небес на город шла, как сель»; «В простор и синь вплетает осень тихо // Свой сладкий шёпот, травами шурша»; «Пережила так много зим и вёсен, // Вобрав в глаза и жар, и блеск, и просинь» и т. д.

Употребителен также эпитет голубой (светло-синий цвет) с корневым словообразованием «голубизна»: Иссык-Куль «может быть собою, голубым»; «В потёках осенней капли // Дрожит голубая звезда»; «Твой взгляд – как вкус беды – солёно-голубой»; «Озеро моё верное, ласки голубизна»; «Здесь речка Чу полна голубизны» и др.

Другой приоритетный цвет в «Синеглазой Азии» – золотой. Этот цветовой эпитет выражается не только именем прилагательным («В ущелье золотом Ала-Арча // Я очень часто думаю об этом»; город Пишпек «в вечном сверкании белом // Горных вершин, золотых облаков»; «Как птица, смущённая взглядом, // Взлетает листок золотой»), но и именем существительным («Могу смотреть, не отрывая глаз, // Как золото течёт с горы высокой»; «Сказочной казною листопад // Нас шутя одаривает щедро. // Всюду слитки золота лежат»).

На наш взгляд, в «Синеглазой Азии» можно выделить ещё один, третий, приоритетный цвет – зелёный. В предметном мире С. Суловой, как и в реальной действительности, это цвет зелени, травы, листвы, а в поэтическом мире – это цветовой эпитет, создающий художественный образ. Насколько значим этот эпитет, можно судить по стихотворению «Зелёный мир».

Зелёное –
Камнем любимым – нефритом,
Кошачьим агатом степным, малахитом,
Вместившей моря и луга бирюзой,
Тяжёлой, в кистях золотистых, лозой, –
Уводит меня от проблем чёрно-белых,
От быта, что весь иллюзорен, в напевы
Волны самоцветной, листвы – с ветерком...
Зелёное –
С детства возлюбленный дом.

Это начальные строки стихотворения, в которых с помощью эпитета «зелёный» создаётся два образа: набор любимых камней поэтессы по оттенкам зелёного цвета и возлюбленный ею с зелёного детства родительский дом.

И всё это – Азия милая наша,
Зелёная, полная радости чаша.

В конце стихотворения образ отчего дома кыргызстанцев проецируется на личностное восприятие лирической героини:

Вся жизнь моя – Азии полная чаша,
Бездонное озеро светлых минут,
Судьбы моей вечный живой изумруд!

Мы выделили только основные цветковые эпитеты «Синеглазой Азии», однако реально их значительно больше (алый, красный, рыжий, белый, чёрный, серый, седой и т. д.). Сложная цветовая гамма книги свидетельствует о сложном комплексе лирических переживаний в ней, о многогранности поэтического мира С. Суловой.

Итак, в главе «Отчий дом» представлен процесс создания поэтического образа родины. В двух других главах происходит творческое осмысление образа в двух измерениях – публицистическом и философском.

В главе «Ветер странствий» лирическая героиня отправляется в заграничное путешествие, чтобы увидеть другие страны воочию, а свою родину – издалека. Словом, как у Сергея Есенина:

Лицом к лицу – лица не увидать,
Большое видится на расстоянии.

Ветер странствий, который «впитал в себя встречи, разлуки, и солнце, и грозы», носит лирическую героиню по трём континентам – Азии, Европе и Америке, но она путешествует не по туристической путёвке, а по велению памяти, композиционно формирующей воспоминания о многих путешествиях. Отсюда эпиграф к главе, взятый у Беллы Ахмадулиной: «Мне вспоминать сподручней, чем иметь».

Большинство стихотворений имеют географические названия: «Казахстан, Астана», «Узбекистан, таможня (Черняевка)», «Обед в Ходженте», «Чёрное море, Болгария», «Германия, за околицей Падеборна», «Австрия, Вена», «Нью-Йорк»,

«США, лес вблизи Хадсона» и др. Меньшая часть названий нейтральна – с лирическими заголовками или вообще без заголовков: «Честно говоря», «На той земле», «Свидание», «Полёт», «Домой!» и др.; «“Как бы мне хотелось привезти...”», «“Сердце просит покоя...”» и др.

Отличительной чертой главы «Ветер странствий» является её познавательный характер, ибо её предметный мир многообразен. Несколько примеров. «Здесь за мгновенье дарит вечность // Красу – с излишком, через край» («Дорога через Кордай»). «Старые улочки Ташкента», где «обронён заветный стих» и ещё не выцвел «горбоносый профиль на стене» – речь идёт об Анне Ахматовой, эвакуированной сюда в годы войны («Ташкент»). Восточный обед за столом, скатерть которого напоминает «затейливый орнамент» («Обед в Ходженте»). «Древний, истёртый до дыр» болгарский город Несебр, где «горбатые улицы» выложены «древними римскими камнями», а море рисует «римской империи профиль» («Несебр»). Город, потрясающий «смешеньем вер, языков и рас» – «стоцветный рай, // Что адом стал в таком своём избытке» («Нью-Йорк»).

Композиционный стержень второй главы – формирование у лирической героини патриотического чувства – любви к своей родине в условиях изоляции от неё. Проследим основные вехи, точки соприкосновения заграницы с отчим домом, Синеглазой Азией.

Первое упоминание о Киргизии мы находим в стихотворении «Честно говоря». Признаваясь в нелюбви к Москве («Мы взаимно чужды – мною понято было внезапно // В толчее, в суете, на цепи неосиленных дел»), поэтесса с чувством превосходства заявляет:

На тебя гляжу с Терской выси,
Не плачу за милость и не плачу.

(Терской-Алатоо – южный хребет Иссык-Кульской котловины).

Аналогичная ситуация возникает в стихотворении «Польша, Варшава», где поэтесса после упрёка полякам («Вам теперь милее Запад, // Не указ уже Москва») иронично заявляет:

Впрочем, мы не из московских,
А кыргызских очень мест.

Патриотическое чувство к Киргизии наглядно проявляется в стихотворении «Венгрия, Будапешт». Созерцание столицы древних хуннов вызывает в сердце поэтессы «юный огонь», уподобляемый солнцу:

Это – солнце Азии, которой
Я навеки предана в веках.

Говоря об Охридском озере («Македония, Охрид»), поэтесса сравнивает его с Иссык-Кулем и мысленно переносится во времена Александра Македонского:

Может, так Македонский приметил кыргызское море?
Он вот также спускался к такой же хрустальной воде
Первозданного чуда, хранящего боль лихолетий.
Наши души – родня,
Хоть и встретимся только в Нигде...

В другом стихотворении о Македонии («Македония, Скопия») поэтесса приходит к мысли о том, что параллели между заграничными и отечественными реалиями не могут ослабить патриотическое чувство к родине:

...земля – почти кыргызская:
Всё те же горы, то же озеро, –
Но никогда не станет близкою.
Влюбляться вдруг в чужое поздно мне...

И в этом же стихотворении мажорным аккордом звучит последняя строфа, выражающая идейный смысл главы «Ветер странствий»:

Прощай навеки, Македония!
В гостях прекрасно, только хочется
Скорей на родину – до дома мне,
С ним слиться, словно имя с отчеством.

Логическим завершением главы является стихотворение «Домой!..» (вспоминается аналогичное название у Владимира Маяковского в цикле «Стихи об Америке»).

Уже не здесь, уже в пути – домой
Из благодатных, золотых, медовых
Прекрасных мест...
Мне этот край – чужой,
Как языка непознанное слово,

Что вроде и даётся, да на вкус –
Пусть самое прекрасное – невкусно.
В конце пути сверкает это чувство –
ДОМОЙ!..

А вот композиционным завершением главы поэтесса считает стихотворение «Встреча с Иссык-Кулем», в котором есть строфа с повторяющимся цветовым эпитетом «синева», неразрывно связанным с образом «синеглазая Азия»:

В белопенную гриву лицом зарываюсь,
Утопаю в объятьях блаженно-родных.
Так на ветке, наверное, нежится завязь,
Если ветер с дождём неожиданно стих.
В синеве материнская нежность таится.
Я кажусь себе маленькой, глупой, смешной.
У любви удивительно разные лица,
Только схожие всё-таки глаз синевой.

В третьей, и последней, главе книги – «Путешествие сознания» лирическая героиня С. Суловой предаётся философским размышлениям, о содержании которых можно судить по названиям стихотворений. Например: «Жизнь», «Запах родины», «Земной грех», «Время», «Художник», «“Всё проходит...”», «“Всё в минувшем...”», «О лжи», «Оправдание любви» и т. п.

Обращает на себя внимание множество афористических суждений, выписывать которые одно удовольствие. Например:

В полёте разве счастлив человек?
Уже упав, он скажет: было счастье!

Человек – он свободен, как птица,
Но в мечтах лишь живёт без оков.

Ноша не тяжела,
Если она – два крыла
Или же два весла
Вечных Добра и Зла.

Кто говорит, что жизнь людская мчится?
Она всего лишь тает, словно дым.

Недолговечна красота.
Виновна старость? Суета?
Нет! Совершенство – вот беда –
Всегда без удержу беспечно.

Пока стихи не выжжены в душе –
Они за нас в костёр идут, на плаху!

Всё на свете – плоды непомерных усилий,
Лишь поэты бывают всегда вопреки.

Последние два стихотворения в третьей главе можно считать итоговыми для всей книги.

В стихотворении «Зелёный мир» (мы уже упоминали о нём) есть замечательные публицистические строки, полемически направленные против тех, для кого Киргизия стала чужой. Думается, среди них подразумевается и поэт Вячеслав Шаповалов, создавший, как мы уже говорили, образ Киргизии – «чужого алтаря». Внимательно читаем:

Зачем же кривить мне душою, друзья,
Мол, здесь иноверцам не выйти в князья;
Не мать, мол, а мачеха эта земля,
Что зёрна судьбы здесь посеяла зря?
Я русская – да, но родная земле,
Где ум и душа вызревали во мгле,
Наитий, открытий – как угли в золе,
Всходили огнём на Добре и на Зле...
О да – и в обидах, бывало, но всё ж
Любовь побеждала наветы и ложь...
...Вся жизнь моя – Азии полная чаша,
Бездонное озеро светлых минут,
Судьбы моей вечный живой изумруд!

Последнее стихотворение – «Письма из прошлого», датированное 1974 – 2014 гг., представляет своеобразную лириче-

скую поэму. Она возвращает нас к первой книге С. Суловой – «Моей Азии», точнее к циклу «Ала-кийиз», а также к поэме «Ала-кийиз» во второй книге – «Пятое время года». Ала-кийиз – это кочевничий ковёр, сотканный из войлока и украшенный узорами, в которых, как в художественном образе, зашифрованы многообразные понятийно-эмоциональные значения. Таким ала-кийизом, только словесным, являются «Письма из прошлого», а узорами – реалии киргизской национальной жизни, постоянно сопровождавшие женщину: кюн, кун, кыз-куумай, джигит, калым, калам, апа и др. Раскрывая смысл каждого узора, С. Сулова тревожится о том, что в современной жизни значения этих слов забываются.

На кийизе спресованных лет
Вязь порою весьма различима.
Вместо слова остался лишь след –
Бестелесный расплывчатый символ.

Более того, поэтесса задается вопросом, который обращён к современному поколению:

Что оставим мы детям своим?
Чем мы землю родную застелим?

В заключение обратим внимание на художественное оформление книги. Дело в том, что в качестве иллюстратора выступает сама поэтесса, а иллюстрациями являются живописные картины маслом на холсте. Кстати, Светлана Георгиевна имеет уже давнишний опыт автоиллюстрирования – книги «Концерт для скрипки с оркестром» (1984) и «Лестница лет» (2002). Но там была графика, а здесь – живопись.

Забросив кисть на долгих сорок лет,
Я вдруг в шкафу нашла её случайно.
И вспыхнул в сердце тот далёкий свет,
Что в юности манил – разгадкой тайны, –

признаётся поэтесса в стихотворении «Призвание». Увлечение живописью было настолько сильным, что вывело самодеятельного художника на профессиональный уровень, в чём можно убедиться, взяв в руки «Синеглазую Азию».

В книге тридцать две картины-иллюстрации, которые имеют одинаковые названия с иллюстрируемыми стихотворе-

ниями и размещаются на наклейках параллельно с текстами. Следовательно, это не просто иллюстрации, а художественные интерпретации словесных образов в изобразительные и, наоборот, изобразительных образов в словесные, т. е. синтезируются разные искусства – литература и живопись. Более того, живописные картины воспринимаются и как самоценные произведения, вне текста. На нас наибольшее впечатление произвели картины «Первая звезда», «Зимний закат», «Вечерняя рыбалка», «Маки предгорья», «Восход», «Свидание», «Сны о маме», «Дикая яблоня», «Танцующий ирис».

Если говорить о словесно-художественном мастерстве С. Сусловой, то мы бы отметили: повышенный интерес к жанру рубаи (четверостишия в восточной поэзии), моноримические стихи (стихотворения на одну рифму), графическое переформление стиха в прозу (стихопроза), использование неавторской речи (цитаты, реминисценции, аллюзии). Однако оставим эти аспекты для профессионального научного разговора. А для читателей журнала сделаем вывод: «Синеглазая Азия» безусловно покорила любителей поэзии, в первую очередь поклонников Светланы Сусловой. Это весомый вклад в русскую литературу Кыргызстана.

МАРУ БАЙДЖИЕВУ – 80!

Дорогой Мар Ташимович!

Редакционная коллегия и читатели журнала «Литературный Кыргызстан», постоянным автором которого Вы являетесь на протяжении многих десятилетий, поздравляет Вас с юбилейной датой – очередной вехой на Вашем жизненном пути.

Ваша личная и творческая биография неразрывно связаны с историей нашей страны, летописцем которой Вы как художник являетесь на протяжении длительного времени, начиная с 1960-х годов. За этот период Вы успешно освоили целый ряд творческих профессий и зарекомендовали себя как многогранный художник-билингв: драматург, прозаик, сценарист, режиссёр театра и кино, переводчик, манасовед.

Ваша драматургия получила европейское и мировое признание. Ваши пьесы ставились в театрах Советского Союза, Германии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Австрии, Швеции, Финляндии, Монголии, Канады, Коста-Рики и других стран. Более того, они получили художественные интерпретации в других видах искусства – в кино, на телевидении, в опере и балете.

Фильмы, созданные по Вашим произведениям и Вашим сценариям, были удостоены высших дипломов на Всесоюзных и Всемирных фестивалях.

Последней по времени Вашей творческой работой было

поэтическое переложение на русский язык трилогии «Манас», которая уже переведена на несколько иностранных языков.

Ваши заслуги перед государством получили высокую оценку. Вы Народный писатель и Заслуженный деятель искусств Кыргызстана, Отличник кинематографии СССР, академик Национальной киноакадемии, кавалер ордена «Манас».

Ваша творческая деятельность всегда была предметом изучения в критике, литературоведении и искусствоведении. Только что вышла из печати монография одного из исследователей Вашего творчества Аллы Нарозя «Поэтика драматургии Мара Байджиева», приуроченная к Вашему юбилею. Примите и наш подарок – рецензию на эту книгу, автором которой является член редколлегии журнала Бахтияр Койчуев.

Желаем Вам, дорогой Мар Ташимович, богатырского здоровья, высокой жизненной активности и новых творческих свершений.

Редколлегия «ЛК»

ДРАМАТУРГИЯ МАРА БАЙДЖИЕВА В ЗЕРКАЛЕ ПОЭТИКИ

Поэтика – одна из старейших литературоведческих дисциплин, основателем которой считается Аристотель. В современном понимании это наука о структурных формах художественных произведений, о системе изобразительно-выразительных средств, придающих произведению эстетическую целостность. В советском литературоведении отношение к поэтике носило предвзятый характер из-за обострённого интереса к проблемам художественной формы, а значит и к формалистическим тенденциям. Сейчас же поэтологическое изучение литературы воспринимается как прогрессивное явление, дающее литературоведу возможность проникнуть в тайны художественного мастерства писателя.

Именно этими соображениями руководствовалась А.Г. Нарозя, автор монографии «Поэтика драматургии Мара Байджиева»¹. Алла Георгиевна Нарозя – кандидат филологических наук, научно-педагогический работник гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета «Манас», автор публикаций на русском, киргизском, украинском, турецком и английском языках.

Писателя Мара Ташимовича Байджиева, живого классика киргизской литературы, можно не представлять, но напомнить о его творческих заслугах будет не лишним. Писатель-билингв, он драматург, прозаик, сценарист, режиссёр театра и кино, переводчик, манасовед, но прежде всего он драматург. Его пьесы получили европейскую и мировую известность, ста-

¹ Нарозя А.Г. Поэтика драматургии Мара Байджиева: Монография / Науч. ред. проф. В.И. Шаповалов. – Бишкек: Турар, 2014. – 192 с.

вились в более чем ста театрах, обрели иную жизнь в других видах искусства – в кино, на телевидении, в опере и балете.

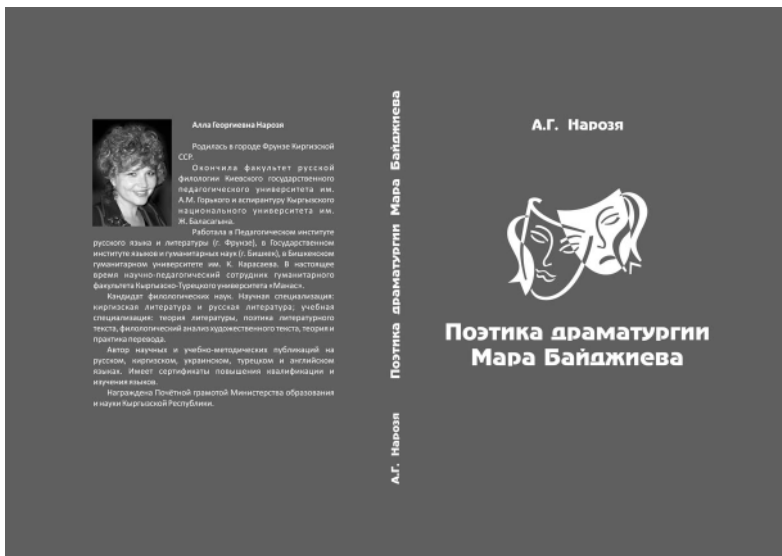
Монография А.Г. Нарозя – первый в байджиеведении труд в этом научном жанре. Цель исследования, по словам автора, – «постижение художественного мастерства М. Байджиева-драматурга в дискурсе содержательной формы литературного произведения как важнейшей категории поэтики» [с. 10]. Объектом же исследования является «большая», т.е. многоактная, драматургия, изданная в полном объеме на русском и киргизском языках. Изучение источников проводилось по трём направлениям: поэтика жанра, поэтика образа-характера и поэтика сценичности.

Обращает на себя внимание теоретическое положение А.Г. Нарозя о тяготении байджиевской драматургии к эпическому роду литературы, ибо М. Байджиев по своему творческому призванию является одновременно и прозаиком, и драматургом. «Образно говоря, – констатирует исследователь, – проза и драматургия – два крыла литературной деятельности М. Байджиева, которые в равной мере способствовали его творческому взлёту, помогая друг другу: проза – драматургии, а драматургия – прозе» [с. 18].

Видимо, истоки эпико-драматического мироощущения М. Байджиева следует искать, в первую очередь, в перипетиях его личной судьбы, кровно связанной с историей литературы Кыргызстана. Отец драматурга – Ташим Байджиев – был видным литературоведом, исследователем эпоса «Манас», репрессированным и сгинувшим в сталинских лагерях. Символично и закономерно определено судьбой и сыновним долгом, что М. Байджиев, взойдя на перевал творческой зрелости и отдавая дань памяти отцу, обратился к эпосу «Манас» – ментальному коду киргизского народа и создал по мотивам героического эпоса «Сказание о Манасе». В энциклопедическом феномене «Манаса» заложены основы эпического повествования о мире, драматические коллизии киргизского народа и лирическое мироощущение человека. Представляется, именно здесь необходимо искать мирозерцательные основы творчества М. Байджиева. Вскормленный народным творчеством и обогащённый русской художественной традицией, М. Байджиев на очередной стадии развития национальной литературы обратился к относительно новому для киргизского общества виду искусства – драматургии, сказал своё вёское слово и тем самым обогатил национальную культуру.

В первой главе монографии – «Поэтика жанра: от эпической драмы до трагикомедии» – выявляется жанровый диапазон драматургии М. Байджиева, охватывающий все видовые модификации драмы: трагедию, комедию и драму. Интересен вывод исследователя, свидетельствующий об определенном социальном оптимизме творчества М. Байджиева: «Ведущим жанром драматургии М. Байджиева является драма как вид, занимающий промежуточное положение между трагедией и комедией. Отличительная же черта драмы, как известно, изображение личности в её драматических отношениях с обществом, но при наличии конфликта, который так или иначе разрешим» [с. 65].

Во второй главе – «Поэтика образа-характера: байджиевские герои в пьесе и на сцене» – исследование концепции личности даёт автору возможность классифицировать байджиевских героев на четыре категории: тип энергичного человека, или хозяина жизни; тип искателя истины, или правдоискателя; тип жертвы застоя (исторических обстоятельств) и тип маргинального героя». Представленные типы героев свидетельствуют о социальной направленности драматургии М. Байджиева, в которой главенствующая роль принадлежит утверждению нравственных принципов. В этом отношении

драматургия М. Байджиева далека от художественно-эстетических поисков модернистского и постмодернистского театра с его осознанием абсурда бытия и тяготением к игре как основе жизни и искусства. М. Байджиев является продолжателем гуманистических традиций классической драматургии, прежде всего русской.

В третьей главе – «Поэтика сценичности: герменевтика художественного текста» – исследуются две формы сценичности: литературная и театральная. По мнению автора монографии, М. Байджиев в совершенстве владеет драматургическими приёмами и средствами литературной сценичности. «Его сценические указания, даваемые в ремарочном тексте, тщательно продуманы и пластически выверены. Заглавия его пьес – это, как правило, образы-символы, формирующие предпонимание текста, а подзаголовки хорошо выполняют свою прогнозирующую роль. “Чужие” тексты – цитаты, реминисценции, крылатые слова и выражения – во многом обогащают авторский текст в качестве художественного контекста. Наконец, его пьесы музыкальны, т.е. ориентированы на использование в них музыкальных произведений, музыкальных мотивов и образов, повышающих их эмоциональную энергию» [с. 176–177].

Наибольшей популярностью пользуется пьеса М. Байджиева «Дуэль», что оправдывает изучение её интерпретаций в различных видах искусства (спектакль, кинофильм, опера, балет) в отдельном разделе монографии. Интерпретации свидетельствуют об общечеловеческой значимости социально-философского пафоса произведения, в основе которого предназначение и смысл человеческого бытия, выражаемого различными средствами искусства.

В исследовании А.Г. Нароза впервые обосновывается научное понятие «театр Байджиева». «Театр Байджиева – это:

– камерный театр с его камерной драмой, концентрирующей внимание на самоцельности, и с его малой сценой, создающей эффект непосредственного общения с любым, отдельно взятым зрителем;

– психологический театр, главной особенностью которого являются внутренние противоречия личности, сложные движения души;

– реалистический театр, который отражает жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни и воплощающих принципы жизненно-правдивого отражения действительности;

– интеллектуальный театр с его ориентацией на зрителя с развитым интеллектом, а не потребителя массового искусства;

– литературный театр, опорным понятием которого является драма для чтения (Lesedrama) – литературное произведение, имеющее характерные признаки драматического рода, но может быть использовано для чтения, в том числе и со сцены;

– музыкально-драматический театр, в котором слово целенаправленно обогащается музыкой, а музыкальные образы вступают в художественное взаимодействие со словесными образами». [177]

В заключение работы А.Г. Нарозя намечает дальнейшие перспективы поэтологического рассмотрения драматургии М. Байджиева. Наиболее очевидными аспектами изучения содержательной формы ей представляются: поэтика конфликта, поэтика сюжета, поэтика композиции и архитектоники, поэтика хронотопа (художественного времени и художественного пространства), поэтика монолога и диалога, поэтика жеста, поэтика рамочного текста. В строго научном плане это не вызывает возражений, однако думается, что предложенные направления носят частный характер и выведут исследователей на такие же результаты, к которым пришла А.Г. Нарозя.

Наверное, на сегодняшний день изучение драматургии М. Байджиева нашло свое наиболее полное осмысление в монографии А.Г. Нарозя, которая отличается научной строгостью и достоверностью, добросовестностью и дотошностью, любовью к предмету своего исследования. Самодостаточную ценность имеет библиографический список литературы, включающий 158 источников. В него входят: книжные издания драматургических произведений М. Байджиева, теория и практика драмы, научная и учебная литература, критическая литература и справочная литература.

Материалы монографии можно использовать в научной работе, при разработке вузовских курсов по истории киргизской литературы, а также русскоязычной литературы Кыргызстана, при разработке спецкурсов, спецсеминаров и учебных пособий по драматургии, наконец, при возможной подготовке научного издания сочинений М. Байджиева.

Мар Байджиев и сегодня активен, полон жизненной энергии и творческих замыслов. Хочется верить, что его любимая Мельпомена вновь посетит нашего аксакала – и

вновь зазвучит его звонкий голос, чтобы поведать о судьбах людей, живших на стыке веков и тысячелетий.

Монография А.Г. Нарозя издана с посвящением «К 80-летию со дня рождения Народного писателя Кыргызстана Мара Ташимовича Байджиева» и является достойным подарком от научной общественности к этой знаменательной дате.

Михаилу РУДОВУ посвящается

СОРАТНИК СВОЕЙ ЭПОХИ

Творцы эпохи, определяющие ее зримые черты в той или иной сфере деятельности, сами становятся вровень с нею, становятся ее соратниками. Именно при слиянии с эпохой они представляются живыми, полнокровными, пульсирующими и по-настоящему значительными. В плеяде таких творцов – мэтр русской словесности нашей республики, профессор Михаил Александрович Рудов. Без него, без его подвижнической деятельности немислима, непред-

ставима история развития русской филологии за последние шестьдесят с лишним лет. И это особенно остро обозначилось, стало видно после того, как он ушел из этого мира в конце прошлого года. Увы, мы привыкаем к присутствию рядом крупных личностей, и их истинную значимость ощущаем лишь тогда, когда вместо них возникнет вдруг зябкая пустота...

Сегодня в журнале публикуются посвященные М.А. Рудову воспоминания о нем, размышления о нашей культуре, о поколении ее первостроителей, написанные филологом, одним из тех, кто наследует своим учителям, профессором В.И. Шаповаловым. Эти заметки – своеобразный документ о личности одного из ярких и значительных филологов, педагогов, строителей культуры, представителей русской литературы Киргизстана...

В кратких и торопливых попытках вспомнить прошлое заключается, одновременно, и невозможность его воссоздать, и невозможность его забыть.

Сейчас минуло почти полвека с первой моей встречи с Михаилом Александровичем: меня, школьника, уже осознанно выбравшего филологическое будущее, представил доценту (тогда в этом слове звучали колокола славы погромче, чем ныне в слове «академик») один из старшекурсников.

Значение этой встречи было для фрунзенского мальчика, полюбившего литературу, в чем-то типичным. Прежде всего, потому, что в университетских сообществах той поры личностные черты профессиональных лидеров, а М.А. Рудов был именно таковым, создавали некий особый эффект «субкультуры», интеллектуально-творческой эзотеричности, значимости, самооценности, ощущения которых так не хватало в основательно выхолощенном обществе 60-х годов. В республиканских столицах СССР вокруг таких людей и складывались маленькие (а потом и большие) кружки, научные школы, академические традиции. Москва, как и сейчас, была полна лучшим человеческим материалом. Но и в «провинции» встречались люди огромного масштаба. В авторитетном старом университете преподавал в г. Тарту – Ю.М. Лотман,

в Алма-Ате – А.Л. Жовтис, в восточно-украинском Донецке – М.М. Гиршман, в Баку – С.Г. Асадуллаев, в Душанбе (чуть раньше) – П. Балтин... Во Фрунзе же – Е.К. Озмитель, М.А. Рудов, Л.А. Шейман. Как правило, с такими педагогами-лидерами были связаны ощущение иной национальной (и наднациональной!) культуры, появление новых идей, эволюция науки, методология которой контролировалась официальной властью с особой тщательностью.

Есть особый кураж, который испытывает лектор, выходя к студентам и зная, что им близко и интересно то, чем он и только он один (а так, как он, уже более никто!) может с ними поделиться. Ясное дело, в хорошей гуманитарной лекции есть что-то «сверх-информационное», заставляющее подумать о магической силе церковной проповеди. Михаил Александрович Рудов был невероятно артистичен, и такие его лекции – а они часто были именно такими! – собирали толпу. И все это не только с восторгом воспринималось его учениками, но и вольно или невольно впитывалось ими, становилось их второй натурой.

Вот по сему поводу воспоминание: 1973 год, преподаю в Пржевальском пединституте, читаю поточную, человек на 300, лекцию заочницам в громадном актовом зале, тема лекции самая что ни на есть рудовская: «Сюжет в художественном произведении». К середине лекции вдруг вижу на заднем блоке двух «инопланетян» – своих однокурсников Светлану Суслову, поэтессу, и Марата Суюналиева, тележурналиста: сидят, улыбаются, ясно, что приехали в командировку. Посылаю им «привет» – «рудовским» голосом и орфоэпией, имитируя его изумительную петербургскую отчетливость произношения, начинаю его знаменитое: «Рассмотрим э-э сюжет... сюжет чеховского рассказа... Смерть чиновника... чиновника... В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзектор Чеервя-аков... Чеервяков... отправился в театр... посмотреть... послушать... Корневильские колоколаа...» Смотрю, мои не-званные гости спрятались под блок и хохочут до судороги...

Уже после, вечером, за стаканом, ужасно довольный своей выдумкой, спрашиваю: ну как я вам Михал Саныча показал? И в ответ, к своему ужасу, слышу: «Дурень, да ты всю лекцию, а не только то, что нам тут показывал, голосом Рудова читал!»

Вот те раз!.. И значит, рудовское, озмителевское и прочее впечаталось в наши личности гораздо отчетливее, неизгладимее даже, чем мы могли себе тогда (да и позже) представить...

Ближе к старости (я видел) Михал Саньчу поднадоело читать лекции с такой неукоснительной убежденностью в ценности литературного дела. Что ж, о такой грустной эволюции приходилось не раз слышать, когда коллеги говорили о многих великих лекторах, потерявших вкус к лекциям; а потом уж, в возрасте, я и сам столкнулся с ощущением, что кураж ушел... Однако же вот когда, в 60-е годы, читал лекции Рудов, то над всем пространством – и пространством аудитории, и твоим личным, «перцептуальным» пространством, и над пространством мироздания! – парил и царил бархатный рудовский баритон, и казалось, вся человеческая мысль существует и озвучивается лишь для того, чтобы улечься в стройные периоды неких божественных смыслов, и казалось, что за пределами этого пространства существует лишь невыносимая скука, банальность и дисгармония... Потом звенел звонок, Рудов, улыбаясь, исчезал, как Чеширский Кот, а у нас (по крайней мере, многих из нас) медленно отходил чудесный наркотик: угасал еще стоящий в ушах звук голоса, рассеивались виденья, обрывались цепи совершенно невозможных в другое время ассоциаций – и порой сам собой задавался вопрос: а о чём же была лекция?..

Веселого (и далеко не всегда добродушного) ехидства по поводу того, «о чём же была рудовская лекция» было немало... Но когда (к старшим курсам) я уже созрел, почувствовал природу литературы, ощутил «привкус философского камня», то ощутил и должным образом оценил внутренний строй и высокую смысловую парадигму лекций М.А. Рудова, тогда уже, кстати, профессора. И уже немало работал филфакovsky «преподом», я в полной мере воздал должное прихотливости и сложности того интеллектуального узора, той мелодии мышления, которые всегда стояли за рудовскими лекциями. В последние годы Мастер реже дарил нас таким гипнозом творческого анализа; видимо, надо было сложиться каким-то особым факторам – и тогда посреди самого обычного и скучного официального наукообразного доклада вдруг звучали совершенно иные слова, которые мог произносить только Рудов.

Мне пришлось услышать однажды такие слова в совершенно лапидарной, неспешной профессиональной беседе. Рудов собирал тогда книгу Токтогула – великого затравленного акына (одного из самых искренних поэтов Киргизии), которого на его глазах перевели два поколения поэтов. Кое-какие вещи он переводил заново, а некоторые доверил мне. И вот

Михал Саныч рассказывает, как «поэт Рувим Моран, будучи политэзком в лагере, исхитрился послать своей жене перстень, сделанный его товарищами, – с кусочком камня из тех, что они добывали в карьерах; если бы жена Морана ответила в письме, что подарок получила (переписка прочитывалась), многие бы пострадали. Но приходит письмо, а в письме ее фото, где она держит в руках лагерное колечко, смотрит на него с печальной нежностью... Понятно, что подарок дошел до неё»... И тут я слышу, что голос Рудова как-то странно дрогнул, я глянул на него и поразился: в глазах этого человека, который так часто казался (да и успешно бывал) сухим, официальным, желчным, язвительным, раздраженным, холодным, бесконечно дистантным, – в этих синих, обрамлённых покрасневшими веками глазах стояли слёзы...

Чрезвычайно важно (и ученики, и подражающая молодежь всегда это остро чувствуют!), чтобы их наставник в своей позиции был последователен и искренен. Даже если в данный момент эта его позиция для тебя чужда, ты (не сразу, но с годами) начинаешь понимать, что чужие принципы – вещь, требующая как минимум уважения. Автор этих строк очень часто не сходил с Рудовым в оценке литературных явлений. Но всегда, сколько бы я, человек увлекающийся, но верящий в свой литературный вкус, ни злился, ни возмущался или недоумевал, всегда чувствовал, что мой уважаемый оппонент не играет, не притворяется, что таковы его убеждения, а убеждения, нужно принимать как данность. Другой вопрос, что часто такое становится позой, и это приходилось видеть у многих, часто очень значительных ученых. Помню, покойный В.В. Кожин, суперэлитный критик и литературовед Москвы, с большой гордостью авторитетного столичного сноба сказал мне, юному провинциальному аспиранту: «Я, собственно, зять убийцы Маяковского!» И уточнил (видимо, глянув в мои недоумевающие вытупленные глаза), что его жена – литературовед Ермилова, дочь того самого Ермилова, что упомянут в предсмертной записке поэта...

У профессора Рудова никакой, конечно, «игры» в этом смысле не было, и быть не могло, тут вообще диагноз другой: Михал Саныч (как, кстати, и его друзья-литературоведы) не особо любил «вставлять себя» в исторические портреты, предпочитая часто оставаться за кадром: много важных государственных документов той и последующих эпох написаны его рукой – но об этом мало кто знает. И потому его наличие

в интерьере страны было всегда бесспорным – и в 60-е, и в 70-е, и во все прочие десятилетия, когда порой вообще русской культуре модно было удивляться: а это, мол, что тут у нас такое?! А это была, прежде всего, русская культура, это был русский язык. И бороться за эти категории бытия М.А. умел мастерски, и, по-моему, нисколько не устал – до последних дней.

Наверное, в толпе воспоминаний (буде такая соберется сейчас, когда важнейшие образы прошлого, сформировавшие лучшее в сегодняшней эпохе, рискуют раствориться в полном и бездарном забвении) у кого-то лучше и полнее, чем у прочих, останется в памяти труд М.А. Рудова как русиста, заслуженного учителя Киргизстана, автора хороших хрестоматий и учебников, «каких уж нет в отечестве моём». Кто-то сможет рассказать о профессоре Рудове как неутомимом искателе в пластах кыргызстанской революционизированной культурной истории, имея в виду его книгу «Уполномоченный партии» о некоем Фурманове, комиссаре небезызвестного комдива Чапаева. Название еще одной рудовской книги напомнит о Ленине в киргизской поэзии. Об этом посожалею: на что ушли годы труда редкостно талантливого ученого, которого его же собственный гражданско-политический концептуализм загонял как литературоведа порой в патовые ситуации...

Передо мною же лежит бережно читаемый его труд с изумительно скромным названием «Жанр басни в русской литературе» – труд, литературоведческий семинарий, который поставил профессора Рудова в первый ряд русских филологов СССР, исследователей величественного и сложного процесса зарождения русской литературы, труд, который фактически показал современникам, как должен работать истинный историк литературы.

Трагедийно-сатирическая фантазмагория национального реалистического видения мира, слияние русифицированного византийского житийного изошрённого гуманизма и изначально карнавальная смеховая культура скоморошеского гротеска – вот главная, неповторимейшая черта русской художественной культуры. Именно она дала подлинно «первого русского национального поэта» Николая Гоголя, а затем Салтыкова-Щедрина, Лескова, Достоевского, Толстого и всю «святую» составляющую русской литературы. И в основе этой пирамиды стоит приснопамятный Иван Андреевич Крылов с его абсолютно неповторимым басенным и иным наследием – и никто с

такой убедительной силой не обосновал этой мысли, как историк русской литературы профессор Рудов. Такое открытие дорогого стоит.

... В 2009 году вышла книга М.А. Рудова с неожиданным названием – «Стихотворной строкой». Она вышла накануне его восьмидесятилетия как наконец-таки собранное под одной обложкой триединство творчества поэта, переводчика киргизской поэзии и баснописца. Сочетание нынче нечастое, мало-возможное. Настолько неожиданное, что категорически требует ответа на вопрос: что же лежит в основе такой – именно такой! – модели творчества?

Рудов-поэт всегда тяготеет к логически выверенной структуре стихотворения, он краток, афористичен и с подозрением относится к метафоре. Тщательно выверенная интонация, скупость средств («Посади виноградные лозы, напои родниковой водой. Поздней осенью их от мороза камышом аккуратно укрой...») – и максимум точности в штриховой культуре изображения.

Как баснописец, Рудов остроумно заставляет работать жанр-анахронизм именно на текущие запросы, и – наивный! – верит, что это чему-то где-то как-то поможет в нашем бытии...

Переводчик киргизской поэзии – Рудов демонстрирует интерес отнюдь не к магистральным авторам и произведениям национальной литературы в расцвете XX века, не к эпосу «Манас». Нет, он (обратившись к переводу уже в преклонные годы) демонстративно сразу уходит в закоулки истории изустного слова, к принцу племени монголдол мудрецу Калыгулу, к алайской царице Курманджан, к Женижоку Безрукавному, к надписям на каменных стелах – в маргинальные пласты, которые, тем не менее, известны и любимы в народе. Что, М.А. избегает соревновательности с мастерами перевода (а киргизскую поэзию переводил, надо сказать, значительный отряд известных русских поэтов)? Нет, рудовские переводы Токтогула показали плодотворность его этнокультурного подхода, были удачны и с переводами из Тыныстанова.

Думается, профессор М.А. Рудов здесь выступил в осознанной своей позиции, которую можно в качестве определения применить по отношению ко всему, что он делал как ученый, как литератор, как педагог. Это – культуртрегерство, или, лучше говоря, по-русски, – просветительство. Вот почему в его творчестве сошлись жанры басни, поэзии и перевода, в его научно-педагогической работе – литература и школа, за-

щита русского языка и культуры, обостренный интерес к кыргызскому языку и искусству слова... Только просветительская задача и просветительское мировоззрение способны свести в одно эти области гуманитарного труда, столь далекие друг от друга, тем более в XXI веке.

Просветителями не рождаются. Это звание даруется судьбой после долгих мытарств и осознания цели. Так, по крайней мере, было всегда.

Так оно есть и сейчас, дорогой Михаил Александрович. Вечное спасибо Вам и светлая память!

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

ПОКИНУВ НАС, ОСТАЛСЯ С НАМИ

Я уйду, и травой порастет мое имя.
Не заплачет вдова, потому что жену схоронил.
Сочинят некролог, обозначив словами скупыми,
Что тогда-то родился и столько-то времени жил.

Но газетною пылью становятся все некрологи,
И глухая крапива на ржавых руинах растет.
Ничего не прошу, и терпенье на скорбной дороге
В бесконечное царство забвенья меня приведет.

В этих последних стихах Михаила Александровича звучит человеческая обыкновенность, преследующая всякого, готовящегося покинуть наш мир и уйти в иной, никому неизвестный. Но на самом деле Михаил Александрович не таков. И с этим его «реквиемом» после ухода М.А. не согласились все, знавшие его.

Думается, здесь ему скорее подойдут им же переведенные на русский язык стихи Калыгула:

Я Калыгул, Баев сын,
Вот моей речи зачин.
Не станет меня, но мой сказ
От чистого сердца для вас,

Когда наступит черед,
Свое примененье найдет.
И вспомнят меня, может быть,
Но сможет ли кто повторить
Слова наизусть целиком?..

Собственно, сам Михаил Александрович – человек «стихотворной страсти» и высокой учености – считал обязательным знать наизусть стихи любимых им поэтов.

Мне довелось быть однажды свидетелем удивительного действия поэтического диалога двух поэтов. Произошло оно по дороге к месту проведения одной из научных конференций на священной земле Иссык-Кульской. Здесь мы навестили место погребения кыргызского поэта Калыгула... Михаил Александрович подождал, пока все уйдут и, поднявшись на небольшой холмик перед гумбезом поэта, постоял еще минут пятнадцать, казалась бы, в полном молчании. Только медленнодвигающиеся губы свидетельствовали о том, что Михаил Александрович что-то говорит...

– Михаил Александрович, вы общались с Калыгулом его стихами на кыргызском? – спросила я его потом, когда вернулись в автобус.

– Да, – ответил он очень просто, наверное, продолжая все еще «общаться» с Калыгулом.

Мне стало неловко за непрошенное вторжение, может быть, во что-то очень сокровенное.

Позднее я узнала, что Михаил Александрович много лет работал с творениями кыргызского поэта для того, чтобы поэтический дух Калыгула «коснулся уха» в русском звучании.

Он не уставал повторять, что переводческая деятельность требует тщательной работы над языком, на который переводится текст, и над языком с которого делается перевод. Здесь происходит глубокое освоение чувства, идеи и высокого смысла самого Слова. В этом случае переводчик – Рудов, охваченный «стихотворной страстью», – замечательный знаток и языка Пушкина, и языка Калыгула, ибо он работал над ними.

В его книге переводов находим и такие стихи:

А у жены хорошей
Такая есть примета:
Как яблочко по форме
Она замесит тесто

И хлебом всех накормит,
Поставит всё на место,
Упавшее поднимет,
Разорванное свяжет,
И ничего дурного
О ней никто не скажет.

Вероятно, это о них – двух его женщинах – супруге Зинаиде Герасимовне и дочери Машеньке думал Михаил Александрович, когда писал эти строки. Им он был верен всю жизнь и от них он черпал энергию жизнелюбия и дарил ее людям.

Имеется в нашем семейном фотоальбоме фотография на память: да, это мы с Михаилом Александровичем лихо отплясываем лезгинку на юбилейном торжестве нашего университета. Причем Михаил Александрович только что перенес тяжелую операцию, да и я – далеко не в юном возрасте «девушка».

Теперь эта фотография и нашей семье как Память о Человеке–Подвижнике с удивительной фамилией – Рудов. В «Голубиной книге» – величайшем памятнике Древнего Ведания наших предков – Родноверов сказано:

От чего у нас ум – разум?
От чего наши помыслы?
От чего у нас мир – народ?
От чего телеса наши?
От чего кровь – руда наша?..
Наши помыслы от облац небесных,
У нас мир – народ от Адамия,
Кости крепкие от камня,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь – руда наша от черна моря...

И Михаил Александрович всю жизнь искал своего ответа на вопросы, поставленные в «Голубиной книге», надеясь, что они если не ему самому, то «нам однажды пригодятся».

Вспоминается, как в пору моей школьной юности, более 50 лет назад, на бывшем кольцевом газоне по проспекту Чуй – где сегодня по одну сторону здание Национальной академии, по другую – корпус Национального университета, стоял православный Серафимовский собор.

История свидетельствует о том, что освятили его в 1902

г., рядом были посажены два дуба... В середине 30-х гг. собор был обезглавлен и преобразован в детдомовский клуб и склад. В середине 50-х гг. XX в., когда в городе прокладывали короткую троллейбусную линию, клуб снесли. «Серафимовский собор, сложенный из тянь-шаньской ели, развалили споро; бревна, звеневшие, как струна, сразу же растащили, а могучие дубы до последнего держались за жизнь, старались зарастить раны от автомобильных наездов, и вот остался один – израненный и последний». – Так с горечью и печалью пишет в Послесловии к книге Н.Ф. Лидеман «Был такой дом» бывший воспитанник этого детского дома Михаил Александрович Рудов, которого в детдомовской семье звали Рудиком.

Не случайно, наверное, накануне своего юбилея Михаил Александрович посчитал своим долгом издать книгу о воспитателях и воспитанниках своего детского дома. Прочитав книгу, я думаю, что автор по поводу моральных и эстетических качеств, а также опыта своих воспитателей и педагогов, имевшего в виду, очевидно, и поколения наших предшественников:

«...Мы часто живем безответственно, не дорожим тем, что надо хранить и преумножать. И вот сейчас, в наше сложное время передела жизни, переустройства быта и смены ценностей, мы не вынесли главного урока из воспитания детей без родителей, смысл которого состоит в том, что честность и любовь воспитателей способны вывести беспризорников на достойную дорогу жизни... В пору моей детдомовской жизни коллектив воспитателей состоял из людей кристальной честности и порядочности, и я многих из них помню всю свою жизнь...»

Теплые воспоминания Михаила Александровича связаны не просто с теплыми детскими чувствами, скорее, с той «путевкой в жизнь», которую дали ему и всем членам детдомовской семьи педагоги и воспитатели. И он, наш Учитель, передал эту «путевку» нам, Его ученикам. Мы же обязаны передать ее достойно новым поколениям, сея Разумное, Доброе, Вечное.

Валентина ВОРОПАЕВА

Коротко об авторах

Олег БОНДАРЕНКО

Родился в 1960 году – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десятка книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы. Создатель и главный редактор сайта www.literatura.kg

Валентина ВОРОПАЕВА

Профессор Кыргызско-Российского Славянского Университета, кандидат исторических наук.

Родилась в Чечено-Ингушетии, в казачьей станице Алпатово, в 1939 г. В Кыргызстане живет с 1942 г. Окончила Киргизский государственный университет. Ранее работала научным сотрудником, преподавателем Педагогического института русского языка и Бишкекского гуманитарного института. Лауреат Государственной премии Кыргызской Республики в области науки и техники, обладатель Золотой медали Международного Фонда им. Е.И. Рериха, Медали А.С. Пушкина. Автор серии научных публикаций об А.С. Пушкине, подвижниках истории и культуры России и Кыргызстана; соавтор многих учебников и учебных пособий по истории и культуре.

Эмиль ГУЗАИРОВ

Родился в 1961 году. По образованию архитектор, дизайнер. Занимается графикой, живописью, архитектурой, графическим дизайном, иллюстрациями и фотографией. Пишет, рисует и издает ограниченными тиражами авторские рукописные книги в жанре «Книга художника».

Много лет снимал анимационные фильмы, работал художником-постановщиком в кино, арт-директором издательства, преподавал в архитектурном институте и работал на ТВ. Автор сценария и режиссер нескольких анимационных

фильмов. Пишет рассказы, сказки, приключенческие повести и сценарии. Опубликовал ряд статей и рассказов в различных периодических изданиях.

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Караганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при Правительстве КР по контролю наркотиков, Главный Штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, Украине, России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», государственной наградой Кыргызской Республики медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

Людмила ИВАНОВА

Родилась в г. Киеве, окончила филологический факультет Киргизского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы КРСУ, сфера научных интересов – русская поэзия, автор более 80 публикаций, в том числе и по русской поэзии Кыргызстана.

Виктор КАДЫРОВ

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в

книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля».

Евгений КОЛЕСНИКОВ

Родился в 1935 году в Алтайской глубинке. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Работал редактором издательства «Кыргызстан», заведующим отделом прозы журнала «Литературный Кыргызстан», консультантом Союза писателей Кыргызстана, а затем – Международного сообщества писательских союзов в Москве. Автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, изданных как в Кыргызстане, так и за рубежом.

Бахтияр КОЙЧУЕВ

Койчув Бахтияр родился в 1963 году в Бишкеке. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета, опубликовал более 80 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе – о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана. Член Национального Союза писателей КР.

Александр МОЛЧАНОВ

В 2012 году окончил Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности русская филология. Пишет рассказы с 2007 года. В 2010 году стал лауреатом литературной премии «Золотая табуретка», которую проводит Американский университет в Центральной Азии. Печатался в литературном альманахе «Много языков – один мир!» за 2010 год и в «Литературном Кыргызстане».

Ф.ФАРИД (Кензина Файруза Шайхп-Исламовна)

Родилась 15.11.1950 г.р., г. Куйбышев (Самара), Россия, окончила Казахский Государственный Университет им. Кирова, филологический факультет. Живет в г. Алматы. Публиковалась в журналах «Простор» (г. Алматы), «Нива» (г. Астана), «Литературный Кыргызстан» (г. Бишкек). В настоящее время планируется публикация нескольких рассказов в журнале «Москва» (г. Москва)

Георгий ХЛЫПЕНКО

Родился 16 сентября 1938 года в селе Садовом Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргизского университета и очную аспирантуру при нем. Работал в качестве научно-педагогического сотрудника в различных вузах Киргизии. Научные специализации – русская литература Кыргызстана и киргизско-украинские литературные связи. Член Союза писателей СССР и Национального Союза писателей КР по номинации «критика и литературоведение», профессор кафедры истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. В «Литературном Кыргызстане» публикуется, начиная с 1964 года.

Артем ХЕГАЙ

Родился в 1986 году в г. Фрунзе. Окончил Бишкекский гуманитарный университет по специальности журналистика. Лауреат специальной премии фестиваля «Айкол-Манас – Человек года» – «Крылатое будущее Кыргызстана» в номинации «Дебют в литературе – Проза» 2009 г. Участник мастер-класса в летней школе «Дебют IV 2008 МФА». Публиковался в сборнике «Новые писатели»/Фонд СЭИП (Москва 2014), в журнале «Литературный Кыргызстан» и в альманахе «Много языков – один мир».

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Родился в 1947 году, в г. Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан). Народный поэт КР, заслуженный деятель культуры КР, лауреат международной Русской премии (РФ, Москва).

Автор 12 поэтических сборников, более 30 книг переводов киргизской народной поэзии и лирики XX века, поэзии Запада и Востока. Стихотворения и поэмы публиковались в странах Европы и Азии, на ряде языков.

Доктор филологических наук, профессор, автор пяти научных монографий, около 300 научных и публицистических статей. Член ряда академий (Россия, США). Лауреат Государственной премии КР.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 31.01.2015 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 5.
Тираж 300 экз.

